

Русский бунт

Гражданская война в России 1564 – 20..?

Русский человек вынужден делать выбор. Такая у нас судьба историческая. Вы выбираете, даже если ведете вовсе бессмысленный образ жизни, даже если, казалось бы, от всего в стороне. Все равно, однажды за вами придут те или другие и предъявят...

Потому что в России всегда есть ТЕ и ДРУГИЕ.

Общепризнанно, что в 1918-1922 была у нас гражданская война. Некоторые радикалы называют Великую Отечественную второй гражданской. Имеются в виду сражения «героев РОА» с бойцами Красной Армии. И, исходя из невиданного в мировой истории количества «коллаборантов», воевавших против «своей страны», в этом есть резон.

Однако война все же одна, зато она практически непрерывна, по крайней мере, с середины 16 века. В ней просто есть холодные и горячие фазы. А стороны конфликта иногда меняются местами.

Это война Святой Руси против Третьего Рима, Русской Правды против Российской Империи. Война двух смыслов национальной истории, двух мессианских проектов, двух национальных идей. По одну сторону линии фронта – князь Андрей Курбский, воры в законе и генерал Андрей Власов. По другую – Иосиф (Санин) Волоцкий, НКВД и Иосиф Сталин.

Разговор по понятиям

Государственность на Руси, как таковая, зародилась и развивалась не просто под влиянием, а фактически по инициативе Церкви. На Западе имелся абсолютно светский источник власти – республиканско-имперская римская традиция.

Характерно, что варвары вовсе не вырезали поголовно римскую администрацию, а напротив активно привлекали ее представителей к себе на службу. И королевства раннего Средневековья рождались из синтеза племенных германских понятий и римских правовых нормативов.

Но Русь с этой латинской юридической матрицей никак не соприкасалась. Политическое сознание князей Рюриковичей, воспринимавших княжества свои просто как личные вотчины, формировали православные монахи. Поэтому и смысл, и цель

государственности были заданы ими – защита Святой Руси. И обеспечение условий для реализации данного проекта, задания, миссии.

Изначально Святая Русь не была ни федерацией, ни даже конфедерацией, она была Землей, в которой должно было воплотить в жизнь заповеди Божьи. Именно здесь на русских просторах суждено сему сбыться. Так верили наши предки.

Известный историк религии Сергей Зеньковский писал: «В древней Руси, идея особого положения русского народа в мире как народа, удостоенного православной веры, развивается уже в первый же век по принятии христианства». Сочинение первого русского по крови митрополита Киевского Иллариона «Слово о Законе и Благодати» говорит о самом важном – о приоритете внутреннего над внешним. Благодать превышает закона.

Илларион убежден, что русские избранный народ, наделенный Божьей благодатью, и облеченный особой, исключительной миссией: «сбыться о нас языцех реченое: откроет Господь мышцу свою святую пред всеми языки и узрят все концы земли спасение, еже от Бога нашего».

Русские (как этнос, находившиеся тогда в стадии формирования) Благоую Весть Христову восприняли абсолютно буквально (как евреи, кстати, Закон Моисея). Восприняли, как веление реализовать единство Веры (истинных догматов и правильных обрядов) и Правды (воплощения евангельских принципов в жизненном укладе и государственном устройстве).

Духовный стих «Александр Невский» так говорит об этом:

Уж давно-то христианская вера

Во Россеюшку взошла,

Как и весь-то народ Русский

Покрестился во нее;

Покрестился. возмолился

Богу Вышнему:

— Ты создай нам, Боже,

Житье мирное, любовное...

И мечта об этом «житье любовном» слилась нерасторжимо с национальным архетипом. Святая Русь – синтез Веры и Правды. Пока власть стремится к его реализации, она легитимна. А Земля Русская – преддверие Рая.

Именно это осознание особенности данной им Богом территории объединяло наших далеких предков. Иначе, если игнорировать это вполне мистическое, но общераспространенное ощущение, невозможно понять, по какой причине в условиях

нескончаемых межкняжеских усобиц, чувство духовно-территориальной целостности Руси продолжало жить в их сердцах.

Чисто материальных резонов - экономических причин и «родовой» общности князей Рюриковичей для этого никак не достаточно. И явно не мечта о некоем имперском общем будущем требовала единства восточно-славянских племен.

Былины и духовные стихи создают ощущение, что русская земля изначально была уготована для святости. Она рисуется как край богоизбранный уже в силу красоты своей и плодородия. Она была от сотворения мира предназначена для того, чтобы в ней свет Истины воссиял.

«О светло светлая и украсно украшенная Земля Русская», - так в «Слове о погибели Русской Земли» (повествуя о нашествии татаро-монголов) характеризуется наша Родина. При этом красота ее с момента крещения уже находится в таинственной связи с торжеством в ее пределах Веры Христианской. А утрата ее чревата тем, что Русь потеряет свой «свет» и свою «украшенность». Полную оправданность этих прозрений мы наблюдаем сегодня, когда изуродована и душа народа, и земля его.

Уже само существование такого явления, как народные духовные стихи выделяет русских из ряда прочих родственных славянских племен, у которых ничего похожего не отмечается.

Один из подобных текстов так обозначает роль Руси во всемирном масштабе:

Свято-Русь-земля всем землям мати.

Почему же Свято-Русь-земля всем землям мати?

На ней стоят церкви апостольския,

Богомольныя, преосвященныя.

Оны молятся Богу распятому,

Самому Христу Царю Небесному, —

Потому Свято-Русь-земля всем землям мати

В 1453 году пал Константинополь. И с этого момента Русь обрела новую миссию – в буквальном смысле быть страной-матерью, хранительницей Веры, защитницей для всех православных.

Старец Филофей сформулировал это так: Москва теперь – Третий Рим. Потому как первый пал, и второй соблазвившийся посулами еретиков, взят иноверцами, а третий стоит, а четвертому не быть. Но (современные исследователи не всегда это понимают), не быть ему не потому что Третий Райх (в смысле Империя) будет вечным, а потому, что Конец Света уже «при дверях».

Идея Третьего Рима призвана была придать миссии Святой Руси мировое звучание. Тем более, что падение Царьграда только подтверждало давнюю интуицию русских о своей богоизбранности. Наша держава оставалась единственным и уникальным православным царством.

При этом, следует иметь в виду, что Константинополь, взятый «басурманами», был не только Вторым Римом, но и Новым Иерусалимом. То есть, Русь становилась единственной правомочной хранительницей Истины Христовой. Патриарх Никон (самый «третьеримский» иерарх Русской Церкви) даже создает зримый и осязаемый Новый Иерусалим – Воскресенский монастырь.

Казалось бы, вот оно осознание национальной миссии во всей ее полноте. Однако идея Империи (только поначалу православной, потом вполне себе светской, а в конце и вовсе Советской) с этого момента начинает отодвигать на второй план доктрину Святой Руси. И постепенно, шаг за шагом вытеснит ее на периферию – в лесные скиты, на Дон и даже вовсе за рубежи Московского царства.

При этом, носители этой идеи со временем превратятся в антигосударственный элемент, в «изменников Родины». Но последние были уверены – измена Руси – это измена ее миссии, ее сокровенной сущности, а вовсе не переход за границы некогда завоеванной и обжитой предками территории. Лояльность власти, с их точки зрения, была оправданна лишь до тех пор, пока та стремилась соблюдать единство Веры и Правды.

Так, гражданская война стала неизбежностью, стала судьбой России.

И прекратить ее невозможно без реабилитации «правдоискателей», как бы ни были «черны» мифы о них сложенные. Нужно увидеть историю их глазами. Иначе миру не бывать.

Их оппоненты-«имперцы» (теперь их принято называть государственниками) и так историческим признанием не обделены. Но именно их «противоестественная» монополия на выявление «врагов народа» - причина нескончаемого, братоубийственного конфликта.

Святая Русь vs Третий Рим

Залпы Гражданской грянули в роковом 1564-м. Бегство князя Андрея Курбского в Литву – один из поворотных, не до конца оцененных моментов в истории России. Его «предательство» - знак беды – раскол свершился уже тогда за сто лет до реформы патриарха Никона. Глубоко православный человек, русский аристократ бросил вызов самодержцу московскому, некогда другу своему Ивану. Причем, бросил, как перчатку перед поединком.

И начал под знаменами польского короля боевые действия против своей родины. В марте 1565-го во главе 4-тысячного литовского отряда он разгромил 12-тысячное войско бывшего своего сюзерена.

После этой победы Курбский обратился с просьбой к королю дать ему 30 тысяч воинов. С этой армией он клятвенно обещал дойти до Москвы и свергнуть Ивана. А чтобы его не заподозрили в намерении сыграть двойную игру, князь предложил весьма оригинальный способ своего перемещения в предстоящем походе.

Он соглашался на то, чтобы его приковали цепями к телеге и приставили неусыпный стрелецкий конвой, каковой при первом же подозрении должен был его расстрелять.

Практически ровно то же самое через без малого пятьсот лет предлагал германскому командованию генерал Власов. И оба не нашли понимания. Что было бы, если бы, фантазировать бессмысленно. Однако одно бесспорно. И тот, и другой не блефовали. У них были серьезные шансы. И были они только потому, что и Власов, и Курбский знали, что поддержать их, поднявшись на гражданскую, в России готовы очень многие.

В знаменитых своих посланиях Грозному Курбский предьявляет ему самому обвинение в измене, но не государству, а Правде: «Не мни, царю, ни помышляй нас суемудренными мыслями, аки уже погибших и избьенных от тебе неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды. Не радуйся о сем, аки одолением тощим хваляся: разсеченных от тебе, у престола господня стояще, отомщения на тя просят, заточенные же и прогнанные от тебе без правды от земля к богу вопием день и ночь на тя!». И при этом сетует, что царь лишил его «Божьей земли», вынудил покинуть Святую Русь.

Но для Ивана подобные претензии – абсурд. Он неподотчетен людям. Он, фактически, земной наместник Бога, ему и только ему судить о том, что по правде, а что «без правды». А подданные для него по определению бесправны.

И он весьма афористично и безапелляционно отвечает Курбскому: «Мы же вольны награждать своих холопов, вольны и казнить». Такая формула явно обжалованью не подлежит.

Каждый из участников этого спора не просто отдельная, пусть и неординарная личность, но представитель двух базовых для Руси идейных платформ – «нестяжателей» и «осифлян», Святой Руси и Третьего Рима.

Первые - последователи святого старца Нила Сорского и его ученика монаха-князя Вассиана Патрикеева считали, что царь несет ответственность не только перед Богом, но и перед подданными. Более того, полагали, что решения он должен принимать не

самовластно, а в совете с «лучшими людьми» и даже, как выражался Курбский, «всенародными человеками». Именно эта мысль породила практику Земских соборов.

А главная цель монарха – блюсти Правду Божью. Отличать же ее от кривды, ему призваны помогать иноки, отрeksiеся от соблазнов мирских, а потому не подлежащие коррумпированию и запугиванию.

В нестяжательстве видели они важнейшее условие спасения. По мнению Вассиана, оно должно было стать главным принципом жизни всей Русской Православной Церкви. Иноки, входившие в «партию» Вассиана практиковали «умную молитву». Эта православная медитация, приемы которой разработали монахи исихасты (безмолвники) освобождала их от страстей и лукавых помыслов.

Они отказывались от стяжания не только имущества, но и почестей, власти, от самого стремления выгадать что-либо для себя лично. Потому что становились подлинно «не от мира сего», каковыми и должны были быть истинные иноки (странники в ИНОЕ). А значит, обретали способность и право именем Божиим указывать самому царю не только на его прегрешения против Веры, но и его отступления от Правды.

«Осифляне», прозванные так в честь своего вождя Иосифа Санина (игумена Волоколамской обители), в отличие от «нестяжателей», были уверены - монастырям позволено не только заниматься активной хозяйственной деятельностью, но и владеть обширными землями и даже крестьянами. Тут коррупционный фактор уже вполне мог проявиться во весь рост.

И хотя, игумен Волоцкий считал, что покоряться следует только тому государю, который хранит верность православным догматам, акцент делался не на Правде, а на Вере. Иосиф утверждал, что государь «естеством подобен всем человекам, властью же – Богу». И хотя вождь осифлян, фактически санкционировал сопротивление властям, поправшим Веру, но из его текстов можно было сделать и вполне конформистские выводы. Внешнее благочестие монарха, фактически, гарантировало его от претензий со стороны подданных.

Но «Вера без дел мертва».

Кроме того, отстаивая право Церкви на «стяжание», осифляне благополучно «забывали» об изгнании Христом торговцев из Храма. А также Его слова о том, что «легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому попасть в Царство Небесное». И хотя сам Иосиф чтит аскетов-молитвенников, да и сам вел вполне безукоризненную с догматической точки зрения жизнь, последователи его стали яростными и беспощадными гонителями старцев, хранивших нестяжательские заветы.

Еретиков, тогдашних инакомыслящих, Иосиф предлагал казнить смертью. А сторонники Нила Сорского, хотя тоже беспощадно обличали «жидовствующих» (именно так называлась наиболее злостная тогда ересь), считали, тем не менее, что идеи надо одолевать в споре, а не с помощью палаческого инструментария.

Вассиан Патрикеев в своем «антикоррупционном» радикализме даже доходил до того, что утверждал: не столько еретики, сколько сами осифляне угрожают чистоте Веры. Ибо они развращают Церковь богатством, нарушая, тем самым, Христовы заповеди. И сегодня, по прошествии веков, с ним трудно не согласиться.

Именно «стяжательство» клира встало стеной между народом и Церковью. Именно поэтому она не смогла спасти страну от революции 1917-го, ставшей кульминацией многовековой гражданской. Да скольким и сейчас мешает «найти дорогу к Храму» вызывающая «материалистичность» сегодняшних осифлян.

«А вотчин и волостей, - говорили сторонники Нила Сорского, - со Христианы отнюдь иноком не подобает давати: то есть иноком душевредно, что мирскими суетами мается...». Нестяжатели упрекали осифлян в том, что они превратили храм Божий из места спасения в приют «высокоумства и величества», что их монастыри стали обителями «пьянства, грабления и всякой нечистоты»: что иноки превратились как бы в «мирских приказных».

Вассиан своих противников не только в полемике, но и в быту не жаловал. И заявлял по поводу оппонентов: «Иосифова монастыря старцы у меня и в келье не бывали, я их к себе не пушаю, и дела мне до них нет». Ему такого «экстремизма» не спустили...

Вассиана поддерживали многие представители интеллектуальной элиты Руси. На его сторону стал и блестяще образованный византийский монах Максим Грек. Он в юности живя во Флоренции, был одним из сторонников монаха-социалиста Савонаролы. Итальянский «нестяжатель» был казнен. На Руси Максим Грек тоже не нашел Правды.

«Шел я, - рассказывает он в одном из сочинений трагическую притчу, - по-своему многих бед преисполненному пути и встретил женщину при дороге, одетую в черные ризы, с поникшей головой и горько плачущую. И ужаснулся я и спросил: кто ты, зачем сидишь и плачешь? «Путник, не спрашивай, - отвечала она, - навлечешь на себя некую напасть и ненависть со стороны тех, которые отвращаются от истины и ненавидят старческое поучение. Но на настойчивые вопросы ответила наконец женщина: «Я - базилейя, царство, власть. Я - славная дочь Всевышнего. И вот меня подчинили себе славолюбцы и властолюбцы. Одолеваемые сребролюбием и лихоимством, они морят подданных всяческими истязаниями, постройками многоценных домов, нисколько не служащих к утверждению их державы, а только на излишнее угождение и веселие

блудливых душ их, - растлевают благочестивый царский сан своими неправдами, лихоимством, богомерзким блудом, - скоры на пролитие крови, по своему несправедному гневу и зверской ярости».

Сегодняшние властители, любящие позировать в Рождество и в Пасху в Храме Христа Спасителя со свечками в руках, в прочие дни, как и их коронованные предшественники, заняты по большей части гиперпроектами (вроде Олимпиады 2012), «нисколько не служащими к утверждению их державы», но зато «веселящими их блудливые души».

Несмотря на столь критический пафос нестяжателей, какое-то время к ним благоволил сам Великий князь Василий III.

Однако, когда митрополитом стал ученик Иосифа Даниил Рязанец, «стяжатели» перешли в наступление. Максим Грек и Вассиана были осуждены как еретики. Последний был заточен в Иосифо-Волоколамском монастыре, где и умер, вследствие соответствующего режима содержания, обеспеченного ему «презлыми осифлянами».

Отметим, что именно последние продвигали доктрину «Третьего Рима». В результате их усилий, уже Иван Васильевич принялся выводить свою родословную напрямую от «кесаря Августа». После чего вполне логично не замедлили и «нероновы казни».

При этом, осифляне заимствовали из «Второго Рима» (Византии) модель «сотрудничества» светской и духовной властей. Видный церковный мыслитель протоиерей Иоанн Мейендорф в свое время подверг весьма аргументированной критике проведение аналогии между единством Священства и Царства с одной стороны и единством Божественной и человеческой природ во Христе – с другой. Именно на нем была основана византийская имперская формула.

С догматической точки зрения подобная операция есть недопустимый волюнтаризм. Ведь не учитывалось принципиальное различие между свободной от греха природой Богочеловека и по определению падшей природой любой земной власти. Император Юстиниан утверждал равенство в происхождении и природе Священства и Царства: «Священство и Царство – величайшие дары Божии человеку, дарованные Вышним». Заметим, что Библия совсем не так оценивает этот «дар».

Общественный порядок, расцениваемый Книгой, как подлинно Божественный принципиально иной. Народ Божий изначально жил в условиях весьма развитого «местного самоуправления» в рамках своеобразной «союзной республики». Колена

Израилены некоторыми исследователями даже сравниваются с американскими штатами. А регулировали их взаимоотношения Судьи – толкователи Воли Божьей.

Когда же евреи пожелали «быть как все», «не хуже других» и обзавестись царями, то последний судья транслировал им Божье предупреждение относительно того, чем это чревато: «... вот какие будут права царя, который будет царствовать над нами: сыновей ваших возьмет он и приставит к колесницам своим и сделает всадниками своими и будут они бегать перед колесницами его... И дочерей ваших возьмет, чтобы они составляли масти, варили кушанье и пекли хлеб... и сами вы будете его рабами. И восстанете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда». Потому что не слышит он добровольных рабов.

Иосифа Волоцкого оппоненты обвиняли в увлечении суровыми нормативами Ветхого Завета в ущерб евангельским заповедям любви, когда дело касалось преследования еретиков. Но вот, вышеприведенную цитату из Ветхого Завета он очевидно игнорировал.

Была ли своя правда у Волоколамского игумена. Разумеется, да. Хозяйственная деятельность монастырской братии являла чудеса, так же как и подвиги старцев пустынножителей. Соловки – зримый пример преображения природы трудом Христовых воинов. А обитель Святого Сергия в Смуту не только выдержала осаду поляков, но и спасла от голодной смерти тысячи русских людей.

Но все эти замечательные достижения сводил на нет конформизм. Нет, сам Иосиф, да и многие его наследники были бескомпромиссны. И даже слишком. Например, в борьбе с нестяжателями. Если бы тогда, в начале XVI века был найден способ синтеза двух правд, мы, возможно, жили бы сегодня воистину в Третьем Риме, а не в новом Вавилоне...

Характерно, что победа осифлян в итоге была обусловлена даже не тем, что их теоретические построения показались Василию III более перспективными в плане укрепления личной власти. В конце концов, были ведь свои плюсы даже с чисто прагматической точки зрения и у нестяжательской позиции. Монастырские владения, каковы они считали вредными и обременительными в деле спасения, князь мог для своих нужд с успехом употребить. Но аскеты, непритязательные в материальном смысле, оказались слишком несговорчивыми относительно личной жизни государя.

Дело в том, что Василий III, дожив до 46 лет, никак не мог обзавестись наследником. И полагал, что виной тому бесплодие Великой княгини Соломонии (Сабуровой). В итоге, Василий решил с ней развестись.

Но резко против выступили нестяжатели. Все те же Максим Грек и Вассиан Патрикеев. Они строго следовали евангельской заповеди, что развод допустим только по причине измены одного из супругов. Иных вариантов не предусмотрено. А значит, и Великому князю никаких поблажек быть не может.

А вот осифлянский митрополит Даниил развод санкционировал. Чем и заработал решающие очки. Соломония была насильно пострижена в монахини. А Василий женился на Елене Глинской, принадлежавшей к княжеской семье, незадолго перед этим перебравшейся в Москву из Литвы.

От их брака и появился на свет Иоанн Васильевич, прозванный Грозным.

Гнев венчанный

Сами обстоятельства появления Ивана на свет указывают на «разорванность» этой личности между полюсами жажды святости и стремления к самому черному греху. Если бы православные каноны были строго соблюдены, то он вовсе не появился бы на свет. То есть, выходит не было на то Божьей воли.

Свидетельством чему, кстати, и то, что новая супруга Василия забеременела далеко не сразу. Когда Великий князь был уже на пороге отчаяния, супруги обратились с молитвой к святому Пафнутию Боровскому. И она была услышана. То есть, Иван был буквально вымолен. И очевидно, свою темную изначально предрешенную судьбу он мог изменить только следуя неукоснительно по пути Веры и Правды.

Тем более, что наследственность у него была весьма подозрительной. Когда в 1547 году, году его венчания на царство, в столице вспыхнул страшный пожар, уничтоживший большую часть города, москвичи своеобразно объяснили его причину.

Народная молва утверждала, что «возгорание» случилось в результате колдовства. Якобы бабка царя, княгиня Анна Глинская ездила по улицам и кропила их водой, которой она обмывала сердца, вырезанные из трупов. Вот такая литовская «панночка».

Ответом стало массовое восстание. Анна бежала из города, но дядю царя, князя Юрия толпа растерзала. А к объятому ужасом юному царю явился священник Благовещенского собора Сильвестр. Он обличил Ивана «кусательными словами», обвинив его в «буйстве» (тот уже успел проявить склонность к мучительству) и заявил, что сгоревшая столица - наказание царю за грехи.

Это был чисто нестяжательский стиль общения с высшей властью. Сильвестр и в самом деле принадлежал к этой полуопальной «партии». Потрясенный царь признал правоту проповедника. И с той поры Сильвестр стал его ближайшим советником.

Вскоре была сформирована Избранная Рада (так этот правительствующий орган именовал один из его участников Андрей Курбский). Во главе Рады встали Сильвестр и дворянин Алексей Адашев.

И начался этап правления Грозного в ходе, которого была предпринята впечатляющая попытка синтеза святорусского и третьеримского проектов. Власть в эти годы реально стремилась следовать Правде.

А то, что она под угрозой чуяли не только иноки, но и люди абсолютно мирские. Дворянин Иван Пересветов, рубившийся во многих войнах (в том числе и под знаменами трех европейских королей), писал в своих челобитных молодому Грозному: «Бог не веру любит — правду», и «коли правды нет, то и всего нет».

Главной угрозой для Правды Пересветов считал олигархические поползновения бояр. Он обвинял их в том, что они несправедливо богатеют, а жизнью своей за государство пожертвовать не хотят.

Но ничуть не меньшая неправда Московского государства в том, что порабощены в нем люди. Рабство, по мнению Пересветова, есть учреждение дьявольское: после изгнания из рая дьявол хотел навеки поработить Адама, но Бог учинил свое милосердие, спас Адама от рабства и кабальную запись изорвал.

Поэтому люди, которые «записывают людей в работу навеки», угождают дьяволу и сами погибают навеки. Пересветов писал: «Которая земля, порабощена, в той земле все зло сотворяется: и татба, и разбой, и обида, и всему царству оскужение великое, всем Бога гневят, а дьяволу угождают». Именно из-за произвола вельмож и порабощения погибло, как говорит Пересветов, православное греческое государство. Эти же угрозы нависли и над Святой Русью – Третьим Римом.

Пересветов видел Русь социальной монархией, где главный критерий продвижения вверх – верность и доблесть. Опорой подобной системы должно быть специальное воинское подразделение, состоящее из «юнаков храбрых числом тысяч в двадцать». «Так и царь Магомет завел при себе янычаров, чтобы не было в государстве никакой измены».

В реальности янычары все-таки были, прежде всего, боевым формированием, типа «иностранный легион», Пересветов же ведет речь об орденах хранителей Правды. Челобитные писались накануне Казанского похода – одного из самых впечатляющих свершений богатого событиями царствования Грозного.

Правды ради

Взятие Казани, а затем покорение Астрахани стали общими победами молодого царя и его окружения. Операции были проведены в соответствии с самыми передовыми

для того времени принципам воинской науки. Для подрыва казанских стен привлекли даже немецкого военспеца. Народ разгром ханства встретил с ликованием, ведь в татарском плену томились тысячи русских.

Эти победы стали, кроме того, важнейшими геополитическими свершениями. Современники, вряд ли в полной мере осознавали их значение. Но чувствовали наверняка. Присоединение к Руси остатков Золотой орды, а позже – Сибирского ханства – стали знаменем перехода наследства Чигисхана в руки первого венчанного на царство Московского государя. Иван Грозный становится не только русским царем, но и истинным евразийским императором.

Казалось бы, все складывалось как нельзя лучше – военные успехи, единение нации, но счастье было так не долго...

Случилось так, что царь тяжело занемог. Что за болезнь с ним приключилась – сегодня понять затруднительно, но был он при смерти. Сыну его и наследнику на тот момент еще и года не исполнилось. Иван повелел собрать ближних бояр и просил их присягнуть царевичу. Тут и обнаружились тревожные для него тенденции. Никак не желали представители древних родов, чтобы после смерти царя во главе государства встала его жена Анастасия и ее родственники Захарьины, которые, хоть и были тоже боярами, но не княжеских кровей.

Без энтузиазма воспринял перспективу перехода реальной власти в руки царицыной семьи и Сильвестр. Он прекрасно помнил беспредел, который творили временщики в годы малолетства самого Ивана. Было о чем задуматься. Тем более, что была реальная альтернатива – права на престол имелись и у вполне себе половозрелого двоюродного брата Грозного – князя Владимира Старицкого.

В конце концов, правда, присягу наследнику Грозного после долгих уговоров и угроз все-таки дали. Иван, конечно, был, мягко говоря, озадачен. Немедленных репрессий после выздоровления, правда, не последовало. Но его доверие к членам Рады было подорвано. Похоже, что с этих пор он искал только повода, чтобы избавиться от некогда самых близких ему соратников.

Курбский утверждает, что осифлянин Вассиан Топорков посоветовал как-то царю не держать при себе советников умнее себя. И мысль эта запала в сердце самодержцу. Был ли Адашев умнее Грозного, сие нам неизвестно, но одно очевидно. Именно период когда Иоанн Васильевич действовал исходя из разработок «коллективного разума» Избранной Рады был не только звездным часом его царствования, но временем, когда синтез Веры и Правды начал и самом деле реализовываться на практике.

Был проведен целый комплекс весьма благотворных реформ. Причем, принимались они в совещании со «всенародными» человеками. В феврале 1549 года состоялся, так называемый «Собор примирения». В нем приняли участие представители светской и духовной элиты. Царь огласил на нем перечень прегрешений, совершенных боярами в период его малолетства. И заявил, «что сердца на них не держит», а те, в свою очередь, повинились и обещали впредь служить государю верой и правдой.

А через два года состоялся знаменитый «Стоглавый собор» (уложение, принято на нем, было разбито на сто глав). В нем участвовали помимо высшей аристократии представители широких дворянских масс.

В частности, был принят «Судебник», согласно которому суд отныне вершился в присутствии представителей местного самоуправления. И это было только начало. Уже через четыре года суд и сбор налогов и вовсе были переданы в ведение выборных властей (излюбленных голов, земских судей и целовальников).

Прежде эти функции были закреплены за «кормленщиками», представителями Центра, каковые, собирая налоги, вполне официально, часть отправляли в казну, а часть оставляли себе. Разумеется, при такой системе открывался самый широкий простор для произвола.

Система «местничества», когда чины и посты получали в соответствии с древностью рода, а не исходя из личных заслуг, также была признана неадекватной Правде. И провозглашен был принцип первичности заслуг, а не родовитости. «Избранная тысяча» служилых людей (кадры для «дворянской гвардии» из челобитной Пересветова) получили поместьем в окрестностях Москвы, дабы «всегда они были готовы на посылки».

Кроме того, в 1556 году было издано вполне революционное Уложение, согласно которому у помещиков, которые «многими землями завладели», а службой «оскудели», отбирались «преизлишки» и отдавались «неимущим».

Московский порядок уже при отце и деде Грозного был основан на тотальной государственной повинности всех сословий. Поместья жаловались на условиях верной службы государю. Если, к примеру, воин становился инвалидом и не мог исполнять свои обязанности, ему оставляли во владение ровно столько, чтобы мог прокормиться он и его семья, излишки перераспределяли в пользу годных к службе. В то же время, существовала своеобразная страховка: детально был разработан порядок обеспечения безбедного существования вдов и детей павших.

Теперь же устанавливались четкие служебные обязанности дворян, увязанные с благосостоянием каждого конкретного владельца. С каждых 100 четвертей «доброй угожей земли» следовало выставить одного всадника в «доспехе в полном».

Таковыми были реформы правительства, состоявшего из учеников нестяжателей. Русь становилась подлинно «социальной монархией».

Но парадокс в том, что в эти же годы «заволжские старцы» были окончательно осуждены на церковных соборах. Осифляне одержали верх во внутрицерковной борьбе. Недалек был их триумф и в общегосударственном масштабе.

Первая кровь

Ливонская война, которую царь начал вопреки мнению Рады, фактически предвосхищала петровские баталии, поскольку велась она с той же целью – за выход в Балтику. Рада настаивала на первоочередном решении «крымского вопроса». И стратегически оказалась права. Обнаружилось это позже, когда татары вновь как во времена прадедов Ивана выжгли Русь, истощенную «прорубанием окна в Европу».

Со стратегической точки зрения атаковать Ливонию, имея в тылу агрессивный Крым, было, мягко говоря, не рационально. Кроме того, стоит отметить, что, разумеется, Орден никак не являлся для Москвы угрозой. А вот татары постоянно промышляли на Руси и Украине, угоняли в полон православных, которых потом продавали на Черноморских невольничьих рынках.

Другой вопрос, что находившийся в фазе глубокого упадка Ливонский орден представлялся легкой добычей. Правда, по меньшей мере, странно было не предположить, что за его «наследство» готовы драться такие серьезные конкуренты Руси, как Речь Посполитая и Швеция.

Члены Рады указывали на то, что защита Веры, безопасность населения не только пограничья, но и центральной России требуют окончательного решения татарского вопроса. Курбский писал, что он и его соратники мечтали «избавить в орде пленных от многолетнего рабства». А с Ливонией вполне можно было и обождать.

Историки марксисты утверждали, что немцы, мол, не пропускали в Москву иноземных спецов, каковые стремились поделить с русскими новейшими «техническими разработками», без которых никак не могли должным образом развиваться производительные силы. Ничего не скажешь, сильный аргумент для того, чтобы оправдать войну на два фронта.

После побед над Казанью и Астраханью, масштабная операция против Крыма по всем расчетам должна была увенчаться успехом. Был проведен даже пробный весьма знаменательный рейд на территорию противника. На западном побережье Крыма

высадился русский десант во главе с братом лидера «рады» Даниилом Адашевым (через несколько лет Грозный отправит его на плаху).

Современник писал об этом: «От самого начала, как и юрт Крымский стал, как и в тот Корсунский остров нечестивые басурмане водворились, русская сабля в нечестивых жилищах тех кровава не бывала, ни труба прежде сего не трубила, созывая воинство православных».

Более того, начала складываться военная коалиция. Москву готовы были поддержать в наступлении на Крымское ханство запорожские казаки во главе с легендарным князем Дмитрием Вишневецким, ногайские мурзы и некоторые князья Северного Кавказа.

То есть Крым и земли, которые позже назовут Новороссией могли стать частью Руси за двести с лишним лет до походов екатерининских генералов. И глядишь, лихой князь Вишневецкий за сто лет до Хмельницкого присоединил бы Украину к Руси.

Но царь планы Рады отверг. Более того, лидеры ее угодили в опалу. Раздражение против «шибко умных» советников слилось с подозрениями в их «неверности», в связях с Литвой, причастности к смерти царицы Анастасии.

Кроме того, под влиянием осифлян у царя сложилось собственная радикально отличная от взглядов членов Рады, философия власти. В своем ответном послании Курбскому он писал: «Неужели же это свет – когда поп и лукавые рабы правят, царь же только по имени и по чести – царь, а властью нисколько не лучше раба? И неужели это тьма – когда царь управляет и владеет царством, а рабы выполняют приказания?».

Таким образом, судя по всему, целый комплекс причин привел к падению правительства Сильвестра и Адашева. Первый был пострижен и отправлен в монастырь. Второй - в Ливонию на театр военных действий. В Дерпте (Тарту) ему вскоре повезло умереть своей смертью.

На его родственников и многих видных деятелей прежнего этапа правления обрушились репрессии. Почувствовав, что «снаряды рвутся все ближе», герой взятия Казани Курбский уходит в Литву. Шаг морально далеко небезупречный – князь бросил на родине жену и детей. Но, не эмигрируй он, смерть его на плахе или от ножа опричника была гарантирована.

В декабре 1564 года москвичи внезапно обнаружили, что остались без царя во главе. Иван ускакал в Александровскую слободу (ныне город Александров). Вскоре оттуда прибыл гонец, возвестивший, что государь предлагает альтернативу: либо он отказывается от своих полномочий, либо народ санкционирует борьбу с боярской

изменой. Иван требовал себе экстраординарных полномочий не ограниченных временами и сроками.

Народ поддержал государя, испугавшись «остаться сиротой». И Грозный, получив санкцию на террор, начал «перебирать людишек». Страна разделена была на «опричнину» и «земщину». В первой части под личным руководством царя осуществлялась «зачистка» «княжат» по «жесткой схеме», во второй до поры жизнь шла своим чередом.

Но царь предполагал в перспективе все земли русские пропустить через «опричнину», поэтапно внедряя новый порядок. А состоял он в том, что у родовитых бояр отнимали их вотчины, дробили и передавали мелкими наделами служилым людям.

То есть, задачи, которые Рада решала «реформистски» поэтапно, царь решал «революционно». Самых «княжат» частью физически ликвидировали, частью высылали на «украинные земли», где в боях с внешними врагами они должны были доказать свою верность.

Для реализации программы и создан был корпус опричников, тех самых пересветовских «юнаков храбрых». Одетые в черные кафтаны, они разъезжали на конях, к седлам которых были приторочены собачьи головы и метлы. Это служило знаком того, что они «грызут врагов государевых и выметают крамолу». В Александровской слободе, ставшей второй столицей, царь установил монастырский порядок. Себя же Иван именовал игуменом.

Ливонская война была крайне тяжелой. Первоначальные блестящие победы, приведшие к ликвидации Ливонского ордена, сменились поражениями, которые русские терпели от войск польского короля Стефана Батория. Тут в тыл и ударили крымцы. Вся Москва была сожжена, только Кремль уцелел.

В боях погиб цвет черного ордена. А многие отправились на плаху как «неоправдавшие доверия». И опричнина осталась в веках загадкой. Кем были «кромешники» - рыцарями-монахами или кровавыми беспредельщиками? Ответ зависит, как всегда, от угла зрения...

Тайна черного ордена

Итог царствования был катастрофическим. Ливонская война завершилась утратой всех завоеванных земель. Грозный умер через два года после ее окончания. Несмотря на беспощадный «антиолигархический» террор, ликвидировать угрозу возрождения боярского самовластия тоже не удалось. Это проявилось в Смуту, когда царем стал классический олигарх - князь Василий Шуйский.

Сталин заметил по этому поводу: «Не дорубил Ванюша». О связи сквозь века этих двух персонажей сказано много. Но объединяли их отнюдь не только методы, на чем обычно делают акцент.

Оба понимали, что ставя задачу радикальной модернизации страны и мобилизации населения, опираться нужно на группу очень специальных людей – на орден. Сталин отмечал, что «партия должна стать орденом меченосцев». Но в итоге и тот, и другой отказались от орденостроительства и сделали ставку на террор, как главный, если не единственный способ ротации элит. И воспитания народа...

Оба стремились быть тотальными самодержцами, а орден – некая константа - это тоже форма ограничения высшей власти. Она же, единая и неделимая должна быть сосредоточена в одних руках.

И в обоих случаях привело это к тому, что смерть «организатора и вдохновителя побед» повлекла за собой и крушение самого проекта.

Максимилиан Волошин писал «Царь Петр был первый большевик». Поэт ошибался. Первым был Иван Васильевич. Он и его воины-песьеголовцы избрали гражданскую войну методом переустройства государства.

Более того, когда сегодня и националисты, и опальные олигархи говорят, что власть ведет себя в России как на оккупированной территории, то вспомнить тоже стоит Иоанна Васильевича. По отношению к русской аристократии он использовал метод, который его отец и дед широко применяли к знати покоренных земель.

Именовалась практика переселения - «вывод». Это был испытанный прием отрыва потенциально опасных слоев от исконных корней, лишения их базы для организации сопротивления.

Иван и его черные рыцари осуществляли последовательную оккупацию Земщины Опричниной. Но во имя чего? Во имя утверждения все той же святости, но в грозной, карательной ее ипостаси.

Утверждение Веры и Правды, по Грозному – революция, призванная в опричном горниле переплавить «ветхих людей» в «новых» - полноправных граждан Святой Руси. Эволюционный путь к той же цели, предложенный Радой, он отверг, потому как утратил доверие к самим ее членам, когда обнаружилось, что их преданность лично ему весьма относительна.

Царь убежден был, что его миссия – спасти души подданных - спасти огнем и железом. Вести их к избавлению от грехов, от «измен» и «неправд», через муку. И «измена» ему – государю Святой Руси в этой оптике была тождественна отречению от Бога.

Очень характерен его страшный вопрос Курбскому: «Вот воля Господня – пострадать деля добро! Если же ты праведен и благочестив, почему не пожелал от меня, строптивного владыки, пострадать и приобрести мученический венец?».

Иоанн Васильевич – автор «Канона Грозному Ангелу». Адресован он Архангелу Михаилу, который посещает людей в смертный час. Согласно преданию, он после падения Денницы, ангела, ставшего сатаной, занял его место в небесной иерархии.

«Он почти на границе добра и зла. Борясь за добро, он часто бывает яростен; иногда он бесцельно жесток. Он карает, убивает, сечет розгами, уносит смерчем, ударяет молнией. Это гневный бог и святой сатана. Его больше боятся и чтут, чем любят», - так описывает функционал Грозного ангела известная исследовательница средневековой ментальности Ольга Добиаш-Рождественская. Трудно не узнать в этом образе характерные черты самого Иоанна.

«Святой Ангел Христов, грозный воевода, помилуй меня, раба своего...», - обращается царь к тому, чьим орудием себя ощущал. И продолжает: «Великий, мудрый хитрец, никто не постигнет твоей хитрости, чтобы скрыться от твоей нещадности». Он и сам хотел быть таким – непостижимым как в гневе, так и в милости. Современники поражались тому, что казнь могла быть прервана и осужденные, уже готовые лечь на плаху вслед за товарищами, отпускались на волю.

Русь и в самом деле, не сумела постичь своего самого первого царя, Человека Судьбы для всей ее дальнейшей истории.

Бойня, учиненная во время похода на Новгород (все население поголовно было заподозрено в измене), убийство митрополита Филиппа Колычева (он рискнул обличать самодержца в стилистике Сильвестра, но время было другим, и другим был Иван – резидент Грозного Ангела) в глазах современников - больше чем преступления – это поругание Правды. Какая там Святая Русь, когда опричники младенцев в Волхове топят?

«Ангельский» террор – дело ангелов, а не людей. Но был ли сам Иван на высоте того духовного подвига, за который взялся? Незачем ссылаться на свидетельства отнюдь небеспристрастных современников. Достаточно того, что последние 10 лет жизни царь вообще был отлучен от причастия, за свои женитьбы многократные, Церковью не благословленные.

Грозный принял на себя бремя Ангела, и душа его надломилась от груза для человека непосильного. Надломилась и вера народа в праведность власти Царя Православного.

И народ ударился в бег. Путешественники, описывающие Россию конца XVI века, рисуют страшные картины запустения. Флетчер между Вологодой и Ярославлем на

протяжении 180 верст насчитал до 50 деревень, в которых не было ни одного жителя. Жители ушли в казаки, ушли искать Правду. Они вернутся после смерти Грозного. Вернутся и нанесут Империи ответный удар, начав новый раунд гражданской войны.

Сын за отца

Крайне характерно, что самый выдающийся памятник эпохи Иоанна Васильевича – Покровский собор, возведенный в честь взятия Казани, народ прозвал храмом Василия Блаженного. Прозвал в честь юродивого, носителя Правды опальных нестяжателей, защитников Святой Руси.

Возвышать свой голос, обличая царя, можно было только приняв на себя подвиг юродства. Так старец Никола во Пскове, где ожидался такой же погром, как и в Новгороде, предложил царю откусать сырого мяса. «Я христианин и в пост мясного не ем», - сказал Грозный. «Ты пьешь кровь человеческую», - ответил святой. И тем самым, остановил уже занесенный карающий меч. Царь отменил «зачистку».

Но тем, кто пытался аргументировать свою позицию, а не прибегал к практике прямого травматического воздействия на психику царя, приходилось несладко.

Один из вождей нестяжателей, игумен Троице-Сергиевского монастыря Арсений скрылся от преследований в Литву. Его духовным сыном стал Андрей Курбский. Там на древней западно-русской земле стал формироваться очаг оппозиции.

Оттуда же из Литвы двинулся в свой победоносный поход Лжедмитрий I, реализуя, между прочим, давний план все того же мятежного князя-правдоискателя. Если свой орден учредил царь Иван, то почему нечто подобное не могли создать Курбский и прочие его оппоненты, осевшие в Литве?

В целом совсем не бездарный царь Борис Годунов был обречен. Неведомый претендент на престол был силен, по выражению Пушкина «мнением народным». Годунов никак не совпадал со «святорусскими» представлениями о монархе. Темная угличская история лежала на его царских бармах несмываемым пятном.

В отличие от прочих, последовавших за ним самозванцев Лжедмитрия I никак нельзя считать банальным проходимцем и авантюристом. Согласно свидетельствам современников, этот загадочный персонаж и в самом деле был убежден в том, что является сыном Грозного. Даже на пороге смерти он не отрекся от того, во что безусловно верил.

А и в самом деле, не был ли он настоящим наследником? Странно, что этот вопрос по сей день не рискуют задать? Ясно, что историки романовского периода не могли себе

такой крамолы позволить. Советским это ни к чему было. Но не ставится под сомнение его «ложность» и сейчас. А, между тем, оснований для этого достаточно.

Судите сами. Обстоятельства «убийства» царевича Дмитрия более чем загадочны. Картина описывается так. 15 мая 1591 года у палат, где проживали в почетной ссылке Мария Нагая (последняя жена Грозного), ее сын и некоторые их родственники раздаются крик и плач.

Заслышав его, сбегаются жители Углича. И обнаруживают экс-царицу рыдающей над телом ребенка, у которого перерезано горло. Появляются агенты Годунова Битяговский и Качалов, официально надзиравшие за царицей. И она тут же указывает на них как на убийц Дмитрия.

Естественно толпа их немедленно разорвала. За ними пришла очередь Волохова – сына царевичевой мамки, который, якобы и был непосредственным исполнителем. После чего в городе начинаются массовые беспорядки. Странное для убийц поведение – дожидаться пока над ними учинят суд Линча. Вместо того, чтобы скрыться подобру-поздорову с места преступления.

Да, и неужели находясь постоянно в непосредственном контакте с царевичем, нельзя было измыслить иной – не столь вопиюще-откровенный способ ликвидации?

Только через пару дней из Москвы прибывает «следственная бригада» во главе с Василием Шуйским. Князь - член враждебной Годунову боярской партии. И, тем не менее, он вскоре заявляет, что Дмитрий, да, мертв, но зарезался он сам, в результате неосторожного обращения с колюще-режущими предметами.

Мать Дмитрия постригают в монахини, родню ее отправляют в ссылку. Над жителями Углича учиняют расправу.

И вот, когда, через годы, власть берет человек, именующий себя Дмитрием, тот же Шуйский заявляет, что, на самом деле, убит был не он, а некий другой ребенок, царевич же спасся. Мать тоже опознает «Лжедмитрия».

Заметим, что в версии «выживания» нет ничего неправдоподобного. О том, что над сыном Грозного нависает угроза Нагим, конечно, было прекрасно известно. Ведь даже англичанин Флетчер, опубликовавший на родине свои записки о Московии писал об этом. Писал до того, как убийство произошло.

Нагие в этой ситуации вполне могли сыграть на опережение и инсценировать покушение на царевича. Его самого вывезти в Литву, принеся в жертву, и в самом деле, просто внешне похожего на него ребенка. В подобном сюжете нет ничего неправдоподобного.

В любом случае, человек свергший Годуновых был неслучаен. Складывается ощущение, что его кто-то долго готовил к взятию власти. Он был образован и достаточно сведущ в государственных делах. Думские бояре отмечали его несомненные дарования. А сев на трон, он начал реализовывать программу до странности созвучную с требованиями Курбского и его сторонников.

Есть мнение, что «воспитателями» его были иезуиты. Однако, воцарившись, он вовсе не проявил готовности включить Россию в папскую орбиту. Хотя «римский» след в этой темной истории тоже явно присутствовал, но судя по источникам, представители курии и в целом латинства, все же, имели дело с уже законченным «продуктом». Они пытались его приватизировать. Однако не они его «произвели».

Обратим внимание, что Лжедмитрий (будем называть этого неизвестного закрепившимся за ним именем), впервые проявляется в качестве «царевича» в замке Вишневецких. Но один из виднейших представителей этого рода был, между прочим, связан с Избранной Радой царя Ивана.

Князь Дмитрий Вишневецкий, которого считают основателем Запорожской Сечи (по крайней мере, именно он построил в 1552 году на острове Хортице замок), в 1558 году перешёл на службу к царю Ивану и был пожалован землями в окрестностях Москвы.

В том же году Вишневецкий участвовал в походе, против Крымского хана, лоббировавшимся Курбским сотоварищи. Однако, когда обнаружилось, что Грозный, начав свою Ливонскую авантюру, отказался от планов войны с басурманами, князь отъехал на историческую родину и продолжил уже без господдержки борьбу всей своей жизни.

В итоге он был взят в плен. И закончил свою геройскую жизнь в Стамбуле, повешенный за ребро на крюк. По легенде, висел он так три дня и поносил непрерывно веру магометанскую. Так что турки не выдержали подобного глумления и расстреляли его из луков.

Лжедмитрий же, придя к власти, за какой проект рьяно берется? За создание чуть ли ни общеевропейской антитурецкой коалиции, что было мечтой Дмитрия Вишневецкого. И ее пытался реализовать «сын» Грозного, «воспитанный» «политэмигрантами».

Никоим образом не утверждается, что вышеизложенная версия происхождения и целей Лжедмитрия истинна. Но она не менее правдоподобна, чем любая иная, массово распространенная. В том то и дело, что могло быть, как угодно. Фигура Лжедмитрия I - это ключ, отмыкающий врата русского национального ада – Смуты.

После его смерти люди русские оказались в ситуации, когда не только Правда, кажется, окончательно была утрачена, но и Вера оказалась под ударом. Царская власть, призванная выступать защитницей этих абсолютных ценностей, оказалась totally дискредитирована.

Годунов, избранный Земским собором, обвинен в убийстве невинного царственного отрока. Но последний чудесным образом «спасается», чтобы оказаться в итоге «самозванцем и еретиком». Так его именует новый царь – Василий Шуйский. Но это тот самый человек, который сначала клятвенно подтвердил самоубийство царевича в результате несчастного случая, потом признал «Лжедмитрия» истинным государем, благополучно ускользнув от убийц, и назвал «заказчиком» преступления Годунова. И Шуйский же организует заговор по свержению «сына Грозного».

Самого Шуйского не избрали, как поносимого им царя Бориса, а просто «выкрикнули» в нужный момент, по свидетельству современников, его сторонники. Никакого собора созывать и не думали.

Он, таким образом, был уже просто откровенной пародией на царя, что по святорусским, что по третьеримским понятиям.

«Муромец» против Шуйского

Лжедмитрия погубил «либерализм». Отказываясь принимать во внимание доносы, он проморгал боярский заговор.

Но стоило Василию Шуйскому утвердиться на престоле, как на него немедленно ополчились все многочисленные искатели Правды – от казаков Болотникова, до дворян Ляпунова. И началась Смута. Это мутное наименование призвано затушевать смысл того крайне острого этапа гражданской войны.

Тогда государство оказалось на краю гибели вовсе не по причине нашествия иноплеменников. Проблема была в том, что, утратив надежду вернуть государство к идеалам Святой Руси, огромные массы наших предков готовы были вовсе уничтожить Московскую державу. Ведь «если Правды нет, то всего нет», чего ж ее жалеть то? Мучительно и тяжело искали русские люди выход из кризиса веры в возможность возрождения державы святорусской.

Попытки объяснить мотивы, двигавшие теми или иными группировками, исключительно некими социально-классовыми причинами, явно неадекватны. Характерный пример. Интересный набор оппозиционеров возглавлял бунтовщиков, отражавших в Туле атаки войск Шуйского. Это были: беглый холоп Иван Болотников,

князь Шаховской и казачий самозванец Лжепетр. Последний называл себя сыном Федора Иоанновича. В реальности же отрока сего вовсе никогда не существовало.

То есть, Шуйский в глазах представителей этих очень разных социальных групп был в равной степени нелегитимен. При том, что формально, (Шуйский вел свой род, как и князья Московские от Александра Невского) на трон он права имел. И даже откровенный самозванец, которого можно было использовать для утверждения Правды, был предпочтительнее многократного клятвопреступника, пусть и Рюриковича по крови.

Именно в Смуту казаки впервые заявляют о себе, как о политической силе. Разумеется, и многие современники, и большинство потомков полагают, что двигало ими чистое «воровство». Но «воровство» было именно политической позицией. Это был последовательный государственный нигилизм вполне, надо сказать, исторически мотивированный.

Казаки разуверились в третьеримском проекте. И даже, не потому, что он мог казаться чисто технически нереализуемым на фоне опустошения, царившего кругом (а главное в сердцах русских людей). Дело в том, что казаки, похоже, почуяли (об осознании речь вести, конечно, вряд ли оправданно, это было именно физическое ощущение), что по мере реализации доктрины Третьего Рима, с неизбежностью будет убывать Правда, что Империя станет «пожирать» Святую Русь.

Все Лжедмитрии, которые появлялись после Первого, были очевидные и бесспорные самозванцы. Причем, что характерно, казаки, их поддерживавшие нисколько в их фальшивости не сомневались. Это был, своего рода, демонстративный жест отказа от осифлянского самодержавия. Отказа признавать легитимность этой модели. Причем, опротестовывалась она с позиций святорусской Воли.

Философ эмигрант первой волны, «евразиец» Николай Алексеев писал: «Казацкие общины, как и древние русские народоправства, были республиками, имевшими своих князей и царей; и в то же время их можно назвать монархиями, власть в которых принадлежала народу. Когда русский крестьянин в 1917 году иногда утверждал, что он хочет республику, да только с царем, он, по-своему, не говорил никакой нелепости. Он просто жил еще идеалами русской вольницы, идеалами казацкого «вольного товарищества», ибо идеал этот глубоко вкоренился в русскую народную душу. Он стал одной из стихий русской народной толщи, стихией также подземной, вулканической».

Казацкая «программа» лучше всего отражена в русских былинах. По мнению С. М. Соловьева, «наши богатырские песни в том виде, в каком они дошли до нас, суть песни казацкие, о казаке. Богатырь-казак!... Эти два понятия равносильны».

В русском былинном эпосе нет единого «осифлянскогот» государства. В нем Русь, как и в период, предшествовавший торжеству третьеримской доктрины, есть совокупность самостоятельных земель, городов и княжеств.

В пространстве между ними, а также на внешних границах Руси, присутствуют постоянные угрозы - разбойники, басурмане. Тот же Алексеев констатирует, что в былинах «единственно соединяющей Русь силой является православная вера. Русь едина, поскольку она православная, святая Русь».

И князь Владимир Красно Солнышко, призывающий к себе на службу Илью Муромца или Добрыню Никитича, никак не похож на грозного самодержца. Это он зависит от богатырей, а не они от него. Он правитель вовсе не Божьей милостью, а исключительно в силу того, что умеет ладить с вольным воинским братством.

Именно оно – надежда и защита православных. А князь – фигура зависимая и даже не столько уважаемая, сколько, просто, терпимая. Он правитель для «трудников», а для казаков он – наниматель.

Таким образом, у казаков было, хотя и не вполне осознанное, но абсолютно конкретное представление о «правильной» общественной системе. И, разумеется, оно никоим образом не совпадало с программой «государственников».

По большому счету, казачье братство тоже было своеобразным воинским орденом, осознававшим себя защитником как Веры, так и Правды. В их системе координат казаки-кшатрии – гаранты безопасности свободных землепашцев и православного священства. И в ней нет места ни боярам, ни самодержцу.

Особенно ярко эти орденские тенденции проявлялись тогда в Запорожье у «черкасов», как называли представителей низовой вольницы. Что неудивительно, ведь у истоков славного товарищества мы видим доблестного рыцаря князя Вишневецкого.

Кстати, в войске короля Речи Посполитой Сигизмунда, вступившего в пределы Руси, преобладали именно они, запорожцы. «Подписались» они идти на Москву в надежде на признание их вольностей. Чего в итоге не случилось, но это уже другая история.

Для нас же важно, что казачий фактор в Смуте был во многом определяющим. Это была первая весьма серьезная заявка на историческую роль. На реализацию альтернативной самодержавию святорусской программы.

Убить Ляпунова

В невнятную весеннюю пору 1611 года Москву, где в Кремле засел польский гарнизон, обложило первое ополчение. Деяния его неизменно оказываются в тени

подвигов второго - победоносного, которое Минина и Пожарского. Что вполне объяснимо. Однако творившееся тогда «во стане русских воинов» и вокруг не просто занимательно и поучительно, но и крайне значимо для судьбы «Русской Идеи». А точнее идей – веками непримиримых и друг к другу беспощадных.

Дворяне и казаки объединились в первое ополчение, чтобы выбить из Москвы, призванных туда боярами поляков. Но союз этот был крайне непрочным. Тут надо заметить, что собственно, обе интервенции Смутного времени - польская и шведская случились, во многом, по причине олигархических интриг.

Шведское войско пришло по зову боярского царя Василия Шуйского на помощь от царя казацкого – «Гушинского вора» Лжедмитрия Второго. А поляки, находившиеся в состоянии войны со шведами, не преминули в ответ перейти российскую границу. Впрочем, бояре даже при помощи новых варягов с нарастающими вызовами и угрозами справиться не сумели и, разочаровавшись в Шуйском, послали бить челом Сигизмунду польскому, чтобы тот дал им в цари сына своего Владислава. Так вот вкратце, паны в Кремле и оказались.

Ополчение, намеревавшееся их оттуда выбить, возглавляли дворянский лидер, рязанец Прокопий Ляпунов и казацкие вожаки Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий. Казалось бы, русское воинство по численности превосходило польский гарнизон в десятки раз. Между тем, стояние под Москвой закончилось ничем. Нет, ополчение не было разгромлено подоспевшей неприятельской подмогой. Оно распалось само. Исключительно из-за несхожести программ дворянской и казацкой. В ходе одной из бурных идеологических дискуссий казаки, исчерпав аргументы, просто зарубили Ляпунова.

Главным образом не по нраву пришлось им дворянское намерение вернуть «заказавших» холопов хозяевам. Надо заметить, что у последних была своя правда. Без прикрепления к земле народных масс выйти из разрухи было немыслимо. Но у казаков был иной угол зрения. «Кто записывает людей в работу навеки – угождает дьяволу», - это еще Пересветов писал. Служилый человек, не казак, кстати. То есть, крепостническое решение хозяйственной проблемы далеко не только «гулящими людьми» воспринималось как нелегитимное.

При этом, отметим, что строить государство, фактически, заново, в ситуации, когда «тяглое» население готово в любой момент попросту разбежаться, и в самом деле, невозможно. Однако до «опричной революции», учиненной Грозным, никто никуда (по крайней мере массово) не убегал. Именно, начавшаяся в стране, с подачи самодержца,

гражданская война заставила людей отправляться в дальние и опасные края. Выходило так, что татарская сабля была предпочтительнее родного русского беспредела.

Но дворянам не досуг было вникать в причины и следствия. Им нужны были твердые гарантии того, что холопы в перспективе будут пахать, а не разбойничать. Но последние, может и «перековали бы мечи на орала», но им то никто гарантий от беспредела давать не собирался. Короче, стороны не поняли друг друга.

После гибели предводителя служилые люди разбрелись кто куда, а казаки остались у стен Кремля, но на штурм так и не пошли, им хватало их собственной вольной воли. За державу обидно не было. Их поиск Правды, в условиях Смуты все чаще оборачивался банальным бандитизмом.

Впрочем, разумеется, далеко не все были настроены столь отчаянно. Немало было и тех, кто знал – пока есть Вера, есть надежда вернуть Правду. Есть надежда все-таки построить подлинно святорусский Третий Рим.

Русский марш гражданина М.

Характерно, что патриарх Гермоген, чьи пламенные послания и побудили нижегородцев затеять ополчение №2, призывал не вступать впредь в союз с казаками. Чем и руководствовались Минин с Пожарским, предельно настороженно относившиеся к представителям вольницы, гулявшей под Москвой, и ставшей в значительной мере на тот момент, чисто деструктивным элементом. А потому в итоге и выбили из столицы поляков, а затем обеспечили избрание родоначальника новой национальной династии.

Эти три идейные программы (служилых людей, боярско-олигархическая и казацкая) то явно, то скрыто проявляли себя затем из века в век. Но ярко и отчетливо обозначились впервые они именно тогда, под стенами Москвы.

Бояре-олигархи издавна рассматривают государство, как совокупность принадлежащих им вотчин, которыми они распоряжаются безраздельно и бесконтрольно, используя на благо свое и своих «семей». Высшая власть, будь то царь или президент, для них объект разводок и прямого подкупа, гарант их права эксплуатировать «холопов» в сугубо личных интересах. Неуклонное повышение жизненного уровня «лучших людей» и есть с их точки зрения, цель и смысл существования «великой и обильной» Земли Русской.

Дворяне вплоть до реформ Петра III и Екатерины, превративших их фактически в новую олигархию, освободив от обязательной службы, были людьми чисто «государственными». Владели они поместьями не безусловно, а в награду за постоянную готовность к ратному труду и подвигу. Их интересы полностью совпадали с целями

растущей и крепнущей державы. Идеологией этого сословия был принцип тотального служения высшему смыслу в ней воплощенному, всех - от «холопов» до князей. Здорово, вроде бы, только во имя чего это величие и могущество, если опять же обретается оно ценой утраты и забвения Правды. За эту забывчивость в 1917-м дворянам пришлось дорого заплатить...

А вот их оппоненты, от убийц Ляпунова до Емельяна Пугачева желали принципиально иного – «свободы для всех быть вольными казаками». Однако уже Смута показала, что при попытке безоглядно воплотить этот идеал в жизнь, государство рушится, а его осколками завладевают иноземцы, которые отнюдь не гарантируют Правду, но при этом откровенно покушаются на Веру.

То есть, уже в Смуту стало ясно – спасение в синтезе вольности «святорусской» с державностью «третьеримской». Решающую роль в создании победоносного второго ополчения сыграла Православная церковь и прямая народная инициатива. Русский марш на Москву увенчался успехом именно потому, что это предприятие было зримым воплощением мечты о единстве Веры и Правды. «Третьеримской» и «святорусской» идей.

Первый Романов - Михаил несколько лет правил, стараясь строго придерживаться этой формулы национального спасения. А помогал ему в этом, заседавший в Москве Земский собор – русский всенародный парламент.

Но поверили Романовым далеко не все. Часть казаков, во главе с Иваном Заруцким не смирилась. Они надеялись посадить в перспективе на престол сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек.

Однако «воровская» удача им изменила, и в июне 1614-го Марина с сыном и атаманом Заруцким были схвачены в Астрахани и отосланы в Москву. Казацкий лидер был посажен на кол, а трёхлетний Иван удушен (повешен около Серпуховских ворот). Чем он мог угрожать новому царю?

Конечно расстрел семьи последнего русского императора – чудовищное преступление, более того, ритуальный акт. Но не стоит забывать, что и само царствование Романовых началось с детоубийства....

Народною волей

Как же удалось преодолеть разруху, воцарившуюся почти повсеместно в стране, а главное – в головах русских людей, как удалось после двух раундов Гражданской добиться если не мира и согласия, то устойчивого перемирия? А исключительно демократическим путем.

Михаил Романов был избран на царство Земским собором. Сразу же по освобождению Москвы, лидеры ополчения разослали в города русские послания с призывом слать в столицу делегатов.

Форум в итоге сложился весьма представительный – по-настоящему всесословный. На избирательной грамоте стоит 277 подписей. 57 из них принадлежит представителям духовенства, 136 – высшему слою служилых людей (бояре – 17 человек), 84- городские выборные.

Отметим, что автографы оставили далеко не все участники. В реальности было их чуть ли ни вдвое больше. Пожарский звал по 10 человек от города, и 50 городов прислали делегатов). Были среди голосовавших и казаки, и чернососшные крестьяне.

После коронования Михаила Федоровича Собор распущен не был. Он заседал в течение ближайших девяти лет, только состав периодически обновлялся. Вот она формула гражданского мира – легитимная твердая власть + реальное всесословное представительство во имя торжества Веры и Правды.

Собственно, это модель была впервые апробирована Грозным с подачи Избранной Рады. Именно самый первый Земский собор (Собор примирения) наметил путь органичного слияния исконной святорусской правды с имперской третьеримской государственностью.

Образование единой державы под властью Московского царя объективно требовало трансформации местных традиций вечевой демократии. Логично было учредить Вече Всея Руси. Это не был отвлеченный проект книжников-нестяжателей, это была реальная потребность народа русского.

В ходе Смуты требованиями, урезающими самодержавную власть, обуславливалось и воцарение Шуйского, и присяга королевичу Владиславу. В последнем случае прямо оговаривалось, что полномочия его ограничиваются не только боярской думой, но и «советом всея земли».

Вечевая традиция имела место везде на Руси, а не только в Новгороде и Пскове, разумеется. Просто там роль этого всесословного собрания была ведущей. В других русских городах вече, князь и его дружина представляли триединую власть, в рамках которой преобладающей силой становилась то одна, то другая сторона.

В домоногольский период, например, вече в иных местах брало такую силу, что могло «указать князю путь», то есть, изгнать его из города. Дружина тоже играла не малую роль. Князь не мог погнать своих витязей на убой, если не было на то их согласия. Коллективная воля дружинников непременно учитывалась. Бывали случаи, когда попытка игнорировать ее приводила к тому, что князь лишался всякой поддержки. Поход

саботировали не только дружинники, но и глядя на них, уже вроде бы отобилизованные союзные силы.

То есть, во глубине седых веков, там, где «русский дух, где Русью пахнет» мы не обнаруживаем никаких абсолютистских традиций. Они явно заимствованные. Причем, если теоретическое обоснование было взято осифлянами из византийских источников, то практика имеет явно татарские корни.

Князья из рода Калиты в Орде наблюдали модель вполне самодержавную. А ее истоки – в мистическом озарении Чингисхана, осознавшего себя, реализатором воли Тенгри (Бескрайнего Синего Неба). Не напоминает разве Грозного?

Нет, он, конечно, все больше про «кесаря Августа» писал и «царя Константина», но, на самом деле, наследие Чигисхана (о чем, и говорили «евразийцы» от Савицкого до Гумилева), в Московии куда как более значимо, чем мономахово.

Уместно вспомнить знаменитую легенду о граде Китеже. Характерно, что источником ее считается «Китежский летописец», текст, созданный, судя по всему, в среде старообрядцев-бегунов, в конце XVIII века.

Согласно этому документу, сей святой град, населенный истинно православными, скрылся в водах озера Светлояр, пред изумленным взором намеревавшегося штурмовать его безбожного хана Батыея. Причем, жители Китежа вовсе не готовились к воинскому отпору, ввиду наступающего неприятеля, но погрузились поголовно в молитву. И были Божьей Волей избавлены от басурман.

Старообрядческий источник легенды о многом говорит. «Ревнителю древлего благочестия», похоже, чуяли, откуда на Русь надуло самодержавие, поправшее поначалу Правду, а потом и Веру, – из монгольских степей. И под Батыем ханом Московского царя подразумевали.

Правда, справедливости ради, заметим, что Чингисхан дал своим воинам свод законов - Ясу. Большинство глав в нем, да, писаны кровью. Потому как великий завоеватель не знал иного наказания, кроме смертной казни. Однако, это был именно свод очень четких и однозначных норм, каковых придерживался и сам степной властелин. То есть, заявить своим багатурам, что, мол, он волен в жизни и смерти «холопов своих», ему и в голову бы не пришло.

Таким образом, начиная с Ивана Грозного, московские самодержцы претендовали на свободу «самовыражения» большую даже, чем позволял себе Чингисхан. Потому, и те, кто противостояли им, обретали свою особую, беспредельную волю.

С тех пор как сокрылся от врагов Руси Китеж-град, из глубин Светлояра иногда доносится звон колокольный. И, говорят, письма оттуда приходят от тех, кто допущен

был позже к общению со святыми, пребывающими на дне. Это «малявы» от истинно свободных тем, кто отбывает пожизненный срок на зоне под названием Россия.

Дно здесь ключевой образ. Именно там, на так называемом, общественном дне, «воровском» и «антигосударственном» сохранялись веками традиции Святой Руси. В небезупречном, разумеется состоянии. И все же...

Но об этом позже. А пока вернемся туда, в период, когда гражданскую еще можно было прервать, когда, пережив Смуту, русские люди искали пути к обретению, чаемого ими «жития мирного, любовного». Причем в формате Третьего Рима.

Характерно, что оба ополчения и Ляпунова, и особенно Минина с Пожарским действовали в соответствии с соборной волей ратников, а не по произволу вождей. Здесь и вечевая традиция, и дружинная себя проявляют.

То есть в сознании народа жило убеждение, что Воля Божья распознается коллективным разумом всей Земли, куда как успешнее, чем единолично самодержцем. Но Романовы не долго терпели подле себя Земские соборы. Свободомыслие - опасное излишество для тех, кто ратует за имперскую «стабильность».

Приказные и козлы

Чем прочнее чувствовал себя на троне Михаил, тем меньше пользы для себя видел он в Земском Соборе. Возвращение из польского плена отца его – Филарета (немедленно по прибытии, возведенного в патриархи), только укрепило дополнительно позиции молодого царя. Фактически, с этого момента правили они совместно.

Филарет был куда как жестче и решительнее своего коронованного сына. Осифлянская доктрина неподконтрольности «человекам» высшей власти была для него самоочевидной истиной. И вскоре общерусское вече из постоянного органа было переформатировано в периодический.

Причем, и в таком виде оно вызывало раздражение. «Холопы государевы и сироты великим государям никогда не указывали», - так отвечает царская власть на челобитья подданных, претендующих на «соучастие в своей судьбе» (формулировка демократии от немецкого консервативного революционера Артура Мюллера Ван-дер-Брука).

Соборы самодержец готов был терпеть только, как источник информации о ситуации в расширяющейся, как вселенная стране. И уже Алексей Михайлович не иначе, как о докучливом «шуме» отзывается о выступлениях делегатов, недовольных тем, что мнение их не было учтено.

Чем дальше, тем больше на рассмотрение соборов отдаются вопросы, пусть и важные, но отдельные, вырванные, что называется, из контекста. К работе по созиданию

державы привлекать выборных людей больше не предполагалось. Но и такой, радикально урезанный формат взаимодействия с собственным народом Романовым представляется излишним и чреватым неприятностями.

В 1648 году москвичи силой принудили самодержца к созыву Земского собора. Начало протестному движению положил беспредел властей, как водится. За два года до того дополнительной пошлиной были обложены товары первой необходимости. И в частности, соль. Что, разумеется, вызвало ее резкое, в разы подорожание.

А она в ту пору была основным консервантом. Соответственно, сократился срок годности многих продуктов питания и возросла цена на них. Но русские люди тогда терпилами не были и хорошо помнили, кому династию властью обязана – Всея Земле.

1 июня 1648 года, когда Алексей Михайлович возвращался с богомолья из Троице-Сергиева монастыря, он был остановлен толпой москвичей разного звания. Ему была подана челобитная с требованием наказать распоясавшихся коррупционеров из его ближнего круга. А кроме того, представители народные настаивали на созыве Земского Собора, каковой утвердил бы, одобренные Всея Землей законы, чтобы впредь бояре и приказные не самоуправствовали.

Однако «тишайший» и «наиправославнейший» государь велел разогнать толпу. Но на следующий день люди пришли за Правдой к нему в Кремль. И снова не встретили понимания. Бояре изорвали челобитную у народа на глазах. Подобное циничное попрание Правды вызвало возмущение стрельцов. И люди снова ворвались в Кремль, требуя выдать им зарвавшихся сановников.

По ходу, был подожжен Белый город и Китай-город, разгромлены дворы наиболее ненавистных бояр. Царю пришлось «сдать» кое-кого из приближенных. Боярина Плещеева палач вывел на Красную площадь, а уж москвичи его сами растерзали.

В итоге было отменено взыскание недоимок и созван Земский Собор, принявший корпус законодательных актов, известный как Соборное Уложение.

А перепуганные бояре принялись зазывать к себе в гости стрельцов. Поили и кормили их до отвала. Но когда участники восстания расслабились и рассредоточились, многие из них были схвачены и казнены.

И уже в 60-х годах соборы рассматриваются, как абсолютно неприемлемый вариант. Когда власть обратилась к московским торговым людям с запросом относительно их предложений о путях выхода из финансового кризиса, те ответили, что решение столь масштабного вопроса не их ума дело, но «всего государства, всех городов и всех чинов».

В ответ царь принял решение, что лучше признать государственное банкротство, чем позволить «сиротам и холопам» учить его.

Затяжная война с Польшей требовала дополнительных финансовых ресурсов. И царская власть пошла на откровенную аферу. Налоги собирали серебром, а жалованье платили медью. Чрезмерный выпуск ничем необеспеченных денег привел к дикой инфляции и росту цен. А бояре, к тому же, начали промышлять чеканкой фальшивых денег.

Народ снова попытался бунтовать. Но, на этот раз, восстание было с крайней жестокостью подавлено в зародыше. Толпа, требовавшая Правды, пришла к царю в Коломенское. Но он отдал приказ рубить челобитчиков. Около семи тысяч было загнано в реку и многие там же перебиты.

Приказный человек Григорий Котошихин так описал расправу: «И того ж дни около того села повесили со 150 человек, а достальным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног палцы, а иных бив кнутъем, и клали на лице на правой стороне признаки, розжегши железо на красном, а поставлено на том железе «буки» то есть, бунтовщик, чтоб был до веку признатен; и чиня им наказания, розослали всех в далние городы, в Казань, и в Астарахань, и на Терки, и в Сибирь, на вечное житье... а иным пущим вором того ж дни, в ночи, учинен указ, завязав руки назад посадя в болшие суды, потопили в Москве реке».

А после в столице православного мира провели беспрецедентную полицейскую операцию. У всех обученных письму брали образцы почерка, дабы выявить авторов «воровских листов», призывавших к бунту. Во как! А вы говорите «матрица»...

Так что, на этот раз, проблему и без Земского Собора удалось «порешать»

Поражает трогательное единодушие либералов наших и государственников в вопросе о наличии на Руси традиций народовластия. И первые (с притворной скорбью) и вторые (с мазохистской гордостью) утверждают, что нет их. Только одни призывают завозить их с Запада, а вторые считают, что без таковых как-то даже лучше и веселей. Но традиция всенародного поиска общей Правды была. Просто ее выжгли каленым железом.

Во имя торжества имперской доктрины единовластия, почти языческого, чингисхановского царбожества, уже первые Романовы отказываются от сотрудничества со «Всея Землей» и делают ставку на ближних бояр-олигархов и приказных - бюрократию – внесловную неподотчетную земщине прослойку, зависимую только от самодержца – на «вертикаль власти».

Но и самодержцы со временем попадают от нее в зависимость. Не говоря уж о том, что эффективно контролировать приказную братию не получалось с самого начала кристаллизации ее в особую, по сути своей антитрадиционную и антинародную касту.

Сам Алексей Михайлович называет практику ее работы «здохитренным московским обычаем». Но для борьбы с последним создает Приказ великого государя тайных дел (особый напрямую ему подчиненный контрольный орган) вместо того, чтобы опереться на земские самоуправляющиеся миры, которые и спасли державу от гибели в Смуту.

Очень характерны пословицы народные по поводу приказной системы. «Бог сотворил два зла: приказного да козла». «Дерет коза лозу, а волк - козу, а мужик - волка, а поп - мужика, а попа - приказный, а приказного – черт». «Приказный за перо возьмется, у мужика мошна и борода трясется».

На местах фактически всю полноту власти получали воеводы. В условиях Смутного времени подобные персонажи, наделенные самыми широкими полномочиями (от оборонных функций до сбора налогов) были уместны и оправданны. В мирное время, созидания державы они повсеместно коррумпировались и принимались самоуправствовать.

О них тоже имеются весьма характерные фольклорные отзывы: «Воевода хоть не стоит лыка, а ставь его за велика». «Помути, Господи, народ, да покорми воевод». И расплата за попрание мечты о «мирном любовном житии» не замедлила воспоследовать.

Стенька Разин топил царевых наместников в Волге и сбрасывал со стен взятых его казачьим воинством городов...

Заговор боголюбцев

Уже второй самодержец дома Романовых наносит сокрушительный удар по обеим составляющим формулы Вера+Правда. Это было тем более катастрофично, что легитимность династии была абсолютной.

Избрание «Всея Землей» Михаила Федоровича положило конец Смуте. А потому на него и на его потомков народ уповал как на гарантов гражданского мира, защитников святых православных от посягательств еретиков.

«Книжная справа» - приведение богослужебных текстов в соответствие с греческими образцами – затея чисто «третьеримская». Недаром патриарха Никона обвиняли в претензиях на статус своего рода православного папы.

Унификация требовалась именно для того, чтобы Москва могла стать официальной столицей православного мира, причем не только духовной, но и политической.

Приезжавшие в Москву греческие иерархи призывали русских «вернуть православию храм святой Софии». Алексей Михайлович, и Никон весьма благосклонно им внимали.

Третий Рим, присоединяющий Второй – заманчивая перспектива. Только во имя чего? Во имя Веры и Правды или чисто материального «самодостаточного» могущества? «Окно» в такое вот имперское будущее «прорубил» Тишайший Алексей Михайлович.

Кстати, именно в его царствование происходит постепенный отказ и от исконного имени Русь. А ему на смену приходит византизированная Россия (рос – греческий корень). То есть не то что о Святой, а и вообще о Руси речи теперь не шло. Сплошной Третий Рим...

Многие и сегодня недоумевают, мол, из-за чего Раскол случился? Из-за каких-то «мелочей» несущественных, вроде, троеперстия, вместо двуперстия. Но в сфере духовного служения нет случайных и «мелких» вопросов. За каждым жестом – мистическая реальность.

Ожесточенность спора объясняет то, что для противников революционных по сути своей изменений, затеянных Никоном и царем Алексеем, сама постановка «книжного» вопроса казалась абсурдной и кощунственной. Вспомним, еще за сто лет до этого Ивашка Пересветов твердо знал, что Царство Греческое погибло оттого, что в нем Правды не стало. Чему же Святая Русь может у греков учиться?

Да, конечно, князя Владимира они крестили. Но вот завет Правду на Земле утвердить сам Бог нам дал напрямую, безо всяких посредников. С этим чувством жили многие поколения русских людей. А Алексей Михайлович и Никон его рубили под корень.

Изначально церковные реформы, инициировались как раз теми, кто позже пал их жертвой. Плоды оправдания монашеского и священнического «стяжательства» к середине 17 века (ровно, через сто лет, после осуждения заволжских старцев), стали очевидны для самых широких слоев русского общества.

В Москве образуется кружок ревнителей благочестия – «боголюбцев». Во главе - царский духовник протопоп Стефан Вонифатьев. Участники – будущие вожди старообрядцев – Аввакум и Иван Неронов. А также будущий их гонитель Никон. Целью своей братство видит борьбу с пороками духовенства – стяжательством, «пианством», склонностью к «играм скоморошеским». Они убеждены, что не должны быть у слуг Христовых «брюха толсты, что у коров».

Сергей Зеньковский, один из крупнейших экспертов по истории старообрядчества прослеживает достаточно неожиданный и весьма характерный генезис идей «боголюбцев». Через троице-сергиевского архимандрита Дионисия и его любимого

духовного автора Максима Грека (очевидный нестяжательский след) восходят они к Иерониму Савонароле и Иоанну Златоусту. «Учеником, которому Дионисий показал путь, намеченный ранее Иоанном Златоустом, оказался молодой вологодский уроженец, который, бежав от собственных врагов и преследователей, нашёл приют в Троице-Сергиевой лавре. Иван Неронов, как звали этого молодого вологодца, вскоре начал — самое большое в русской истории — религиозное движение», — отмечает Сергей Зеньковский.

Кстати, именно Иоанн Златоуст известен как автор радикально нестяжательской формулы, утверждающей, что сами слова «мое» и «твое» происходят от дьявола.

Еще в 1636 году несколько нижегородских священнослужителей во главе с Нероновым подали патриарху Иоасафу челобитную. В ней они выступали против «лености и нерадения» духовенства. Проявлялась она в ходе церковных служб в практике многогласия — одновременного чтения и пения разных текстов.

Делалось это для сокращения времени. Пусть, ничего прихожане в результате понять не способны, зато «исполнители» могут поскорее приступить к насыщению «брюх» своих. То есть, из Церкви уходила живая святорусская Вера. А в результате такого к ней пренебрежительного со стороны духовенства отношения, как могло оно учить прихожан Правде? Как могло быть авторитетно для сильных мира сего?

Позже Неронов, Аввакум и их собратья по кружку «боголюбцев», фактически, разрабатывают план переворота, который должен отдать власть в Церкви их единомышленнику. Его задача дать старт переустройствам в соответствии со святорусскими идеалами.

А проводить их в жизнь надлежало, по мнению ревнителей, «собору истинному», состоящему не из одних «князей церкви», но и из простых священников, и из «в мире живущих». Собор же из одних архиереев, да еще избранных царем с боярами, без всякого участия народа православного, это есть «сонмище иудейское».

Зеньковский пишет: «По всей вероятности, в идеальной перспективе будущего боголюбцы мечтали и ожидали, что вся Россия, весь русский народ будет благоговейно предстоять перед великой тайной преосуществления святых даров, и когда вся страна со всей силой веры сознательно причастится телу Христову, то тогда именно и начнётся осуществление вечного Царства Божия на православной земле, в Третьем и Последнем Риме».

И первая, чисто техническая, часть плана увенчалась успехом. Главой Церкви, после смерти, не склонного к «правдоискательским» переменам патриарха Иоасафа,

становится Никон. Но вскоре Аввакум вынужден констатировать, что был он «наш друг», «ныне же честь взявше и переменишесь».

Реформа, начатая Никоном, была радикально противоположна чаяниям тех, кто привел его к власти. Вместо того, чтобы высочайше инициировать возрождение Правды, он принялся «исправлять» Веру.

Число звериное

1666 год – точка невозврата, момент отречения высшей власти от идеалов Святой Руси. Идея Третьего Рима оказалась непосильной для Московских самодержцев. Впали они в грех гордыни. Тягчайший грех. Возомнили, что государство не во имя Святой Руси, а само по себе, ценность. И смысл бытия народа русского - в служении Империи (многонациональной, отметим, - греки в нее уже просились), а не Правде.

И после этого пламя гражданской уже нельзя было погасить. Шанс для примирения, для общенационального соборного служения Истине, появившийся в результате триумфа Русского марша гражданина Минина, был упущен.

Весной этого года, отмеченного зловещими тремя шестерками, состоялся собор высшего русского духовенства, осудивший вождей старообрядцев. Многие из них, впрочем, под давлением заморских авторитетов (греческих иерархов, выступивших в роли верховных судей) отказались от своих взглядов.

Но Аввакум выстоял. Он и его последователи были анафематствованы - отлучены от Церкви. Они, в свою очередь, ответили проклятьями по адресу своих гонителей.

В конце того же года начал свои заседания следующий собор, прозванный Большим Московским. На нем были осуждены все мессианские претензии Руси. Даже формула Москва — Третий Рим была отвергнута. Осужден был и сам ее главный апологет – Никон.

Царь отдал Веру Русскую на поругание иноземцам. И в этом он тоже торил дорогу своему сыну. Патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский стремились оболгать и опорочить Русский Путь святости. Они превозносили «преизящный греческий род», «лепоту рода греческого». И активно хлопотали об увеличении размера денежного вспомоществования, посылаемого русским правительством восточным патриаршим кафедрам.

Решения собора были отвергнуты последней цитаделью Святой Руси – Соловецким монастырем. В 1668-м началось вооруженное противостояние насельников северной обители и воинов царя-отступника. Монастырь был взят только в 1676-м. И то лишь, благодаря предательству одного из монахов.

Архимандрит Никанор, возглавивший оборону, был за ребро повешен на крюк. Лютым казням подверглись многие члены братии.

А через пять лет «за великия на царский дом хулы» был сожжен протопоп Аввакум. «Хулы» были и в самом деде великие, хотя и абсолютно заслуженные. Для Него Никон и царь – слуги сатаны: «удумали со диаволом книги перепечатать и все изменить, в крещении не отрицаются сатаны; чему быть? Дети его, коль отца своего отрицатися не хотят».

Послания протопопа – голос самой гонимой и поруганной Святой Руси, обличающий своих притеснителей: «Посмотри-тко на рожу-тои на брюхо-то, никонианин окаянный – толст ведь ты. Как в дверь небесную вместиться хочешь? Узка бо есть, и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот».

Царь Алексей для него – император язычник Максимиан. Аввакум видит, что Третий Рим на глазах превращается в первый, материально-имперский, пьяный кровью мучеников. Но участь царя ведома обреченному на смерть пророку.

Он уже здесь и сейчас видит мучения Алексея «тишайшего» в аду: «А мучитель ревет в жупеле огня. На вот тебе столовые долгие и бесконечные пироги, и меды сладкие, и водка процеженная с зеленым вином! А есть ли под тобою, Максимиан, перина пуховая и возглавие? И евнухи опахивают твое здоровье, чтобы мухи не кусали великого государя?.. Бедный, бедный, безумный царик! Что ты над собою сделал? Ну где ныне светлблещущия ризы и уряжение коней? Где златоверхия палаты? Где строения сел любимых? Где сады и преграды? Где багряноносная порфира и венец царской, бисером и камением драгим устроены? Где жезл и меч, ими же содержал царствне державу? Где светлообразные рынды, яко ангелы пред тобою оруженосцы попархивали в блещающихся ризах?.. Любил вино и мед пить, и жареные лебеди и гуси и рафленые куры – вот тебе в то место жару в горло...».

Но кара ждет не только самодержца, но и покорный ему народ, изменивший своей миссии, своему высокому изначальному предназначению. Аввакум вспоминает императора Тита, разрушившего Иерусалим – город, обрекший на распятие Христа. Столица России – Новый Иерусалим (подмосковный монастырь под этим названием – любимое детище Никона) равнодушно взирает на муки святых. А значит, иноплеменники придут и станут для русских бичом Божьим.

Протопоп пророчествует: «надеюся Тита второго Иусписияновича на весь новый Иерусалим, идеже течет Истра-река и с пригородом, в нем же Неглинна течет (т.е. Московский Кремль) – чаю, подвигнет Бог того же турка на отмщение кровей мученических».

Россия и Святая Русь – две принципиально разные реальности. Апостол Божий Иаков говорит: «Дружба с миром - вражда против Бога». Лояльность – безбожной, отвергшей Правду Христову, власти, всеядный российский патриотизм, «государственничество» – предательство Святой Руси. После 1666-го руки у ее паладинов развязаны. И они приходят как каратели в одном строю с самыми разными «бичами Божьими».

«Во огонь лезет, а благоверия не предает...»

Раскол воспринят был народом русским как Конец Света. И тому было много сигналов, много знаков на земле и на небе. Да и расчеты книжников подтверждали, что пришли последние времена.

В 1654 году прошла страшная моровая язва, истребившая в некоторых деревнях все население поголовно. В последующие два года были неурожаи и как следствие – голод.

Тогда же явились знамения: «хвостатая звезда и кровавые столпы». Как раз в это время по велению Никона пошла «в рассылку» первая партия новопечатных книг.

Для противников реформы все было очевидно: «Зряте, православные, зряте знамение гнева господня, излия бо вышний фиал ярости своея грех ради наших; и за то всеблагий творец род христианский наказует, что многие пошли по следам врага Божия и Причистыя Богородицы – волка Никона».

Вскоре один из ярых приверженцев старины святорусской, архимандрит Новоспасского монастыря Спиридон (из рода бояр Потемкиных) исчислил срок прихода антихриста. Он представил цепь падений человеческих, цепь вероотступнических актов. Причем, один от другого отделял в десять раз более краткий промежуток времени. Сатана прессовывал его, убыстрял, по мере убывания святости на Руси.

Итак, как и было предсказано апостолом, дьявол после Воскресения Христова был связан на 1000 лет. Когда он по прошествии этого срока был освобожден, случилась первая беда – отпал в ересь Первый Рим. Через 600 лет унию с ним приняла Западная Русь. Еще через 60 лет после этого впал во грех и Третий Рим, приняв реформу Никона. И, наконец, через шесть лет, считая с этой даты, в 1666 году – срок прихода самого антихриста.

В ожидании гибели мира, люди бросали свои хозяйства и уходили в леса. Вести из «Центра», доходившие до них, только подтверждали уверенность в скором Апокалипсисе. И если даже он чуть запаздывает, то все равно, по всем статьям в ближайшие годы неотвратим.

Аввакум писал сторонникам, что «последний чорт еще не бывал», что еще бояре «путь ему подсталают». Он считал по-другому. По его мнению, к 1666 году надо прибавить еще 33 года земной жизни Христа, и получится 1699 год. В этот год и придет антихрист, а конец мира наступит в 1702-м.

Это 33-х-летие стало временем пути на Голгофу. Святая Русь переплавлялась в Россию, где не было уже ни истинной Веры, ни завещанной предками Правды. Реальность была настолько невыносима своим прогрессирующим отходом не то что от идеала, но от самой нормы, как ее понимали тысячи русских людей, что такой жизни они предпочитали смерть в огне.

Аввакум писал о самосожженцах: «русачьки же, миленькия, не так! - во огонь лезет, а благоверия не предает...». Слова Христа о том, что «мир во зле лежит» русские люди всегда помнили. Но то весь прочий мир, а Святая Русь – ровесница Рая. У нее иная судьба, она – удел Богородицы.

Все эти представления и упования рушились на глазах. Глобализаторская работа, затеянная Никоном и царем Алексеем, уравнивала священную Родину с прочим падшим миром. Но и во грехе равенства быть не могло. Если Русь была избранной в святости, избрана она и в «погибели». Непременно именно здесь должен появиться антихрист. И случится это не само по себе, но по грехам русских людей, не сумевших сохранить вверенных им святынь – Христовой Веры и Правды.

А раз так, то, чтобы очиститься от своих грехов и от скверны, наступающего на скиты антихристового мира, надо принять «огненное крещение». Такова была безупречная логика самосожженцев.

Слуги антихриста, кстати, стремились спасти их. Военные команды рыскали в лесных дебрях. Но, как правило, натыкались на пепелища. Впрочем, двигал властями отнюдь, конечно, не гуманизм. Самосожжение было бунтом. Добровольно идти на смерть царь не велел. По какому праву холопы своими жизнями распоряжались? Ведь еще Грозный заповедал, что только государь Московский вправе решать, кого и когда мукам предавать.

Конечно «эмигрировала в смерть», все же меньшая часть поборников святорусской Правды. Прочие уходили все дальше в леса. «Вне лесов ныне царство антихристово» - говорили они. И пытались построить новую Святую Русь в своих скитах, появлявшихся в дебрях нижегородского Заволжья (по реке Керженец), Поморья, Приуралья и ближайшего Зауралья. Уходили и за границу: в Швецию (Лифляндия), в Польшу (Ветка на реке Соже), в Австрию (предгорье Карпат, Белая Криница), в Пруссию, Турцию (Дунайские гирла, Крым и Кавказ).

Но были и те, кто не собирался отступить перед лицом антихриста. В среде старообрядцев родилась формула, которая ставила активное сопротивление выше, чем праведный эскапизм. «Раскольники» говорили: «Аще кто слышится силен быти, да борется с сатаной, не ослабляя церковных жил, страшливи же да бегают».

Мстители

Те, кто «убегали» на Дон и в другие «украинные» места, были не из «страшливых». Они готовы были с саблей наголо добыть свою Правду. Абсолютно неоправданно расхожее мнение, что самодержавно-крепостнические порядки всегда воспринимались русскими как единственно возможные и даже благословенные.

Ведь буквально с момента утверждения их на Руси во весь голос заявляют о себе носители альтернативной программы, с оружием в руках, отстаивавшие право «свободы для всех быть вольными казаками».

После Раскола в их ряды начинают массово вливаться старообрядцы. И казаки становятся с этого момента защитниками не только Правды, но и истинной Веры. Становятся собственно субъектом Гражданской войны.

Свою битву с Империей они вели практически непрерывно на протяжении полутора столетий – от Лжедмитрия до Емельяна Пугачева. И в течение всего этого периода они не просто отстаивали свое право жить по Правде, они пытались утвердить свой порядок по всей России. И это был именно порядок, а не «воровство», как утверждали их враги.

Первым его приход провозгласил легендарный Стенька Разин. И дворянские, и буржуазные историки говорят, что он, мол, разбойник был, душегуб. И тем самым, как им кажется, снимают тему его особой миссии.

Абсолютно нехристианский подход. Ибо, кто был распят одесную Христа, и первым (явив Веру) вошел вместе с Ним в Рай? Разбойник и душегуб. А кому, по слову Христа крайне проблематично туда попасть? Благопристойному зажиточному юноше, который во всем был праведен, но не смог отказаться от своего имущества и нищим последовать за Иисусом.

А Разин богомольцем, с котомкой за плечами в Соловецкий монастырь ходил. Да, именно в Соловецкий – в цитадель Русской Веры. И побывал он там в 1652 году, накануне буквально начала фронтального наступления сторонников «книжной sprawy», накануне апокалипсических знамений. Как знать, не благословил ли его какой прозорливый старец на особый, страшный и жертвенный путь?

Позже, когда его восстание полыхало по волжским городам, (сжигать сами себя русские люди стали уже после того, как это пламя кровью погасили), он объявит, кому и во имя чего он объявил войну.

В своих «прелестных грамотах» Разин оповещал: «Вышли мы, великое войско Донское, з Дону Донцом ему, великому, государю, на службу, потому что у него, великого государя, царевичев не стала и от них, изменников бояр, и мы, великое войско Донское, стали за дом Пресвятыя Богородицы».

Казаки брали на себя всю полноту ответственности за Дом Пресвятой Богородицы. Мирно, любовно, соборно строить его явно не получалось. И казаки выдвинули свою программу радикальной святорусской революции.

Если, как о самостоятельной политической силе казаки заявили о себе, когда поддержали Лжедмитрия, то ко времени Раскола они уже имели некий вполне оригинальный план общественного переустройства. Причем формировался он параллельно и в Запорожье, и на Дону. Черкасы и донцы имели, разумеется, контакты. Не раз приходили на помощь друг другу. Как впрочем, и рубились, порой, когда оказывались в рядах армейских формирований польских или русских.

Но программа, за реализацию которой боролся Хмельницкий на Украине, была очень близка той, которую в отбитых у «антихристовой власти» городах пытался воплотить в жизнь Разин. Ведь уж никак не за «национальное самоопределение» сражались запорожцы. Они защищали от турок и поляков Веру Православную. А, кроме того, отстаивали право сначала «низового товарищества», потом и всех украинцев жить по Правде. То есть, если угодно, без угнетения человека человеком. Потому как, записывать людей в кабалу навеки – дьяволу угождать.

Вступая в союзы, то с Польшей против России, то наоборот, как на той же знаменитой Переяславской Раде, они искали сюзерена, который согласится прогарантировать наибольший объем их вольностей.

Весьма характерно, что, принося присягу Алексею Михайловичу, они потребовали, чтобы присягнули в ответ, от имени царя, и московские послы. Они должны были клятвенно подтвердить незыблемость этих самых гарантий вольности. Но в ответ слышали, что самодержец, мол, не присягает подданным.

Казаков подобная постановка вопроса озадачила. Почуяли они недоброе, однако, положились в итоге на добрую волю «Тишайшего». И очень скоро поняли, что напрасно. Потому то и начали казаки запорожские в скором времени «изменять» Великому Государю. Правда в их оптике, и новые попытки вступить в союз с Речью Посполитой, и

альянс со шведами, были просто продолжением традиционной для них линии выстраивания оптимальной, с точки зрения защиты Правды, политической конфигурации.

Социальная модель казаков (что запорожских, что донских) в общих чертах сводилась к тому, что их воинское братство заменяло собой государство в его функции защиты от неприятеля и обеспечения гарантий внутреннего жития по Правде для прочих сословий – купеческого и крестьянского. Прочие же, госфункции виделись абсолютно излишними и паразитарными. А значит, в конечном счете, дьявольскими.

Во всех освобожденных от «Рима» городах, разинцы вводили казачье устройство правления. Представителей центральной власти (что бояр-олигархов, что бюрократов-приказных) убивали, канцелярские бумаги уничтожались. Всем объявлялась воля.

Однако (это даже историки времен «царизма» признавали) террор Стеньки и его сподвижников не был тотальным (поголовно против всех представителей «классово чуждого элемента» направленным). «Облихованных» миром, на которых было много жалоб, истребляли без разговоров. Одобренных не трогали. То есть, это был террор во имя торжества Русской Правды.

А уважение к Вере самых забубенных голов иллюстрирует хотя бы такой пример. Отряд разинцев под начальством атамана Янка Микитинского взял Макарьев монастырь. Имущество частных людей, отданное в монастырь на сбережение, было реквизировано, но из монастырского добра «воры» ничего не тронули.

За счет чего жили бы, победы они, сами казаки, спрашивается? Непременно за счет грабежа мирного населения, скажут государственники. Потому как, если налоговая система и кабала ликвидированы, больше ничего, вроде бы, не остается.

Но нижегородцы в Смуту наняли ратных людей на свои кровные без всякого госдавления. А значит, самоуправляющиеся русские городские и сельские миры вполне способны были субсидировать своих защитников. Напоминает чем-то рэкетирские схемы 90-х? Только по форме (форме очень традиционной, кстати, и вполне эффективной). Но и тогда было много исконного и куда более «правильного», чем после, когда всех «купцов новорусских» «перекрышевали», конкуренты братвы в погонах.

Православное казачество во главе с выборным атаманом или, как на Украине Гетманом было не сборищем беспредельщиков без традиций и корней. Это было братство, осознававшее себя воинством Дома Пресвятой Богородицы. А забывавших об этом высоком призвании (будь то сам Гетман) настигала скорая и беспощадная кара от рук соратников.

Кроме того, казаки сами, помимо воинских дел могли и землепашеством заниматься, а то и как стрельцы, к примеру, торговлей. Ну, и пограбить тоже можно,

почему нет? Только не православный люд, конечно, а заграничных басурман каких. Царские то воеводы пытались Стеньке всячески воспрепятствовать «за зипунами» в Персию ходить. Что тоже против Правды, по его понятиям, было...

Таким образом, «прелестные грамоты» Разина были одним из первых набросков радикально антиимперской программы.

Эта право-анархистская по сути своей модель и есть в основных чертах, собственно, Русская Правда. Реализация ее сегодня может оказаться актуальнее, чем даже во времена Разина. И крайне важно тут подчеркнуть, что казачество это не есть некий «братский» (а может, и не очень) русским народ. Подобные идеи популярны и сейчас, озвучивались они и прежде. Но проповедь их лжива и крайне вредоносна. Одним словом, ересь.

Казачья Правда – это и есть наш особый национальный Путь. До поры, пока модель Царь + Собор Всея Земли не была демонтирована «Тишайшим», он был резервным, альтернативным. После катастрофы Раскола и окончательной ликвидации «рецидивов» народоправства, становится единственным подлинно Русским.

Разин был казнен на Болотной площади в Москве. Сначала ему отрубили руку, потом ногу. И тут брат Фрол, потрясенный кровавым зрелищем, выкрикнул, что «готов сотрудничать со следствием». «Молчи, собака!», - прохрипел Степан. И тут же лишился головы...

В начале страшных дел

У Петра было трудное детство (интриги, заговоры) и психическая травма (стрельцы напугали). Но антихристом он стал не поэтому. Просто, вся логика царствования его батюшки подводила именно к тем выводам, которые он сделал. Ему надлежало стать уже не царем, а императором. Потому как, империя имелась уже как данность. Была власть, ничем и никем не ограниченная. И она, по факту, была сама себе целью и смыслом.

Ведь, если Святая Русь сгорала в скитах, а Третий Рим отменили греческие патриархи в 1666-м, то, что же кроме языческого, тиранического могущества оставалось? Оставалось сделать к нему последний шаг. Но дороге Петру в самом начале попытались преградить стрельцы.

Они, как мы видели, и прежде были неизменными участниками народных «правдоискательских» возмущений. И в Соляном бунте активно участвовали, и на сторону Стеньки многие перешли. Но они, в отличие от казаков, не были носителями некой альтернативной программы. Скорее, стрельцы, по сути своей были «стражами»

Третьего Рима. И как физической реальности, и как метафизической. Когда чуяли, что как-то вкривь политическая линия идет, пытались ее своими бердышами подправить. Но поскольку вслепую рубили, тоже криво выходило...

То, что, конкретные стимулы выступлений были всегда связаны с ущемлением их корпоративных интересов (невыплата жалованья, произвол командиров) никоим образом «правдоискательский» мотив не опровергает. Просто стрельцы больше, чем кто-либо в тогдашних российских государственных рамках были готовы и способны отстаивать свои права.

Ну, а насчет, Петра у них, похоже, изначально предчувствие какое-то нехорошее имелось...

В 1682 году стрельцы взбунтовались и перебили немало близких десятилетнему Петру людей. Да, подстрекали их сторонники Милославских (родственников первой жены Алексея Михайловича), но царевич не люб им был и без этого.

Непосредственным поводом для возмущения стали следующие события. Когда царь Федор Алексеевич скончался бездетным, то по старшинству следовало передать престол его брату Ивану, от той же матери (Милославской). Однако наследник был слаб здоровьем. И ссылаясь на это, группировка близкая к Наталье Нарышкиной (вторая жена «Тишайшего») попыталась посадить на отцовский трон Петра.

Но Милославские и царевна Софья, обратились перед лицом такого беззакония к стрельцам. Их воевода князь Хованский (он и дал имя всем этим событиям – «Хованщина») тоже готов был защитить права Ивана.

В итоге лидеров пропетровской коалиции порубили стрельцы. И царями были провозглашены оба брата, а сестра их Софья объявлена правительницей.

Ситуация «шатания» власти была использована «святорусским» элементом для того, чтобы попытаться вернуть Правду и Веру. Но здесь стрельцы (чьи требования об улучшении финансирования были, разумеется, правительством удовлетворены), показали, что они совсем не казаки. Когда холопы подали челобитную об отмене холопской зависимости, стрельцы их разогнали.

Правда, стрельцы вооруженной силой поддержали требование старообрядцев провести диспут о Вере. Начался он в Кремле на площади перед Архангельским собором. Но поскольку явно грозил перерасти в новый бунт, власти пригласили диспутантов в царские палаты.

Старую Веру защищал суздальский протопоп Никита Добрынин. Князьям Церкви оказалось не под силу сбить его с толку тонкими своими аргументами. В пылу полемики он перешел к прямому действию - «заушал» архиепископа Холмогорского Афанасия.

И его сторонники сочли, что неспособность никониан совладать с Никитой – знак победы истинной веры. Кремль они покинули, как триумфаторы. Но в ту же ночь Софья вызвала к себе стрелецких вожakov и потребовала отказаться от защиты старообрядцев, мол, не воинское это дело – в тонкости теологии вникать. И Никиту «сдали». Мятежный протопоп был казнен на Красной площади «за оскорбление величества».

В том же году власть перешла к массовому террору в отношении старообрядцев. Она осознала, что пока жива Старая Вера, всегда найдется «протопоп» готовый спорить с самим государем. Противящихся новому обряду и «возлагающих хулу на Церковь» постановили сжигать в срубках.

Но недолго оставалось и стрельцам гулять. За «иудин» грех они расплатились еще на этом свете.

В 1698 году, недовольные тем, что после тяжкого Азовского похода, их перекинули на Польскую границу, да, и вообще никак не уважали их прежних вольностей, они двинулись на Москву.

Современники так передают их намерения: «Идти к Москве, разорить Немецкую слободу и побить немцев за то, что от них православие закоsnело, побить и бояр; послать в иные полки, чтобы и они шли к Москве для того, что стрельцы от бояр и от иноземцев погибают; и к донским казакам ведомость послать; а если царевна в правительство не вступится и по коих мест возмужает царевич, можно взять и князя Василия Голицына: он к стрельцам и в Крымских походах, и на Москве милосерд был, а по коих мест государь здравствует, и нам Москвы не видать; государя в Москву не пустить и убить за то, что почал веровать в немцев, сложился с немцами».

Но в походе своем проявили они ту же непоследовательность, что и в Хованщину. Созданное Иваном Грозным «третьеримское» по всем статьям воинство, не в состоянии было выступить с какой-то самостоятельной программой. Действовать по-казачьи, на свой страх и риск, без водительства со стороны кого-то из царской фамилии, они не умели. Но заточенная в Новодевичьем монастыре Софья встать во главе их мятежа никак не могла.

Вернувшийся из зарубежной «командировки» Петр остался недоволен, что воеводы, подавившие стрелецкий бунт, казнили только зачинщиков. Царь заметил: «А смерти они достойны и за одну противность, что забунтовали и бились против Большого полка». И наступило «утро стрелецкой казни».

Вот тут, когда он лично орудовал топором, народ и опознал его окончательно. По всем статьям. Вспомнили, кстати, что, вернувшись из-за границы, вместо поклонения святыням поехал прямо к Анне Монс и «зажигал» с ней всю ночь.

В народе пошел слух, что и не царь это вовсе, что подменили Петра в «Стеклянном государстве», а в Москве воцарился «жидовин из колена Данова». Согласно пророчествам, такова ведь этническая принадлежность антихриста. Да, Петр и внешне, кстати, судя по портретам, вызывал в этом смысле подозрения...

Обыкновенный фашизм

Он упраздняет патриаршество в «никонианской» Церкви, и обрушивает новые массированные гонения на старообрядцев.

Те делают однозначный вывод: «Сатанинские власти Бог, словами пророка, яко врагов истине повелевает ненавидити. глаголя, ненавидящие тя, Господи, возненавидех, совершенною ненавистью возненавидех их, бо враги быше мои».

Империя, учрежденная Петром, и ее ритуалы есть, с их точки зрения, «служение новым Ваалам и Астартам». Император стал для них «лжехристом», который «нача превозношати паче всех глаголемых Богов».

Те поэтические славословия, с которыми обращались к императору, истолковывались просто как откровенное кощунство:

Он бог твой, бог твой, о Россия!

Он члены взял в тебе плотские

Сошед к тебе от горних мест...

Ревнителю Русской Веры так комментировали этот скандальный текст: «И паки именовался божеством России»... «Ибо он древний змий, сатан, прелестник, свержен бысть за свою гордыню от горних ангельских чинов, ... взяв члены себе плотские, якоже святии пишут Ефрем и Ипполит: родится сосуд скверный от жены, и сатана в него вселится и начнет творити волею своею».

Петр резко и кроваво трансформирует «третьеримскую» идеологическую модель в совершенно сатанинском ключе. Он изымает из нее смысл и оправдание, замыкая на себя.

Последователи Иосифа Санина учили, что служение государству Русскому есть служение самому Господу, поскольку Самодержец отвечает перед небесным владыкой не только за тела, но и за души подданных. Именно поэтому Грозный считал себя вправе вести их к Свету, через казни, адским подобные.

При Петре же Третий Рим фактически превращается в новое издание первого – имперско-милитаристского. Но государство не для того на Руси создавалось, чтоб ему, как идолу языческому тысячами людей в жертву приносили в ингерманландских болотах.

Какой там террор опричный, Петр учиняет форменный геноцид. И дело не только в том, что Петербург, мол, «на костях построен». Он изъял прежний смысл из жизни

русских и дал иной – чужой и чуждый. Вот она подмена, которая в «Стеклянном государстве» случилась...

Система, созданная Петром – это обыкновенный фашизм (странно, что этого не замечают, чтущие «великого реформатора» наши либералы-западники). Причем, он был куда более последователен в реализации базовых фашистских принципов, нежели сам Муссолини.

Дуче в «Доктрине фашизма» писал: «Фашистская концепция государства антииндивидуалистична; фашизм признает индивида, поскольку он совпадает с государством... для фашиста все в государстве и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства».

Тут, кстати, коренное отличие фашизма от национал-социализма. Для первого – государство превыше всего, и народ, фактически – его продукт и его инструмент. Для «гитлеристов» же абсолют – это нация.

Но Муссолини не додумался упразднить папство и заменить понтифика советом кардиналов, за которыми надзирал бы партийный обер-прокурор. А первый россиянский император подобное с успехом проделал.

При Петре все тотально и безысходно служат государству. А «государство это – он». Впрочем, «мореплаватель и плотник», в отличие Людовика XIV (автора этой формула абсолютизма), и сам служил, а не сибаритствовал. Но его труды – труды во славу опять-таки идола империи.

Дворяне при Петре поголовно и практически бессрочно военную лямку тянут, а крестьяне уравниваются с холопами. И мало того, что пашут на бар, так еще и в казну каждый раб Божий налоги повышенные платит. Да, к тому же в рекруты их забирают, чего раньше не бывало. И никакого высшего смысла у этой всероссийской казармы нет.

Государство уже никак не для того теперь, чтобы Правду Божью на земле утверждать. Но чтобы крепить и множить земную власть кесаря. Старообрядцы все точно угадали – чисто языческая модель.

Для скорейшей реализации своей военно-фашистской программы Петр активно привлекает иностранцев. При нем на русскую службу нанимаются буквально легионы немцев и прочих западноевропейцев.

Их влияние на Петра – очевидный факт. Но если, пока он был жив, немцы соблюдали некие приличия, то, когда страной рулили Анна Иоанновна и Анна Леопольдовна, русских, они, практически вовсе отстраняют от власти.

Более того, против представителей славянской аристократии фактически был развязан террор. То есть, в эти годы можно говорить о натуральной немецко-фашистской

оккупации. Унять распоясавшихся захватчиков удастся только с воцарением дочери Петра Елизаветы, произошедшим в 1741 году.

Но, характерно, что если русских Бирон и его подручные, когда были у власти, казнили пачками, то немцы-временщики были, хотя, и приговорены к смерти, но только «взведены на эшафот», а затем тут же помилованы и сосланы в Сибирь.

Странная гуманность. Свидетельствующая, пожалуй, о далеко не полном освобождении от оккупации. Недаром, философы-«евразийцы» называли весь послепетровский романовский период «романо-германским игом».

Еще у колыбели будущего императора-реформатора мы наблюдаем весьма подозрительного персонажа – боярина Артамона Матвеева, главу Посольского приказа. Откровенного, надо сказать, русофоба и западника. Жена его была из шотландского рода Гамильтонов. В быту он всячески пытался следовать европейским образцам. Ну, насколько это было, разумеется, возможно в «темную» еще и «непросвещенную» пору Алексея Михайловича.

В его доме воспитывалась мать Петра Наталья Нарышкина. Удачно выдав ее замуж, боярин обрел огромное влияние на «Тишайшего», а после его смерти и вовсе стал центральным персонажем в системе власти. Но в ходе Соляного бунта был этот «прогрессист» порубан стрельцами.

Однако семена русофобские были посеяны. И Петр с детства, как известно, жалуется обитателей Немецкой слободы куда больше соотечественников и единоверцев. В итоге, он формируется почти исключительно под их влиянием.

Завершающий аккорд – Великое посольство. В 1697 году Петр отправляется за рубеж и колесит по европейским столицам больше года. Причем, колесил бы и дольше, но вернуться его заставила весть о стрелецком бунте. И хотя он и без него благополучно был подавлен, царь поспешил домой – рубить головы.

Но, что он делал в Европе, с какой целью был предпринят этот беспрецедентный вояж? Помимо того, чтобы познакомиться с любезными его сердцу бытом и нравами, а также поучиться корабелестроительному ремеслу, государь планировал заключить с Западом союз против турок. Крымская проблема так и не была решена.

Однако, по возвращении, царь начинает Северную войну – атакует Швецию, которая ничем нам не угрожала. Повторяется история с Грозным. Правда, там влияние иноземцев не прослеживается. Здесь же оно очевидно.

Главный интересант – курфюрст Саксонский и король Польский Август. Это для него и его датских союзников – Швеция сильный и опасный враг. И Петр погнался русских

дворян и мужиков на убой вовсе не потому, что осознавал настоятельную необходимость «прорубания окна в Европу». Просто немцы его так «научили» и сориентировали.

Другой вопрос, что из этой войны Россия вышла радикально увеличившей свое геополитическое влияние, вышла, став, одним из главных субъектов европейской политики. Однако эта Империя уже не была русским государством. Поскольку, как раз в период противостояния со Швецией и были созданы предпосылки для последующей оккупации ее немецко-фашистским режимом.

Российские масоны, между прочим, утверждают, что первым русским «вольным каменщиком» был Петр. И что посвящение он получил как раз во время европейского своего турне, в Англии. По рекомендации своего друга и наставника из Немецкой Слободы Франца Лефорта. Документов, сие подтверждающих, не имеется. Однако сами масоны верят, что так оно и было.

И в это не трудно поверить, учитывая искусственность и противоестественность для Руси изначальной всего, что творил Петр. Во всем этом чувствуется абсолютно нечеловеческая логика «великих архитекторов». Для них государство – это не живой организм, живущий в соответствии с внутренней природой, породившей его нации; но пирамида, сложенная из человеко-кирпичей по заранее подготовленным чертежам.

Но кирпичами соглашались становиться далеко не все. Гражданская обретала новый смысл.

Если Петр – имперский абсолют, то должен был явиться и его антипод. Против фашистского режима началась национал-анархистская партизанская война.

Война с Царем-Ерохой

Вождь казацко-старобрядческого движения сопротивления Игнат Некрасов был ближайшим соратником Кондратия Булавина, лидера мощного антипетровского восстания. Непосредственным поводом для выступления стал запрет со стороны оккупационных властей принимать на Дону беглых крестьян и правительственные акции по их поимке.

Булавин и его сподвижники сочли их грубым нарушением «перемирия» между защитниками Русской Правды и имперцами. Однако далеко не все казаки поддержали повстанцев. Уже тогда сформировался слой «домовитых», «ответственных патриотов», готовых мириться с тем, что Русь на глазах пожирается Россией. Мириться, выторговав лично для себя право жить в резервации более-менее по исконным русским законам.

Непреклонный старообрядец Некрасов был правой рукой Булавина. После его гибели, атаман Игнат со своими отрядами приходит на Волгу, где атакует Саратов и Царицын. Но силы не равны, и он принимает решение уходить за кордон.

Историк Донского войска с оккупантской фамилией Ригельман пишет: «Игнашка Некрасов прибежал в свою Есауловскую станицу и, взявши жену и детей, ушел со всеми товарищами на Кубань, и там, с сообщниками и со всею их шайкою, в подданство Крымскому хану отдался».

Татары предоставили им полную свободу в делах веры и внутренних порядков. У казаков осталось свое управление, свои выборные власти. Во главе казачьей общины стоял войсковой атаман и «казачий круг» или сход полноправных представителей общины.

Некрасовцы осели тремя городками - Блудиловским, Голубинским и Чирянским, на Таманском полуострове между Копылом и Темрюком. В тех местах, которые некогда были центром царства Босфорского.

Некрасовцы на занятой ими территории совершенно свободно строили церкви и даже скиты и монастыри. Здесь, на земле басурманской на Русские Веру и Правду никто не посягал. Не то что на оккупированной родине...

Но казаки, разумеется, не только молитвы творили. Занимались они, конечно, прежде всего, воинским своим делом. И поскольку хан в их внутренние дела не совался, некрасовцы стали ему надежными союзниками.

Они использовались, например, для подавления местных оппозиционных выступлений. Но не только...

Некрасовцы охотно, с неприкрытым энтузиазмом участвовали в набегах на Россию. И явно не считали себя изменниками. Скорее наоборот, бывших земляков они рассматривали как предателей и коллаборационистов.

Вот лишь некоторые воинские свершения или военные преступления (зависит от угла зрения) казаков под водительством атамана Игната. В 1708 году они осели на Кубани, а уже в 1711-м, во время неудачного похода Петра на Прут (в своих песнях «игнат-казаки» называют его «Царем-Ерохой»), некрасовцы вместе с татарами совершили набег на русские селения в Саратовской и Пензенской провинциях.

Ответом стал рейд российских подразделений на правый берег Кубани, в ходе которого были разорены несколько некрасовских станиц. Но уже через два года сам Игнат и его ближайшие сподвижники Сенька Кобыльский и Сенька Ворыч возглавляют казаков в их совместном с татарами набеге на Харьковщину.

А в 1715 году Некрасов засылает целый отряд шпионов на Дон и в украинские города. Около 40 лазутчиков, ведомых беглым монастырским крестьянином Сокиным, под видом нищих и иноков вели антиправительственную агитацию в верховьях Хопра, в Шацкой провинции и Тамбовской губернии. Подговаривали крестьян к побегу на Кубань. Многие из них были схвачены и казнены.

Тем не менее, гибнут они не напрасно. К некрасовцам бегут целыми станицами.

Еще через два года казаки во главе с Игнатом снова лютуют в селениях по Волге, Медведице и Хопру. Причем, и с абсолютно мирным населением обходятся абсолютно беспощадно. То есть, никакого чувства этнической общности уже нет.

И чем дальше, тем его меньше. Есть немало свидетельств того, что некрасовцы продавали пленных подданных Российской Империи своим союзникам – татарам, туркам, горцам.

Не раз уже после смерти Игната, некрасовцам поступают предложения вернуться. Но каждый раз они выдвигают требование, помимо гарантий безопасности, предоставить им право жить по своим законам, то есть по Старой Вере и по Русской Правде. Но на это правительство, разумеется, пойти не могло. А некрасовцы не собирались отречься от заветов Игната.

По мере продвижения Империи на юг, меняют свою дислокацию казаки-староверы. И, наконец, уходят во владения турецкого султана, на Дунай. Туда же после разорения Екатериной II Сечи, переселяется часть запорожцев. У них начинаются конфликты по поводу рыболовных угодий, за землю. В итоге некрасовцы наголову разгромили конкурентов.

Но в связи с неумолимым приближением границ Империи, они покидают и дельту Дуная, переселяясь в Малую Азию. «Царизму не покоряться, при царизме в Расею не возвращаться», - так завещал Некрасов. Так и вышло. Только после падения Дома Романовых его последователи решаются вернуться на родину. Впрочем, она всегда была с ними. Они несли ее в себе. И просто никак не желали «сдать» ее Империи.

Заветы Игната

Снова, как и в конфликте Курбский – Грозный мы сталкиваемся с принципиально различной трактовкой этого священного для имперских пропагандистов понятия – «родина». Для них – это территория, березки, а главное – Кремль (или Зимний дворец) и, разумеется, его обитатели. Для их оппонентов – все иначе.

Родина у русских особая. Она «внутри есть». Как царство Божие. Она ведь не Франция какая. Она – Святая Русь.

Каковы же ее характеристики по версии Некрасова? Они очень четко и недвусмысленно сформулированы в его заветах. Может, они, и плод коллективного разума общины казаков-старообрядцев, но сами они называли их автором легендарного первого атамана.

Высшим органом власти у некрасовцев был казачий круг. Он избирал атамана. Его решения были обязательны для всех. У казаков имелся серьезный «общак». Заветы предписывают: «Третью часть заработка казак сдает в войсковую казну». На эти деньги и строили храмы, школы, вооружение закупали.

Некрасовцы никоим образом, разумеется, не толстовцы. Насилие допускалось не только по отношению к иноверцам или жителям оккупированной территории. Членов общины тоже запросто лишали жизни за проступки несовместимые с правом ходить по земле.

О чем свидетельствуют такие, например, установления: «За измену войску расстрел без суда» (войско стало для них истинной родиной), «за брак с иноверцами – смерть», «за изнасилование – бить плетью до смерти». За измену мужу женщину топили, а за убийство члена общины казака могли живьем в землю закопать.

Характерно, что согласно установлениям Игната, сход мог приговорить к телесному наказанию даже самого атамана. И тот после порки должен был отблагодарить казаков за науку. А те в ответ испрашивали у него прощения.

В сходе принимали участие все казаки, начиная с 18 лет. С тридцати они могли занимать командные посты, с пятидесяти – атаманские.

За особо тяжкие проступки, виновного могли лишить казачьих прав, и он, таким образом, оказывался вне закона. Со всеми вытекающими последствиями, вплоть до того, что любой желающий невозбранно мог лишить его жизни.

Характерна социальная политика общины. Только круг имел право гласно помогать кому-либо. Частное лицо – только тайно, строго в соответствии с евангельскими заповедями, чтобы гордыню не спровоцировать.

Заповеди Игната отстаивали не только Правду, но и Веру и предписывали: «Попов никонианского и греческого рукоположения на службу не принимать», «за богохульство расстреливать».

Исследователь В.П. Иванов-Желудков (Кельсиев), побывавший у некрасовцев два года спустя после отмены в России крепостного права, обнаружил, что принципы русской военной демократии соблюдаются ими неукоснительно: «Атаман решает, виноват или не

виноват обвиняемый, а наказать или не наказать – приговаривает круг. Если круг прощает, то виноватый кланяется атаману, потом старикам, потом на все стороны; и тем дело кончается. Если круг приговаривает поучить, то учат...»

Тем не менее, сами казаки подозревали, что не сохранили святорусскую Правду в чистоте, завещанной им первым атаманом. И верили, что есть где-то тайный город Игната – новый Китеж. Вот только дороги туда и самые древние старики не знают...

Добыча преторианцев

Со святорусской точки зрения, вся деятельность Петра, безусловно, чистый негатив. Однако, на нее можно взглянуть и с другой позиции. И тогда обнаружится, что царь-выродок привнес и кое-что перспективное. Нет, речь не о европейской науке-технике. С этим спешить никакой нужды не было, тот же Китай в XX веке только их освоил. И что хуже ему от этого? Речь о некоторых «фашистских» элементах его властной конструкции.

Петр был безусловным русофобом. Он просто хотел реально переделать доставшийся ему народ, сделать его наполовину хотя бы «немецким». Причем, именно весь, сверху донизу. Налог за ношение бород брали отнюдь не с одних высших сословий (видимо, до поры только крестьян, да духовенство от него освобождали). А немецкое платье было обязательным для всего городского населения.

И в этой ситуации тотального глумления над всеми буквально национальными традициями, общего возмущения не происходит. Только самые последовательные защитники святорусских традиций казаки-старообрядцы бунтуют. Более того, император добивался и добился необходимой ему тотальной мобилизации нации. Но исключительно террористическими методами решить эту задачу невозможно. Требуется создать реальную мотивацию. И он ее создал...

Будучи сам пассионарным до психопатии, Петр дает шанс каждому пассионарию радикально изменить свой статус, создав систему кадрово-сословных лифтов.

Он давал людям разного происхождения, находящимся на разных этажах общественной пирамиды ощущение включенности в общее гигантское дело. По такому чувству сегодня ностальгирует, например, Проханов, ассоциируя его со Сталинским, прежде всего, проектом. Но первым подобным образцом был, конечно, Петровский.

И энтузиазм людей типа Меншикова (которые реально «из грязи в князи»), конечно, был сродни тому, что обуревал «индустриализаторов» и «коллективизаторов».

Дворянин, поступая на военную службу, начинал солдатом, наравне с рекрутами из крестьян. И у последних тоже был шанс стать офицерами и, соответственно, выбиться в дворяне.

Известный историк С.Ф. Платонов отмечает: «Так вполне сознательно Петр поставил основанием службы личную выслугу вместо старого основания – родовитости».

Он упразднил прежнее деление воинского сословия на детей боярских, дворян московских и городовых. И заменил его лестницей чисто служебных чинов, зафиксированной в знаменитой «Табели о рангах».

Однако, после смерти Петра то немногое, что было в его реформах, благом для нации, было похерено. Зато разрушительные тенденции только усилились.

Владычество немецких оккупантов - Бирона, Миниха и прочих - этому способствовало. И в их утверждении у власти, и в свержении, да и вообще, во всех дворцовых переворотах, которые становятся просто нормой в XVIII веке, решающую роль неизменно играет гвардия – преторианцы нового Рима. Как и в древнем, именно они – делатели императоров. В российском случае, главным образом, императриц.

И как, опять же, во времена Гелиогабала и ему подобных, они получают за свои «подвиги» награду. Вот только, в Древнем Риме преторианцы были замкнутой военной кастой, а в России – представителями дворянства. Поэтому, отстаивают они интересы не конкретно, к примеру, Преображенского полка, а всего своего сословия.

И с каждым новым переворотом, оно получает все больше прав. И все меньше у него обязанностей. Неуклонно сокращается срок службы, чтобы, в итоге, была и вовсе провозглашена «вольность дворянства». Зато, параллельно крестьяне столь же неуклонно превращаются в рабов. Уже при восшествии на престол Елизаветы, в тексте присяги императрице, каковую приносили представители всех сословий, крепостные отсутствовали. То есть, за людей их уже не считали.

Ограничение свободы перемещения земледельцев в постопричные годы было обусловлено государственной необходимостью – требовалось спасти Землю Русскую от запустения. Хотя тогда уже было ясно, что бегут в опасные «украинные земли» бывшие землепашцы не от желания побродяжить, а из-за оскудения Правды в Царстве Московском.

Власть, в свою очередь, все дальше уходя от святорусского идеала, год от года усугубляла репрессивно-заградительные меры.

И к середине XVIII века крестьянин (безотносительно земельного надела) становится личной собственностью дворянина. Когда-то «дворянский идеолог» Иван Пересветов писал, что, те, кто «записывают людей в работу навеки, угождают дьяволу». И именно этим «угождением» с увлечением занялись некогда «служилые люди», через 200 лет, после создания его челобитных.

Добычей преторианцев, как и в Древнем Риме, становятся рабы.

А представители оккупационного режима, фактически, использовали дворян, как полицаев. Именно крестьянство оставалось хранителем потенциально опасных традиций Руси. И этот чуждый Петербургской монархии элемент ставился под двойной контроль хозяев и госадминистрации.

Так пропасть между русскими людьми из разных сословий становится практически бездонной. Дворяне, мало того, что пользуются всеми прелестями свободной от государственных обязанностей жизни, так еще и выглядят, как представители иного народа и говорят даже на другом языке. Они откровенно предают Русь.

Поэтому, если во время восстания Разина, казаки казнили только «облихованных» представителей власти и высших классов, то Пугачев вешает всех, а с некоторых даже живьем кожу сдирает...

Ворон еще летает...

Правда убывает на обоих полюсах. В гражданской войне (на Руси, по крайней мере, именно так) не бывает абсолютно правой стороны, не бывало до сих пор и тотально виноватой.

Емельян Пугачев резко отличается от своих предшественников. Разин – легендарный атаман и до восстания. Персидский поход – деяние былинное. Он, во весь голос, говорит от своего имени. И им подписывает свои «прелестные письма». В войске его были самозванцы (лже-Никон, например), но это большой роли не играло. У Стеньки имелась своя казачья программа. И он, похоже, всерьез рассчитывал, если и не утвердить ее по всей Руси, то отвоевать для ее реализации некую территорию.

Булавин и Некрасов до своего выступления против «Царя-Ерохи» тоже люди известные, уважаемые казачеством. Причем, не только донским. У них имелись контакты с гетманом Мазепой. Соответственно, замысел был стратегический. Конечно, всю Россию в Русь обратить они не надеялись, но саблями отстоять казачью вольность и отсесть от Империи юго-западное ее «подбрюшье», похоже, ввиду имели.

Пугачев, в отличие от своих предшественников, человек из ниоткуда. Буквально, как у Пушкина в «Капитанской дочке», порождение степного бурана, посланник Хаоса. Самый натуральный бродяга, которого земляки-станичники подозревали в конокрадстве, становится вождем движения, поколебавшего основы Империи. Так исторической фигурой становится абсолютный маргинал. Такое, пожалуй, только в Смуту было...

Он просто появляется в нужное время, в нужном месте – на Яике. Мстительная Екатерина после разгрома восстания переименует реку в Урал. И запретит поминать само

имя Пугачева. Впрочем, он и сам его при жизни не афишировал. А назывался государем Петром Федоровичем, тем самым, каковой умерщвлен был по приказу наипросвещеннейшей своей супруги.

Пугачев позже утверждал, что не сам додумался до самозванчества, что яицкие казаки на то его подбили. Правды мы не узнаем, потому что потом те же казаки его и «сдали». «Возмутиться» же их подвигли меры администрации по урезанию казачьего самоуправления и прочие притеснения со стороны Империи, оставлявшей все меньше пространства для вольного житья.

Бибиков, возглавлявший правительственные войска, писал: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, Яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование». Да, очень точно – «общее негодование».

Сам будущий «Петр III» впервые попал в поле зрения «компетентных органов» и подвергся заключению именно как «праздношатающийся». То есть, в праздности пребывать теперь дозволялось только дворянству.

Несмотря на беспрецедентную масштабность движения, ощущение такое, что на победу его зачинщики не рассчитывали изначально. А что же ими двигало? Наверное, опять же прав классик, который «наше все». У него Пугачев говорит: «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз выпить живой кровью, а там что Бог даст!».

Война, которую он ведет с «оккупационным режимом» протекает, против всех тактико-стратегических правил. Это война самого Хаоса против сил Порядка. Где-то там, на другой планете блистательный петербургский двор, императрица, переписывающаяся с Вольтером, а здесь, то снега по колена, то непролазная грязь и разлившиеся реки. И регулярные части никак не могут угнаться за все время ускользающим противником.

Ко времени Екатерины «немецко-фашистская оккупация» периода Анны Иоанновны трансформируется в достаточно устойчивый русско-немецкий симбиоз, сложившийся в рамках дворянского сословия. Весьма характерны в этом смысле, фамилии генералов и офицеров, возглавлявших войска, сражавшиеся с пугачевцами: Рейнсдорп, Кар, Бибиков, Михельсон, Суворов.

Они бросают в бой гренадеров, кирасиров, егерей. А на них с диким воем летят казаки, калмыки, башкиры, киргизы, вооруженные чингисхановских времен луками. Это война уже не двух программ, не двух смыслов, как прежде. Это – битва народов. Европеизированная Россия пытается привести к покорности, все глубже погружающуюся в Азию Русь.

Дикие, беспощадные орды налетают на крохотные крепости, эти островки Империи в океане почти первобытной анархии. И после себя они оставляют лишь пепелища и смерть. Никакого альтернативного порядка не просматривается...

Вспомним, что разинцы принципиально не покушались на монастырское имущество. А после пугачевских погромов, в церквах – ободранные иконостасы, конский и человеческий кал. И это не какой-то религиозный протест. Хотя сам Пугачев и старообрядец, однако, никакого «древлего благочестия» в нем незаметно.

Примеры осквернения храмов - это народный глубинный нигилизм – «коли правды нет, то всего нет». Раз Вера Правду не защитила, то пропадай все пропадом, «кровью напьюсь...». Сам вождь восстания прекрасно понимал, кстати, свою роль. На первом допросе он откровенно заявил: «Богу было угодно наказать Россию через мое окаянство». Он – воистину бич Божий.

При боестолкновениях с регулярными армейскими подразделениями, Пугачев, практически всегда, даже имея многократный численный перевес, терпит сокрушительные поражения. Он вступает в бой во главе тысяч, а после разгрома, растворяется в степи, едва с парой десятков уцелевших соратников.

И, тем не менее, буквально в считанные недели вокруг него снова собираются «тьмы, и тьмы, и тьмы». Кажется, что оживший Хаос просто немедленно проявляется в любом месте, которое покинуто силами Порядка. Это концентрированная ненависть не просто к господам, а к людям, фактически, иной природы, ничем даже внешне непохожим на русских (одни парики напудренные чего стоили). Очень характерно, что при взятии Казани, «резали всех, кто попадался в немецком платье».

После революции 1917-го, в эмиграции философ права Николай Алексеев писал, что этот раскол этнического поля и породил тот самый пресловутый «правовой нигилизм» русских. Мужики жили по двойной морали. Если кражу у соседа скошенного сена они считали величайшим преступлением, то «умыкнуть» что-нибудь у помещика вовсе не воспринималось как грех.

Просто дворян уже в пугачевщину явно воспринимали как тотально «чужих».

Пушкин в своей «Истории Пугачева» так описывает диалог плененного атамана с екатерининским вельможей, диалог двух, непримиримых уже миров: «Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. - Кто ты таков? спросил он у самозванца. - *Емельян Иванов Пугачев*, отвечал тот. - Как же смел ты, вор, назваться государем? продолжал Панин. - *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает....* Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила

народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови, и вырвал у него клоч бороды».

Ворон прилетит в Петербург в октябре 17-го. И клюнет, как петушок золотой, из сказки все того же Пушкина...

Обреченный принц

Даже верноподанные историки признавали, что Пугачевщина угрожала самому существованию Империи. Поэтому Власть сделала выводы. Движение было беспощадно разгромлено. Казакам же решили выделить своего рода «святорусскую» резервацию. Мол, живите себе, только россиян не бунтуйте. И те переходят на другую сторону «фронта». Однако при этом сохраняют в свернутом виде матрицу Русской Правды в своем внутреннем устройстве и обиходе.

А между тем, рабское положение крепостных лишь усугублялось. Забавно, что Игорь Тальков, называвший себя русским националистом, пел про «век золотой Екатерины». Между тем, это был один из самых зловещих в судьбе нашего народа периодов. Русские представления о Правде попираются в это время тотально.

Искони предполагалось, что крестьяне оттого работают на дворян, что те служат государю, защищают Русь. И даже Петр, ломая через колено все национальные традиции, эту не только не тронул, но напротив сделал данный принцип стержневым в своей государственной конструкции. Но он же заложил мину в ее фундамент, издав «Закон о престолонаследии».

Согласно этому документу трон наследовал тот, на кого указывал самодержец. То есть, он, тем самым, возрождал древнеримскую имперскую практику. И так же, как в Риме, именно она породила произвол преторианцев. История России XVIII века – это история переворотов. И Екатерина II приходит к власти, как откровенный узурпатор.

По строгой монархической логике, после свержения ее супруга, императором следовало провозгласить их сына Павла, а ей могло «светить» максимум регентство. Тем не менее, гвардейцы, возглавляемые любовниками Екатерины братьями Орловыми, провозглашают императрицей именно ее.

Апологеты этой и в самом деле одаренной женщины утверждают, что она, мол, вынашивала планы освобождения крестьян. Однако, столкнувшись с сопротивлением дворянства, их похерил. Были у нее эти благие намерения или нет, вопрос пустой. Факт, что она и в самом деле была заложницей дворянства. Преторианцы дали ей власть, на которую она формально вообще никаких прав не имела.

После «Указа о вольности» дворянства, изданного Петром III, крестьяне, жившие еще представлениями о наличии в мире сем какой-никакой правды, ожидали объявления аналогичной вольности и для них. Но происходит ровно наоборот. Екатерина дарует помещикам безраздельную власть над крепостными.

Дворянин имеет право отправить своего раба на каторгу за «дерзость» с его стороны. Может отдать его в солдаты в любое время, не дожидаясь рекрутского набора. А указом 1767 года крестьянам и вовсе запрещено было подавать какие-либо жалобы на помещиков.

То есть, очевидно, что дворяне из служилых людей, спасителей Отечества в Смуту, героев недавних петровских баталий, превращаются в откровенно паразитический, «кровопийственный» класс. Сбросив с себя груз государственных обязанностей, они массово деградировали в своих усадьбах. «Лишними людьми» они начнут осознавать себя позже. А пока «дикие помещики» наслаждаются волей и безраздельной властью над крестьянами.

И тут приходит Павел.

Этот многократно оклеветанный монарх пытался остановить гражданскую войну. Эта уникальная личность сочетала в себе разнородные и, казалось, насмерть враждебные тенденции. Он хотел снова дать общий духовный смысл всем сословиям, примирить в русской национальной душе Европу и Азию.

Его правление начинается с того, что впервые владельческим крестьянам предоставляется право присягать Императору, наравне с прочими сословиями. Он отменяет «древнеримский», заведенный Петром, порядок престолонаследия. После Павла трон должен безоговорочно достаться старшему сыну.

Павел издает Указ, запрещающий помещикам заставлять крестьян работать на них больше трех дней в неделю. Логика его преобразований возвращала «крепости» изначальный смысл – крестьянин не имеет права покинуть свою землю, но никто не может и его лишить надела. То есть, он уже не раб, но землелашец, несущий определенную повинность.

Крайне показателен следующий эпизод. Некий помещик несправедливым обращением с крестьянами спровоцировал их бунт. Давая отчет государю о происшедшем, он услышал от Павла: «Напрасно вы, сударь, да и многие с вами ж, крестьян трактуют как рабов ваших. Сие отнюдь не так. Впредь запомните — они не рабы вам, а такие же мне подданные, как и вы. Вам же лишь вверена забота о них, и вы ответственны предо мною за них, как я ответственен за Россию перед Богом».

Он напоминает этими словами о том, о чем в России лет сто уж как не вспоминают: правильная, то есть, по Правде построенная иерархия, должна быть основана на непреложном принципе тотального духовного служения и тотальной же ответственности высших за низших перед теми, кто находится на следующей ступени.

Павел, словно былинный какой-то государь, велел в одном из окон Зимнего дворца выставить железный ящик. В него каждый «униженный и оскорбленный» мог бросить свою жалобу. Ключ от него был только у Императора. И он часто до поздней ночи разбирал эти прошения у себя в кабинете.

В армии он впервые в Европе ввел награждение низших чинов орденовыми знаками отличия (орденов «св. Анны» и «донатом ордена св. Иоанна Иерусалимского»). Последний знак, фактически, включал солдата в духовно-рыцарскую иерархию Мальтийского ордена, Великим магистром которого был Павел.

Орденский замысел Павла, вообще, отдельная и крайне актуальная тема. Он воспринимал рыцарскую традицию, как мощное оздоравливающее средство против дегенеративной тенденции в русском дворянстве. И, в то же время, как глобальную силу, способную противостоять Революции.

Он хотел, чтобы Россия стала оплотом Европы Традиции и Порядка и непримиримым врагом Европы якобинцев и либертинов. Он говорил, что революционеры стремятся навязать «равнение по низшим». Избрание Русского Императора магистром ордена Иоаннитов, конечно, никак не случаен. Западные ультраправые видели в нем и в России свою последнюю надежду.

И Павел готов был возглавить новый крестовый поход против сил деградации.

У нас исторически склонны преувеличивать роль зарубежного злокозненного фактора в судьбе России. И часто, говоря об убийстве Павла, упор делают на участии в заговоре английского посла. Разумеется, союз, заключенный Русским Императором с Наполеоном и дерзкий поход казаков на британскую колонию Индию чреватые были для Соединенного Королевства геополитической катастрофой. И «рука Лондона», конечно, в этой гнусной истории свои отпечатки оставила. Однако не она нанесла смертельный удар.

Императора-рыцаря убили русские дворяне, которые сами сделали свой выбор. Выбор в пользу деградации. В пользу гражданской войны.

Романтический принц был обречен. Он был один. У него не было ближнего круга «опричников». Он принципиально хотел уйти от логики оккупации, не считая ее оправданной даже в высших целях. Орден он воспринимал, как всероссийский проект, а не как отряд посвященных.

Но подготовительный (дабы обрести должную выправку) дисциплинарный этап потенциальные рыцари расценивали, как бессмысленную муштру. И возликовали когда «безумца» не стало.

А народ, для которого ящик железный был установлен, он как? А он не успел понять, что к чему. Только, вот солдаты гвардейских полков, когда заговорщики приводили их к присяге наследнику трона Александру, говорят, плакали. И роптали, что мол «погубили царя злодеи».

Цареубийство в доме Ипатьева было подготовлено всей логикой предшествовавших полутора лет, в течение которых были убиты четыре императора. Зловещая статистика – лишнее свидетельство тому, что гражданскую начали не белые с красными. Очевидно, что самодержавие со времен реформ Петра, взорвавших национальную матрицу, вовсе не воспринималось как тотально легитимное и безальтернативное государственное устройство.

Если можно запросто «государя табакеркой по уху», то о каком священном монархическом принципе речь? До отрицания его не только на практике, но и в теории оставался один шаг.

Дети декабря

Офицеры-герои 12-го года, пройдя русским маршем по Европе и заняв Париж, попутно познакомились с таким новейшим европейским веяньем, как национализм. И они обращаются к отечественной истории, в поисках опоры, в поисках альтернативы слишком откровенной неправде наличного существования. То есть, с момента своего зарождения, буквально, русский национализм становится идеологией борьбы за исконную Правду. И одновременно апеллирует к русским демократическим традициям.

Да, все они, разумеется, были масонами. Однако, далеко не все тайные общества проникнуты духом интернационализма и прогрессизма. Достаточно вспомнить хотя бы те ариософские структуры, которые породили Национал-Социалистическую Рабочую партию Германии.

Заседания одного из первых протодекабристских обществ - «Священной артели» - начинались с удара «вечевого колокола». Новгородская республика была для его членов образцом и ориентиром.

«Общество соединенных славян» ратовало за создание конфедерации братских народов. Мощный союз славянских государств должен был, по их мысли, стать решающей силой в Европе.

А программа Павла Пестеля и вовсе называлась «Русская Правда». Вполне «фашистская», надо сказать, программа. Членов царской семьи предполагалось поголовно ликвидировать. То есть, выступление декабристов можно считать очередной, на этот раз неудавшейся попыткой цареубийства.

В случае же успеха, Пестель предлагал учредить жестко унитарную республику. В которой все инородцы подлежали бы русификации и христианизации. Их исконные земли он намеревался заселить русскими колонистами.

Движение декабристов во многом было продолжением перманентной «дворянской революции», которая началась вскоре после смерти Петра. С каждым новым переворотом некогда тотально служилое сословие обретало все больше свобод. Однако политических прав оно так и не получило. Монархи всероссийские предпочитали откупаться от шляхетства все большим ужесточением крепостного права. Задаривали преторинцев рабами, лишь бы те не потребовали в качестве оплаты за услуги реального, институализированного участия в управлении страной.

Подобных проектов было предостаточно. Но все они благополучно клялись под сукно. И помещичьи массы вполне удовлетворялись забавами с крепостными девками. Представительный орган им был без надобности.

Лидер сторонников реформ в первые годы правления Александра I граф Петр Строганов так характеризовал поместное дворянство: «это сословие самое невежественное, самое ничтожное и в отношении к своему духу, самое тупое».

Но декабристы-националисты были авангардом своего класса. И понимали, что когда большая часть народа в рабстве у меньшей, страна, фактически, живет в состоянии «холодной» гражданской войны. Понимали они и то, что самодержцы не решатся освободить крестьян. Что они заложники системы, которую создали и не рискнут «обездолить» тупые помещичьи массы, поскольку именно их и считают главной опорой трона. Не понимали они одного и главного – значения Веры. Что без нее не будет Правды. Что без нее и рабы, даже получив вольную, останутся рабами.

В освобождении от «гнета царизма», нуждается еще и Церковь. Власть обер-прокуроров над Святейшим Синодом – позор не меньший, чем порки мужиков на конюшне. Национализм декабристов был слишком импортный, слишком, опять же масонский. Они не только были «страшно далеки от народа», как мудро заметил Ульянов-Ленин, но и своему родному классу были не слишком близки.

Тем не менее, их выступление глубоко потрясло Николая I. И сыграло в судьбе самодержавия роковую роль. Монарх сделал из 14 декабря и вскрывшегося в ходе следствия разветвленного заговора, удручающий вывод – дворянство тотально ненадежно.

Лучшие его представители – потенциальные цареубийцы, а прочие лояльны лишь до тех пор пока им гарантировано сытое безделье за счет эксплуатации рабов.

И начинает формировать ту систему, каковую мы, строго говоря, имеем и сейчас. Власть в ней живет сама по себе, никому не доверяя и боясь проявлений инициативы любого класса и сословия. Единственная ее опора – бюрократия. То есть, новая служилая каста, лишенная корней и связей в обществе, зависимая только от «верховного главнокомандующего». Характерно, что Николай прямо говорил, что немцам доверяет куда больше, чем русским. Поскольку те служат не России, а императору лично.

Функции контроля над социальными процессами и пресечения нежелательных поползновений отдаются, созданному Николаем Третьему отделению Его Императорского Величества канцелярии. Сотрудникам ФСБ стоило бы отмечать не только дату создания ЧК, но и этого органа. Они наследники по прямой обоих учреждений.

Тогда же в николаевскую эпоху рождаются два мировоззрения, противостояние которых становится фронтом интеллектуальной гражданской на многие поколения вплоть до наших дней. Первые ратуют за заимствование готовых политических форм из Европы. Вторые - за созидание своих, на основе русских традиций. Славянофилы обнаруживают единственный и безальтернативный путь национального спасения – путь синтеза Веры и Правды.

В этой идейной борьбе Николай выбирает третью позицию – «держат и не пущать» и тех, и других. Так Самодержавие выбирает самоубийство.

Весьма символично, что в российском обществе ходили упорные слухи, что и сам Николай покончил с собой. Якобы, потрясенный катастрофическим исходом Крымской войны, он осознал, что его «бюрократическая» монархия - система абсолютно неконкуренто-, да в конечном счете, и нежизнеспособная.

Это чувствовал, конечно, не только ее создатель, но и ее враги. И стремились эту систему поскорее добить...

На Сенатской площади декабристом Каховским был застрелен генерал-губернатор Северной Столицы Милорадович. Так начался век террора. Век подмены понятий.

Те, кто во имя «правды» убивали губернаторов (эсеры поставили этот процесс на поток), утратили изначальный смысл бунта. Однако, принося на алтарь грядущего «всеобщего благоденствия» все новые жертвы, они иной раз, как будто стряхивали с себя марево и откуда-то из самых донных глубин их «потерянных душ» начинал мерцать своими золотыми куполами Китеж-град.

Идиотизм

Эдуард Лимонов однажды абсолютно справедливо заметил, что наша нация отравлена «трупным ядом XIX века». Каковы же симптомы этого явления? И кто выступил в роли отравителей? Ответ очевиден – творцы великой, многобуквенной отечественной литературы.

Культ «униженных и оскорбленных», «бедных людей», безграничное сочувствие к их малости и слабости, оправдание и тем самым поощрение их - главные свойства чудовищного яда сего. Христианское сострадание и уважение к «последним», которые «станут первыми», не имеет к этому никакого отношения. «Малый» по человеческим меркам может обладать духовным величием. Вот, о чем речь в Евангелиях. У классиков же совсем не об этом.

XIX век - апофеоз материализма и гуманизма. Человек становится мерилем всех вещей, целью и смыслом всего. Причем «человек» этот начисто лишен духовного измерения, зато обладает гипертрофированной «душой» - вместилищем истероидных чувств и буйных эмоций.

Стартовало это безобразие в эпоху Возрождения на Западе отречением от идеала Богочеловека. Однако тогда на его место была водружена не среднестатистическая человекоособь, но микельанджелловский Давид с макиавеллиевским Государем - существа с очевидными сверхчеловеческими свойствами.

Но в строгом соответствии с непреложными законами энтропии удержаться на этих страшных вершинах не удалось. Сизифов камушек под горку покатился. В пределах среднерусской возвышенности он через бедную Лизу и Акакия Акакиевича докатился аккурат до генерала Иволгина и прочих дегенератов из «идиотской» компании. Легионы «маленьких людей» полезли из-под «шинели» Гоголя, подобранной в петербургской грязи Достоевским.

Ничуть не стыдясь своей малости, пронырливые как клопы, они заполнили страницы романов. Темой пудовых томов становится изучение и описание внутреннего мира обывателей, каковые, читая сии творения, проникались сознанием собственной значимости, оправданности и ценности своего бессмысленного существования.

Подобные тексты - чудовищная аномалия в истории мировой культуры. Человек Средневековья (т.е. человек нормальный) вообще не понял бы, как подобная тусклая и непутевая жизнь может быть предметом описания. Безымянных творцов саг, например, ни в малейшей степени не интересовал человек, как некий психо-эмоциональный комплекс, вовлеченный в бытовые коллизии.

Саги рассказывают о людях только в связи с их деяниями, причем, деяниями героическими. Предмет описания - всегда конфликт, чреватый гибелью. Слушатели скальдов обретали образец для подражания, эталон поведения в экстремальных ситуациях.

В христианских текстах средневековых никакого сочувствия к «ветхому человеку» тем более не наблюдается. Жития подвижников (от слова подвиг) рассказывают о существах, упразднивших в себе всё человеческое, распявших «маленького человека» своей души. Описывая, как кого-нибудь из святых поджаривают, к примеру, на сковороде, автор никоим образом не стремится вызвать сочувствие к его мукам, он, как и скальд, приводит образец правильного поведения.

В ситуации выбора: предать Бога или быть поджаренным на медленном огне, следует, ни секунды не колеблясь выбирать сковородку. Более того, в процессе обжаривания, надо не сетовать по этому поводу, но радоваться тому, что тебе довелось презрением к страданиям собственной плоти посрамить бесов, всячески стремящихся к тому, чтобы человек сломался - пожалел себя.

Потворствование своей слабости, сирости, самооправдание их, таким образом, есть самая натуральная бесовщина. Тексты, мешающие человеку осознать, что он «есть нечто, что следует преодолеть» - бесовские писания (ибо сатана - преграда по древнееврейски). Так, что, хвостатые и рогатые опекают отнюдь не только героев одноименного произведения Достоевского.

Мотивы творцов понятны. Задавленные казенной сталью и гранитом Империи, окруженные «мундирами голубыми», тосковали они по живому сердцу человеческому. Но в тоске этой, не замечали, как выдают «униженным и оскорбленным» бессрочную индульгенцию, снимают с них личную ответственность за дегенеративность. И всю ее без остатка взваливают на «режим». Тогда как христианство акцентирует именно личную ответственность за все, вне зависимости от тяжести внешних обстоятельств. И ничего не обещает человеку взамен здесь. И даже не гарантирует там...

А что говорят классики? «Человек создан для счастья, как птица для полета», - с чего бы это? Подобная формула – очевидная ересь. Но и сегодня она работает и много чего определяет. Потому как, впитана нынешними россиянами с молоком своих советских матерей, воспитанных в материалистическо-гуманистической школе.

И в погоне за «положенным» им, вроде как, по праву рождения, счастьем готовы резать и буквально есть ближних своих. Ведь, если классики все же подразумевали «счастье» всеобщее, то каждому россиянину требуется личное по спецзаказу. Но, о них, впрочем, позже.

Что же касается проповеди всеобщей гармонии, которой грешили практически все поголовно гиганты отечественной литературы, то она, вне зависимости от их намерений, воспитывала материалистов-интернационалистов. Давняя мечта о «христианском житии мирном, любовном» на «острове Руси», окруженном океаном разворачивающегося уже, во времени и пространстве Апокалипсиса, трансформировалась в веру, что таковое можно учредить во всемирном масштабе коммунистическими методами. А вот, прилагательное «христианское» при этом, и вовсе лишнее.

Константин Леонтьев, блестящий консервативный мыслитель упрекал Достоевского за абсолютно, по сути своей, не православную надежду на некое космополитическое всемирное братство. Роль славянского фактора виделась в нем именно, как носителя и пропагандиста таких качеств, как «вселюбовь» и «всеперенесение».

Леонтьев искренне удивлялся, как можно любить либеральных общечеловеков, и жестко напоминал, что никакого рая на земле Христос не обещал. А даже, совсем напротив, предупреждал о грядущих войнах и катастрофах.

Характерно, что сегодня даже многие православные люди грезят о некоем общественном устройстве, которое было бы чуть ли ни навеки стабильно и благобно. Не отдавая себе отчет, что единственно возможная земная гармония – гармония борьбы добра и зла, света и тьмы. И любая попытка избежать ее, уклониться от призыва на службу «христово-воинскую» чревата гибелью и для конкретной души и для всей цивилизации.

Апостол Павел предупреждал: «Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба и не избегнут». То есть, руководствуясь принципом «лишь бы не было войны», движешься, на самом деле, по накатанному пути в пропасть.

Кстати, Византийская империя, больше тысячи лет успешно отражавшая натиск врагов на всех фронтах, внутренне никогда стабильна не была. Ее то и дело сотрясали перевороты. Но у государства имелся несокрушимый внутренний стержень – Вера Православная. И пал Константинополь никак не вследствие конфликтов внутри элиты, а из-за общей деградации ее, утраты ею живого чувства Истины Христовой.

Русский высший класс в значительной своей части, утратил его задолго до 1917 года. Утратил, во многом, благодаря тем, кого большевики назовут «инженерами человеческих душ».

Так, «матерый человечище» и «зеркало русской революции» Лев Толстой богохульно изобразил самого Христа безвольным пацифистом. Это Его, который «не мир принес, но меч». Этот безмерно фальшивый образ позже репродуцировал в «Мастере и Маргарите» Михаил Булгаков и отравил своим Иешуа поколения советской интеллигенции.

«Трупный яд XIX века» - фирменное зелье русской литературы.

Убить губернатора

Впрочем, были и есть в России писатели совсем другого рода, выбиравшие подлинную национальную традицию «крещения огнем». Были не только среди радикальных консерваторов (Константин Леонтьев), но и среди радикальных революционеров.

Борис Савинков - один из руководителей Боевой Организации эсеров, гениальный организатор и исполнитель террора – апологет тотального действия. Его книга «Конь бледный» (образ из Апокалипсиса) о новой фазе войны – планомерном физическом истреблении представителей власти. Цель его группы – убить губернатора.

Ваня, один из боевиков (прототипом его был реальный убийца князя Сергея Александровича Иван Каляев) так объясняет свои мотивы: «Убить тяжкий грех. Но вспомни: нет больше той любви, как если за други своя положить душу свою. Не жизнь, а душу. Вот я иду убивать, и душа моя скорбит смертельно. Но я не могу не убить, ибо люблю. Если крест тяжел, - возьми его. Если грех велик, - прими его. А Господь пожалеет тебя и простит».

Но Жорж, главный герой, явно излагающий мысли самого Савинкова, убежден в ином: «Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает? Мне смешны мои судьи, смешны их строгие приговоры. Кто придет ко мне и с верою скажет: убить нельзя, не убий. Кто осмелится бросить камень? Нету грани, нету различия. Почему для террора убить -- хорошо, для отечества -- нужно, а для себя -- невозможно? Кто мне ответит?».

И продолжает: «Говорят еще, -- нужно любить человека. А если нет в сердце любви? Говорят, нужно его уважать. А если нет уважения? Я на границе жизни и смерти. К чему мне слова о грехе? Я могу сказать про себя: «Я взглянул, и вот конь бледный и на нем всадник, которому имя смерть». Где ступает ногой этот конь, там вянет трава, а где вянет трава, там нет жизни, значит, нет и закона. Ибо смерть -- не закон».

Оба тоскуют по Святой Руси. Только Ваня верит в нее и жертвенно идет убить и умереть, мстя за поругание холодной бюрократической империей заповедей Христовых. А Жорж убивает, ведомый старомосковской формулой, живущей в его опустошенной душе: «коли правды нет, то всего нет». Не о чем жалеть и некого жалеть. Все прах. Но не все об этом знают.

И он хочет обратить в прах этого самодовольного губернатора в раззолоченном мундире просто потому, что тот – зримый символ имперского псевдомогущества, претендующего на вечность, претендующего на смысл. И это абсолютное государство самое себя считает высшей целью, не требующей ни обоснований, ни оправданий. А человек, бунтующий, перед его лицом – ничто.

Савинков доказывает обратное: террор уравнивает его и Империю в правах и возможностях. Одиночка с револьвером или бомбой, для которого ни своя, ни чужая жизнь – не святыня и не ценность, способен реально подорвать основы Системы.

Жорж заворуженно повторяет: «Если вошь в твоей рубахе крикнет тебе, что ты блоха, выйди на улицу и убей!». И убивает...

Но не у всех революционных правдоискателей жила в душе такая отчаянность и забубенность. Утратив веру в Бога, многие истово верили в народ. И массами шли в него. Шли агитировать. Звать мужиков к борьбе за Правду.

Отмена крепостного права, состоявшаяся в 1861 году, не устроила никого. Дворяне лишились рабов. А мужики, хоть, и получили свободу, но они не очень то понимали, что с ней делать. Ведь земли у них в итоге оказалось меньше, чем было в крепостном состоянии. И стандартного надела просто, как правило, не хватало для ведения рентабельного хозяйства.

«Ростом общественных противоречий», неоправдавшимися ожиданиями и решили воспользоваться народники. Летом 1874 года сотни членов революционных кружков начали свой поход в деревни.

Они пытались походить на мужиков, разговаривать как они, пытались быть «своими». Но воспринимали их как «чужих». Пропасть между двумя народами, жившими на одной территории, но в разных культурных мирах была слишком глубока.

Нередко сами «угнетенные» сдавали своих «освободителей» жандармам. А те с пропагандистами не церемонились.

Всего арестовано было свыше двух тысяч человек. Следствие велось с применением методов, которые характерны и для сегодняшних защитников Системы. За три года, пока оно тянулось, отмечено было около сотни случаев самоубийств, помешательств, смертей при невыясненных обстоятельствах. Большинство в итоге оказалось на каторге.

Тупая жесткость власти и принципиальный ее отказ от диалога переводят противостояние в формат «кровной мести». Вот лишь некоторые эпизоды. 24 января 1878 года Вера Засулич тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова за избиение розгами арестованного студента Емельянова. В феврале того же года в Киеве Валериан

Осинский совершает покушение на товарища прокурора окружного суда Котляревского, «прославившегося» своей жестокостью, а в мае Григорий Попко там же убивает жандармского полковника Гейкинга.

4 августа Сергей Кравчинский среди бела дня в Петербурге зарезал шефа жандармов Мезенцова. Это была месть за казнь революционера Ивана Ковальского, оказавшего при аресте вооруженное сопротивление.

В программе «Земли и воли» появляется знаковый пункт о «систематическом истреблении наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный... порядок».

И, наконец, наступает 1 марта 1881 года. Александра II разрывает народовольческая бомба. Цареубийцы Андрей Желябов, Софья Перовская, Николай Кибальчич, Николай Рысаков, Тимофей Михайлов казнены уже 26 марта.

Боре Савинкову было тогда два года. Он сделает выводы из опыта предшественников. Для жандармов он будет неуловим. А вот, бывшие соратники по революционной борьбе, большевики окажутся изобретательней. Карьера террориста закончится в 1924-м. Он бросится вниз головой в лестничный пролет внутренней тюрьмы на Лубянке.

Венценосные странники

Почему народ не принял народников? Потому что они были против Бога и против Царя. А народ был За. Он против бар был. А студенты, кто ж такие, как не «барские дети»?

Казачьи идеалы были за сто лет, миновавшие с Пугачевщины, из мужиков выбиты. Власть казалась незыблемой. Но, в то же время, память об истинных святорусских властных стандартах, реализованных по итогам «Русского марша гражданина Минина», никакая «немецко-фашистская» оккупация постпетровская вытравить не смогла. Надежда на явление «народного царя», живущего по Вере, судящего по Правде, жила в толщах народных и приобретала весьма причудливые формы.

Философ права, евразиец Николай Алексеев так описывает эти глубинные, донные воззрения: «Пророчествующие секты наши, в особенности скопчество, с политической стороны представляют собою единственный в своем роде пример фантастического смешения ветхозаветного мессианства, некоторых христианских воззрений на Мессию и русского, московского обожания царской власти. В центре скопческой веры стоит идея «Искупителя», «Сына Божия», «Христа», вторично воплотившегося в некоторых исторических лицах, как бы повторивших в себе то, что описывает первое воплощение.

Скопцы верят, что их новый искупитель воплотился от императрицы Елизаветы Петровны, которая была второй Богоматерью и родила искупителя не от похоти, но от Святого Духа. Разрешилась она от бремени в Голштинии, царствовала всего два года, а потом возвела на престол свою заместительницу, а сама ушла в Орловскую губернию, где жила под именем Акулины Ивановны. Сын же ее и есть будущий император Петр III, приехавший в Россию из Голштинии, женившийся на Екатерине II, которая, узнав о его скопчестве, возненавидела его и замыслила убить. Однако Петр подкупил одного из часовых, поменялся с ним платьем и скрылся. После бегства своего он, претерпев всякие мучения от «иудеев и фарисеев» то есть от власти гражданской и духовной, сослан был в Иркутск. Он то и принял имя мещанина Селиванова, скопческого Христа и вместе с тем «царя-батюшки», который призван явиться в Москве со всей своей славой из восточной страны вместе с полками своими. Тогда зазвонят успенские колокола, и воссядет она на всероссийском престоле, а потом в Петербурге откроет всеобщий суд миру. Так произойдет второе пришествие искупителя и страшный суд».

Вот какой Революции чаяли мужики-нонконформисты.

Впрочем, была и иная легенда о другом «царе-скитальце». Куда более, чем вышеприведенная, правдоподобная. Легенда о старце Федоре Кузьмиче.

Как-то раз Вяземский очень метко охарактеризовал Александра I: «Сфинкс, не разгаданный до гроба». Это государь действительно загадочный. Несомненно, всю жизнь над ним тяготел ужас Михайловского замка – убийство отца, к которому он был, так или иначе, причастен. В душе самодержца шла невидимая даже для самых близких людей борьба – осмысление своей судьбы и судьбы России.

Многие отмечали, что в мировоззрении царя произошла после «грозы 12-го года» резкая перемена. Патриотический подъем, которого он, похоже, не ожидал, и который потряс его своей мощью, заставил дворянского царя внимательно взглядеться в лицо народа. Пожар Москвы стал для него неким апокалиптическим знаком. Царь становится мистиком, не расстается с Библией. И создает после победы над Наполеоном «Священный союз» - лигу европейских монархов, которая по его замыслу, должна противостоять Революции и Деградации.

Но отстаивая статус-кво любой ценой, он отказывается поддержать греческое восстание против турок. В его оптике легитимизм выше православного братства.

А между тем, монархический принцип оказывается под угрозой не где-то в Европе, а в самой России. Император получает вполне заслуживающую доверия информацию о том, что против него злоумышляют его соратники по антинаполеоновским походам. «Мне ли их карать?», - отвечает он доносителям.

И дело не только в том, что антикрепостнические идеи заговорщиков ему самому понятны и близки, но и в том, что Александр понимает – это возмездие. Как некогда люди, которым Павел абсолютно доверял, готовили его убийство, так теперь вынашиваются планы ликвидации уже не только самого царя, но и членов его семьи.

Император скоропостижно «умирает» в Таганроге в ноябре 1825 года. Хоронят «его» в закрытом гробу. Корона переходит Николаю. Ему же достается узел проблем, разрубить которые Александр не мог. А распутать их представлялось и вовсе немыслимым...

Бродяга, назвавшийся Федором Кузьмичом, был задержан властями 4 сентября 1836 года. Поскольку он отказался сообщить о себе, какого он рода-племени, приговорили его к 20 ударам плетьюми и ссылке в Сибирь.

Там он поселился под Томском, где прославился праведным образом жизни. Казалось бы, причем здесь Александр?

Но именно его в старце опознал местный священник отец Иоанн Александровский, высланный за какую-то провинность из Санкт-Петербурга. После было много отмечено странностей в поведении Федора Кузьмича: и беседы по-французски с одним из иереев, и удивительно подробные знания о войне 12-го года, и, наконец, даже на смертном одре, отказ назвать имя, данное ему при крещении и имена родителей.

Кто был этот человек, тайной останется навсегда. Однако саркофаг, в котором должен был покоиться Император Александр, при вскрытии, оказался пустым.

Так или иначе, легенды эти говорят об одном – народ ждал покаяния от Романовых и верил, что они поверят в свой народ и вернуться к нему. И видит Бог, они пытались. Но не умели, не знали, как это сделать. И искренне, желая как лучше, вели страну к революции, вели ее к той фазе Гражданской, которая поставила вопрос о самом существовании русских, как нации...

Грех Романовых

Официальная доктрина монархии, принятая на вооружение при Николае I – «Православие, Самодержавие, Народность» - и была по сути своей формулой синтеза идеалов Святой Руси и Третьего Рима.

Только для его реализации, необходимо было, прежде всего, освободить Церковь. Дать ей, как и крестьянам вольную. И признать ее право судить о том по правде ли правит государь. В самой Церкви были, конечно, и старцы – наследники по прямой нестяжателей, и весьма далекие от евангельских идеалов иерархи-осифляне. Вольная расставила бы все по своим местам. «Каждому по делам его» воздало бы мнение людей православных.

А «народность», не должна была, разумеется, исчерпываться постановкой оперы «Жизнь за царя». Без легализации демократических русских традиций, без создания соответствующих институтов, красивая и точная формула оставалась только лозунгом. Им она, в итоге, и осталась.

А ведь мог Николай I опознать в славянофилах истинных патриотов, создать на их основе национал-консервативную «партию», отдать в ее руки дело народного образования. Мог? Если бы был русским...

Герцен, западник, который, эмигрировав на Запад, утратил многие свои европоцентристские иллюзии, так писал о Николае: «Вступив однажды в немцы, выйти из них очень трудно... Один из самых замечательных русских немцев, желавших обрусеть, был Николай. Чего он не делал, чтобы сделаться русским, - и финнов крестил, и униатов сек, и церкви велел строить опять вроде судка, и русское судопроизводство вводил там, где никто не понимал по-русски и т.п...., а русским все не сделался, и это до такой степени справедливо, что народность у него являлась на манер немецкого тейтчума, православие проповедовалось на католический манер».

Известно, что он как-то заявил генералу Рауху: «Ныне осталось всего три добрых пруссака, - это я, вы, любезный Раух, и Шнейдер».

Попытки сына его Александра II произвести в России передовые, по его мнению, реформы, закономерно завершились гибелью «царя-освободителя». Он тоже не знал своей страны, не понимал ее души, ее миссии.

Кроме того, свинцовой стеной и от народа, и от образованного общества отделяла последних Романовых ими же порожденная бюрократия. За ошибки и преступления предков сполна рассчитался царь-страстотерпец, последний Российский Император.

В его правление отмечалось 300-летие Дома Романовых. И самое время было осознать, что династия эта получила власть волею Всея Земли и Церкви. То есть, их легитимность принципиально отличалась от той, что была у Рюриковичей. Для них Русь была вотчиной, с незапамятных времен переходившей поначалу мелко, а потом в целом, из рук в руки в рамках одного рода.

Власть Романовых исторически основывалась на выборе, сделанном однажды народом (как единым сословным организмом) и Православной Церковью. Поэтому попытка эмансипироваться от них, отказ соотносить свои действия с их мнением были самой натуральной узурпацией власти. А уж последовавшее затем закрепощение крестьян и Церкви и вовсе порождало внутренний конфликт, который без покаяния Романовых, ничем иным кроме революции разрешиться не мог.

Петр I – тотальный разрушитель традиционного порядка, хотел, как уже отмечалось, сформировать для своей европейского образца, абсолютной монархии новую социальную базу – вестернизированное служилое сословие.

Но дворянство в результате серии революционных выступлений, в течении XVIII века освобождается от всяких обязательств перед трон и страной. Оно перестает быть опорой для Романовых. И, таким образом, они лишаются ее вовсе.

Ведь, корыстная, неэффективная, в значительной части своей состоящая из нерусских людей российская бюрократия была и есть формация абсолютно чуждая интересам всех сословий в целом и каждого в отдельности.

Она, в отличие, о служилого люда есть механизм, сконструированный для определенной нужды, а не часть национального организма. Бюрократический механизм состоит из андроидов...

Но за счет инерции народных масс и наработанного чисто силового потенциала власть продержалась (в социальном смысле) буквально в воздухе все XIX столетие.

Судьба Николая II – трагедия Всея Руси. Он абсолютно искренне стремился сделать самодержавие более народным и православным. Даже загадочная фигура Распутина – одно из ярких тому свидетельств.

Николай действительно жаждал восстановить разорванную связь царя с народом. Потому, кстати, и недолюбливал предка своего Петра I, чему имеются вполне авторитетные свидетельства. Но, безоглядно нырнув в омут «распутинщины», надеясь причаститься глубинной народной святости, он только усугубил ситуацию.

Отец Сергей Булгаков писал: «Это был — позор, позор России и царской семьи, и именно как позор переживался всеми любящими царя и ему преданными. И вместе с тем это роковое влияние никак нельзя было ни защищать, ни оправдывать, ибо все чувствовали здесь руку дьявола. Про себя я Государя за Распутина был готов еще больше любить, и теперь вменяю ему в актив, что при нем возможен был Распутин, но не такой, какой он был в действительности, но как постулат народного святого и пророка при Царе. Царь взыскал пророка, говорил я себе не раз, и его ли вина, если вместо пророка он встретил хлыста. В этом трагическая вина слабости Церкви, интеллигенции, чиновничества, всей России. Но что этот царь в наши сухие и маловерные дни возвысился до этой мечты, смирился до послушания этому «Другу» (как в трагическом ослеплении зовет его Царица), это величественно, это — знаменательно и пророчественно. Если Распутин грех, то — всей русской Церкви и всей России, но зато и самая мысль о святом старце, водителе монарха, могла родиться только в России, в сердце царевом. И чем возвышеннее здание, тем ужаснее падение. Таково действительное значение Распутинства

в общей экономии духовной жизни русского народа. Но тогда это был страшный тупик русской жизни и самое страшное орудие в руках революции».

Гражданская шла к тому времени уже три с половиной века. Началась она еще до Романовых мечтой о праведном Третьем Риме и завершилась падением в разврат первого. Но тотальный декаданс для каждой Империи неизбежно завершается нашествием варваров. Их приход возвещали и приветствовали поэты «Серебряного века» и они не замедлили явиться.

Но был ли способ остановить их и отбросить. «Ничто не потеряно, пока не потеряно все», - говорил Курцио Малапарте. И шанс спасти Самодержавие был даже в последние годы Империи. Требовалось только всерьез взяться за реализацию триединой формулы Уварова.

А в той ситуации это означало – созыв Поместного Собора, восстановление Патриаршества и слияние с народом через «раскрепощенную» Церковь, а не через Распутина. А в народе немал был процент тех, кто готов был, и тогда отдать «жизнь за Царя».

Характерно заявление некоего крестьянина в ходе церковных дискуссий уже после отречения государя: «Нет у нас больше царя-батюшки, которого мы любили. А потому как Синод любить невозможно, мы крестьяне, хотим, чтобы был патриарх».

Но парадокс был в том, что сделав православное священство чуть ли ни разновидностью государственных служащих и подорвав, тем самым, доверие к нему у значительной части народа, Романовы и сами оказались в ситуации «духовного голода». И Николай попытался удовлетворить его при помощи не без оснований обвинявшегося в хлыстовстве Распутина.

Митрополит Вениамин (Федченков) писал: «И хотя цари не были безбожниками, а иные были даже весьма религиозными, связь с духовенством у них была надорвана. Например, нельзя было представить себе, чтобы царь или царица запросто, с любовью и сердечным почтением могли пригласить даже Санкт-Петербургского митрополита к себе в гости, для душевной беседы или даже для государственного совета. Никому и в голову не могло прийти такое дружественное отношение! А как были бы рады духовные! Или уж нас и в самом деле не стоило звать туда, как бесплодных?..Нет, думаю, тут сказался двухвековой отрыв государственной власти от Церкви. Встречи были лишь официальные...».

Через «освобождение» Церкви лежал путь к замирению и с лучшей частью образованного класса. С теми, кто после первой революции осознали гибельность пути по которому шли. С теми, чьи мысли и надежды были высказаны философами и

публицистами, авторами сборника «Вехи». Однако, они и вовсе (бывшие марксисты!) вызывали подозрение и отторжение. Причем, даже не столько у самого Императора, сколько у все той же бюрократии («кабы чего не вышло!»)

Над Николаем тяготело «проклятие» Романовых. Он дистанцировался от тех, кто мог спасти Самодержавие от гибели и приближал тех, кто ускорял ее и делал неотвратимой.

Рожденный в день памяти Иова Многострадального, он рано осознал, что путь его будет полон страданий, что путь это роковой. «Везде измена, трусость и обман», - вот что записал Государь в последний день перед отречением.

Но отречение стало закономерным итогом всего трехсотлетнего правления Романовых. Почва – Земля Русская - выскользнула из-под ног. Народ бунтовал, образованные классы грезил Револуцией, генералы «умывали руки», бюрократия рассыпалась на глазах...

Дело Ленина

Ленин был гениальным политиком. Более того, самым гениальным в прошлом (таком богатом на ярких диктаторов) веке. Потому что он задал глобальную повестку не на год, не на два, а натурально, на столетие. Все, что в нем политического происходило, так или иначе, имело причиной его Револуцию. Либо как развитие ее, либо, как реакция против оной.

А Николай II – святой. Это очевидно для любого, кто возьмет на себя труд познакомиться с хроникой последних месяцев его земного Пути. При этом, политиком он был откровенно слабым, что из святости вовсе не вытекает. Александр Невский, например, и святой, и политик, при этом, был блестящий. Причем, он очень «по ленински» не останавливался перед акциями, которые с формально моральной точки зрения не выдерживают никакой критики.

Он, к примеру, привел на Русь рать монгольскую, дабы пресечь несвоевременную антиордынскую активность собственного брата. Потому что татары не покушались на главное – на Веру Православную. А величие политика как раз именно в этом и состоит – в умении отделять главное от второстепенного.

Для Ильича главным была власть. Что для политика абсолютно нормально. Поскольку политиком в нормальной ситуации называется тот, кто борется за власть как таковую. Ну и с помощью ее реализует свои личные представления о прекрасном.

Это только в РФ политиками именуют тех, кто с помощью власти стремится удовлетворить неумную свою тягу к наживе. Но это, не более чем ставшая традиционной в постперестроечную эпоху путаница в терминах. На самом деле, они зарвавшиеся барыги, и больше ничего.

При всем, при этом, Ильич, безусловно, был духовным дебилом, человеком в этом смысле, явно недоразвитым. Культурно он весь был из материалистического XIX века. То есть являлся, очевидно, отсталым и темным. В связи с чем и испытывал лютую ненависть к Вере.

Осознание большинством истинности вот этой формулы: «Николай - святой человек, а Ленин – великий политик», на самом деле, одно из главных условий прекращения Русской Гражданской. Первый – образец осознания своего Пути и бестрепетного следования по нему. Второй – непревзойденный мастер отделять второстепенное от главного.

Что такое, вообще, «ленинизм»? Это есть последовательный тактический цинизм, при сохранении в неизменности идейного ядра, даже, пожалуй, заряда....

Все, что для соратников Ильича становилось предметом моральных терзаний и очередным «камнем преткновения», он перешагивал, почти не задумываясь, и тормозил только для того, чтобы за волосы утащить с за собой «в светлое будущее» сомневающих.

Пока есть шанс раздуть тлеющие угли революции 1905 года, он против Думы и клеймит ее, как орудие самодержавия, напрочь отрицая возможность участия в ней депутатов социал-демократов. Но когда Столыпин железной рукой ликвидирует последние очаги бунта и начинает проводить в жизнь свою политику «обуржуазивания» крестьянства, Ильич резко меняет тактику. В такой ситуации можно и должно идти в Думу, чтобы использовать ее трибуну для антиправительственной агитации.

Но при этом, когда, участники Лондонского съезда РСДРП голосовали за прекращение терактов и экспроприаций, поскольку, мол, в ситуации, спада революционной активности, они вырождались в бандитизм, он занимает особую позицию.

Историк Георгий Вернадский пишет: «По воспоминаниям Троцкого, во время голосования «на крики с мест: А Ленин? А Ленин?» - он загадочно усмехался». А усмехался он потому, что имел собственный взгляд на экспроприации, от которого не собирался отказываться».

И вернувшись из Лондона в Финляндию, он совместно со Сталиным и Красиным разрабатывает план экспроприации в Тифлисе весьма серьезной суммы. Его реализует

«бандит чести» Камо. Он и его подельники бомбами, полученными от Ильича, забросали «инкассаторскую» карету. Итог: несколько солдат убито, добыча – 341 тысяча руб.

В ходе Первой Мировой он последовательный пораженец. Не задумываясь, использует «немецкие деньги». И готов любой ценой заключить самый «похабный мир» после Революции, поскольку «необходимо додушить буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки».

При этом, он готов использовать на первых порах эсеровскую земельную программу, чтобы уже через какие-то недели перейти в наступление на крестьян. В ходе Гражданской вступает в союз с Махно, а в Красной армии, при этом, использует военспецов аристократов.

Когда ставка на мировую революцию оказывается бита, он переходит к строительству социализма «в одной отдельно взятой». А, истребив антибольшевистских повстанцев, откликается на их требования введением НЭПа.

Эта беспримерная гибкость «вождя пролетариата» породила соблазн, имя которому «национал-большевизм». Позже он стал мощным еретическим учением, на фундаменте которого Сталин возвел свою Империю...

НБ-искушение

«Комиссары в пыльных шлемах» победили не только благодаря своей готовности развязать и проводить с железной непреклонностью, тотальный террор. Они произнесли магическую формулу – «За Правду!». Когда обнаружилось, что за ней скрывалось, было поздно. На Тамбовщине и в Кронштадте искателей Правды утопили в крови.

Но соблазняли красные не только бунтарей, но и державников. Причем весьма успешно. При этом как раз белые мыслители работали над синтезом святорусской и имперской моделей. Это и Иван Ильин, и князь Николай Трубецкой, и Николай Устрялов. Но это потом, когда все уже было кончено. А в 1918-м, когда все еще было возможно, ни законченной формулы, ни внятных массам лозунгов у колчаковцев и деникинцев не было.

И что, принципиально, без массового соучастия большевикам их, некогда соучеников по юнкерским училищам и кадетским корпусам, красные не смогли бы победу одержать. На что же, коммунисты «купили» героя Первой Мировой генерала Брусилова и сотни других, оставшихся в истории, и сотни тысяч ею незамеченных?

Не последнюю роль в «покупке», кстати, сыграла личность большевистского лидера, никак не похожего на интеллигентов парламентских болтунов, поставивших, по убеждению офицеров, Россию, на край пропасти.

Давний соратник, а после оппонент Ленина, Потресов писал: «Только Ленин представлял собою в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, превращающей фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя. Эта своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление».

Вот она, роль личности в истории. Легенды вокруг Ильича рождались еще при его жизни. Одна из наиболее распространенных – что он, мол, «большевик» и «за народ», и «за Россию», а правильные его мысли извращаются евреями-коммунистами.

Вопрос из кинофильма «Чапаев» «Ты за кого Василь Иванович, за большевиков, аль за коммунистов?» не выдумка сценариста, не абсурд. После революции в массовом сознании это противопоставление имело место. Первых считали «своими», «русскими», ко вторым относили евреев-интернационалистов.

Характерно, что в бунтующем Кронштадте уничтожались портреты Троцкого и Зиновьева, но не Ленина.

Историк Михаил Агурский сообщает, что в эмиграции популярна была следующая версия гибели вождя: «В 1923 году Ленин выпалил: «К русскому коммунистическому движению присосалось 90% жидовской сволочи». После этого Ленин якобы был умерщвлен».

Характерно, между прочим, что рядовой состав «черносотенцев» массово переходил на сторону большевиков. Нарком Луначарский, который в ранге уполномоченного Реввоенсовета совершал инспекционные поездки по стране летом 1919 года, в Костроме столкнулся с фактом преследования бывшего члена Петербургского Союза Русского Народа Комякова. Этот товарищ, между тем, уже в Февральскую революцию входил в состав Совета солдатских депутатов, а затем (скрыв свое «черное» прошлое) вступил в партию большевиков.

Луначарский взял его под защиту и заявил: «Никоим образом нельзя полуграмотного крестьянина считать политическим преступником за то, что он был когда-то в СРН». Более того, нарком называл черносотенцев самым активным элементом крестьянства «с разбуженной политической мыслью, хотя еще и не увидевших настоящего света».

Но не только для крайне правых мужиков, но и для многих крайне правых офицеров и генералов большевики зажгли этот самый «свет в конце тоннеля». Дело в том, что и для тех, и для других решающим фактором при выборе, на чью сторону встать, оказалась пресловутая «сильная рука».

В большевиках они под интернационалистскими фразами почуяли государственников. Уже после гражданской бывший правый кадет и сподвижник Колчака Николай Устрялов напишет, что «красное знамя расцветает национальными цветами» и сформулирует на этом основании доктрину русского национал-большевизма.

Для ее последователей Империя (территориально восстановленная большевиками) была ценностью сама по себе. Подразумевалось, конечно, что и Русская Правда в ней возродится и Вера, может, со временем. А до поры, на жесточайшие гонения верных можно было закрыть глаза. Им же «за державу было обидно», а большевики ее укреплять принялись.

Агурский сообщает: «На сторону большевиков довольно быстро перешли помощник военного министра А. Поливанов, главнокомандующий армией А. Брусилов, адмирал В. Альтфатер и многие другие. Некоторые генералы и офицеры были даже расстреляны белыми, когда отказались вновь перейти на их сторону. В их числе генералы фон Таубе, Николаев, Станкевич, Востросаблин. Всего из 130 000 командиров Красной Армии примерно половина была бывших царских офицеров и генералов».

Тот же адмирал Альтфатер заявил большевику Карлу Радеку: «Я вам не верил, а теперь буду помогать и делать свое дело, как никогда я этого не делал - в глубоком убеждении, что служу родине». Особенно подобные настроения усилились в среде офицерства в период польско-советской войны.

А для знаменитого генерала Брусилова имелись не только государственнические, но и мистические основания для служения красным. Он был оккультистом и большим поклонником духовной аферистки мадам Блаватской.

С мистически одержимыми большевики работать умели. Были у них к этой публике «свои подходцы». Что совсем не удивительно, ведь одним из крупнейших спецов по русскому сектантству был близкий друг Ильича Бонч-Бруевич.

Соответственно, красные с успехом использовали разрушительные потенциал духовных радикалов. И террор против Православной Церкви в ходе Гражданской 1918-22 г.г. осуществлялся не только марксистами-материалистами, но и, например, такими «тотальными революционерами», как хлысты.

Поэт Николай Клюев, родом как раз из этой среды, так воспевал «вождя мирового пролетариата»:

Есть в Ленине Керженский Дух
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах.

А по поводу коммунистического террора полагал, например, что «убийца красный святей потира!»

То есть, коммунистический проект с точки зрения Русской Правды был виртуозной разводкой. И соблазнились представители всех классов по неверию своему. Потому что только Вера была залогом невосприимчивости к этому искушению.

Революция обнаружила, что Православие вовсе не было во истину верой большинства народа. И народ вовсе не был, в массе своей, хранителем исконной духовности, на что уповали славянофильствующие интеллигенты. Он явил свой темный и страшный лик. Для того, чтобы опознать в нем народ-богоносец требовалось изрядное интеллектуальное усилие. Даже, пожалуй, насилие над собой.

Впрочем, иначе и быть не могло. Церковь не сумела отстоять свою независимость от посягательств светской власти. Последние бастионы пали еще при Петре.

Старцы православные, безусловно, хранили Истину во всей ее чистоте. Вот только мужики то часто не могли отличить ее от «пророчеств» сектантских «христов» и «богородиц». Эти то уж точно были независимы. Независимы от Царства Божьего.

Ну а генералы увлекались теософией и хаживали на заседания масонских лож. Тоже, конечно, по причине неудовлетворенности казенным обрядоверием, с одной стороны, и по духовной слепоте, с другой.

Есть такой дар Божий – «различение духов». Позволяет он определять, откуда та или иная сущность. Ведь, известно, что падший ангел и под видом Христа явиться может. Национал-большевики, что правые (в погонах), что левые (в лаптях) сатану распознать не умели.

А ведь, именно он «в белом венчике из роз» шел по вьюжному Петрограду вместе с «двенадцатью» блоковскими красногвардейцами. И вел их к «зияющим высотам».

Из деятелей «Серебряного века» самым прозорливым оказался коллега Блока по символизму Валерий Брюсов. Он был откровенным и закоренелым сатанистом, а поэтому не просто «принял» революцию, но и вступил в большевистскую партию.

На пороге Содома

И сегодня НБ-искушение сохраняет свою притягательность. Причем, не только для сподвижников Эдуарда Лимонова, но и для верных «зюгановцев». Многие из них, натурально, куда большие национал-большевики, чем молодые последователи знаменитого писателя.

Правда, первые уповают на возможность объединения под одним флагом правого и левого радикализма. А вторые считают, что Сталинизм уже явил собой синтез русской

имперской (правой) традиции и левой мечты о социальной справедливости. И надо его на новом витке развития воспроизвести.

Но и те, и другие не додумывают свои идеи до конца. Там, в конце, они бы обнаружили, что левое с правым все-таки никак не сходится, когда речь идет о главном, о сокровенном,— о том кто мы, и зачем.

Иллюстрируют неснимаемую разницу в подходах спонтанные реакции на банальные бытовые раздражители. Была некогда телепрограмма «Эх, дороги!» Несколько шоуменов (Андрей Макаревич, Максим Леонидов, еще кто-то такого же типа) перемещались по планете, оказываясь иногда в довольно-таки сакральных местах. Увидев их на острове Пасхи, два телезрителя отреагировали абсолютно по-разному и крайне характерно.

Реакция №1 - люди голодают, а эти козлы жизнью наслаждаются.

Реакция №2 - такие ублюдки и в Месте Силы!

Итак, левые полагают, что главное - это всех накормить, а затем свободу, равенство, братство обеспечить. Правые утверждают принцип «каждому своё». В основе - радикально различные мироощущения.

Для правых всё и все в этом мире не на своем месте. Левые, напротив, убеждены, что все места должны быть общедоступны.

Соответственно, проект политического фронта, объединяющего леваков и ультраправых принципиально нереализуем. Даже если имеются общие враги (типа, коррумпированного режима), есть вопросы, по которым консенсус принципиально невозможен. Например, права секс-меньшинств.

«Антифашисты»-леваки берутся охранять гей-парады от посягательств «фашистов». И им никогда не понять, что само словосочетание «Московский гей-парад» для уха правого человека абсолютно невыносимо. Педерасты, марширующие по Третьему Риму, – это уже «Апокалипсис сейчас».

Данное действие призвано подчеркнуть, что содомия – норма, а вовсе не патология, извращение и смертный грех. Причем, даже в дохристианском мире нормой она не была. Другой вопрос, что бывали времена и страны, где патологии приобретали массовое распространение.

Так что нынешние однополые браки, узаконенные кое-где в Европе – явление опять-таки в истории аномальное. Для православного – одно из множества свидетельств прихода последних времен. А для настоящего, подлинного левого (не сталиниста) так и должно быть. Поскольку ограничение прав человека есть «фашизм».

Именно отношение к понятию «норма» фундаментально разделяет правых и левых.

Для первых главное, как выражаются представители русского криминала (хранители многих базовых ценностей), чтобы «все правильно было», а для вторых – «чтоб было удобно и без насилия над личностью». Потому и основа правой этики – идея долга, а либеральной и левой – «права человека».

Поэтому, большевистская империя была обречена. Невозможно вывести из учения Маркса идею о чести и долге. Когда-то философ Владимир Соловьев, иронизируя над материалистами-гуманистами, заметил, что если следовать их логике, «мы произошли от обезьяны, а следовательно, должны любить друг друга».

Но «происходя от обезьяны» нельзя не только «любить ближнего», но и строить империи. Можно просто драться за место под солнцем, чем «красный проект» и закончился.

Белая проблема

Для большинства участников Белого движения первичный побудительный мотив был абсолютно физиологичен. Очевидно, что большевистская реальность вызывала у них рвотную реакцию. И это, несомненно, свидетельствовало о здоровье их организмов. Это было нормально. Ненормальным было то, что многие на физиологическом уровне и остановились. Не была под реакции эти подведена своевременная идеологическая база. Что и сыграло роковую роль.

Слишком многое для них в силу личной порядочности и «издержек» воспитания само собой разумелось. Например, для них было очевидно, что нельзя гадить в храмах, что надо быть верным союзническому долгу, а также, что Россия непременно должна быть единой и неделимой.

Проблема была в том, что ни одна из этих позиций, а кроме них и многие другие уже не были бесспорны. Причем, как для некогда русских (а теперь «взбесившегося быдла»), так и для благообразных и интеллигентных офицеров Антанты. Уповать, что первые прозреют, а вторые помогут, было не просто глупо, но преступно.

Противостояние белые - красные, было борьбой военных с политиками. А у последних, заведомо, и арсенал побогаче и подход «прогрессивней». Белые мужиков пороли и призывали, а красные «разводили», а тех, кто не «велся» расстреливали. Почувствуйте разницу.

Во главе контрреволюционеров стояли с точки зрения личных характеристик, весьма симпатичные, а местами безупречные люди. Но у красных был политический гений - Ленин. И эта ситуация лишней раз подтверждала ложность красивой пушкинской

формулы о несовместимости гениальности и злодейства. Ильич, будучи, абсолютным моральным чудовищем, именно за счет этого и переигрывал противников.

А те хранили верность Антанте, не соглашаясь на весьма перспективный альянс с немцами, и получали в ответ расчетливо-циничную политику мировой закулисы. В штабах Парижа и Лондона не желали победы сторонников «единой и неделимой». В долговечность большевиков они не верили. И делали ставку просто на распад России. Соответственно, золото от белых они принимали, а вот прислать проплаченное оружие часто забывали. Да и пресловутые контингенты «интервентов» были введены только для того, чтобы в ходе распада некогда великой Империи, зафиксировать интересы держав Антанты на отколовшихся территориях.

Генералам пришлось проститься со многими иллюзиями. «Буржуазия, – пишет исследователь Сергей Карпенко, – стремилась добиться того, чтобы вести предпринимательскую деятельность в основном за счет оборотных средств, полученных в виде казенных кредитов на максимально выгодных условиях. На Деникина и других генералов этот эгоизм производил тяжелое впечатление». Генерал Алексеев еще в начале создания Добровольческой армии в Новочеркасске сетовал на то, что «мининых» в России похоже не оказалось. И «пожарские», конечно, не могли одержать победу за счет исключительно личной доблести и самоотверженности.

Вообще, и Деникин, и Колчак были диаметрально противоположностями Ильича. Не имея жесткого и, вообще, сколько-нибудь определенного идеологического стержня, они демонстрировали абсолютно неуместную нестигаемость по поводу вопросов, каковые в случае успешного исхода предприятия, могли быть решены заново, исходя из новой благоприятной ситуации.

Держась за фетиш неизменности дореволюционных границ Империи, они получали удары в спину от сепаратистов. А, отказываясь четко сформулировать политическую программу, придерживаясь принципа «непредрешенчества» (как же, надо было соблюсти все приличия, принятые в «цивилизованном, демократическом обществе») получали крестьянские восстания в тылу наступающих на Москву армий.

И только генерал Врангель осознает, что «земельный вопрос» надо решить здесь и сейчас. Его правительство предлагает вполне устраивающий крестьянство вариант. Он начинает говорить с народом, пусть и не «языком плаката», но все же понятно и доступно. В своем «Обращении к населению Юга свободной России» барон заявляет: «Слушайте, русские люди, за что мы боремся:
За поруганную веру и за оскорбленные ее святыни.
За освобождение русского народа от ига коммунистов,

бродяг и каторжников, в конец разоривших Святую Русь.

За прекращение междоусобной брани.

За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом.

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал себе Хозяина.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину».

Но было уже слишком поздно. «Тьмы и тьмы» красных готовились к штурму Перекопа. «Пропущение времени смерти невозвратной подобно», - говорил «первый русский большевик» император Петр I. И его тезке Петру Врангелю оставалось только позаботиться о спасении от неотвратимо надвигающейся лютой расправы десятки тысяч русских людей, оборонявших от «новых варваров» «третьеримскую» крепость Крым.

Между тем, на другом конце некогда «единой и неделимой» произошло вскоре подлинное чудо. Явлен был образец единства белого слова и дела, так долго чаемый и несмотря ни на что, чреватый великим будущим. В Приморье генерал Дитерихс собрал Земский собор. Он понял, что в корне порочной была установка дожидаться, пока белые полки войдут в «белокаменную» для того, чтобы определиться с основной политической идеей и формой правления.

Он знал, что как Церковь Христова жива, пока сохраняется «малый остаток» праведников, так и Русь, как духовная сущность всецело пребывает там, где собрались верные. Она там, где Русский Дух, а не там, где «срубают головы церквям».

Завещание генерала

В Соборе, созванном в июне 1922 года, приняли участие члены Временного Приамурского правительства, представители от духовенства, армии, флота, гражданских ведомств, несоциалистических организаций, горожан-домовладельцев, сельского населения, городских самоуправлений, земств, торгово-промышленного сословия, казачьего населения и казачьих войсковых правительств, Православных приходов, общества ревнителей Православия, Комитета Монархических организаций Дальнего Востока, старообрядческого духовенства, старообрядческой общины, высших учебных заведений, от русского населения полосы отчуждения КВЖД и от поселковых управлений. Таким образом, был соблюден древний принцип избрания членов Земского Собора - сословность, представительство от групп населения. И был отвергнут абсолютно чуждый традициям русской демократии принцип партийности.

И делегаты формой правления избрали Самодержавие. В указе генерала Дитерихса, назначенного Правителем (на время пока не было возможности пригласить на царство представителя Дома Романовых) и Воеводой Земской Рати отмечалось: «Здесь, на краю земли русской, в Приамурье, вложил Господь в сердца всех людей, собравшихся на Земский Собор, едину мысль и едину веру: России Великой не быть без Государя, не быть без преемственно-наследственного Помазанника Божьего. И перед собравшимися здесь, в маленьком, но сильным верой и национальным духом Приамурском объединении, последними людьми земли Русской стоит задача направить все служение свое к уготованию пути Ему - нашему будущему Боговидцу. Скрепим, соединим в одну силу оставшиеся нам святые заветы - Веру и Землю».

Именно здесь, на самом краю, ускользящей из-под ног родины русские люди начинают строить новое народное Самодержавие. На самом же деле, исконное, то самое, которое завещано нам участниками Земского Собора, избравшего первого Романова. В версии Дитерихса и его соратников формула «Православие, Самодержавие и Народность» обретает подлинный смысл и жизненность.

Согласно указу Правителя №10 от 15 августа 1922 года основой местного самоуправления становились церковные приходы: «Граждане прихода, отказавшись от всякого дробления на партии различных политических принципов, а, исповедуя лишь те национальные начала, кои были установлены Земским Собором, объединяются вокруг приходской церкви, как основы своей веры и духовного единения. В духовном отношении каждое вероисповедование имеет свои приходские объединения. В гражданском отношении административной единицей является приход данного района по преобладающему количеству граждан одного вероисповедования».

Формируются Советы приходов. Во главе их вставали местный священник и председатель, из числа прихожан. Совет прихода ведал «административными, экономическими, хозяйственными, образовательно-воспитательными, судебными и контрольными делами прихода, для чего выделяет из своего состава соответственные органы под председательством назначаемых прихожан».

Высшим органом областного местного самоуправления являлась Земская Дума. А высшим органом власти Края - Земский Собор. В условиях Приморья, каждый приход выбирал в него одного своего представителя. В случае расширения Руси, отвоевания аннексированных красными территорий, систему избрания «соборян» предполагалось откорректировать.

Таким образом, Земский Собор, в отличие от Государственной Думы, становится выразителем подлинной воли народа. Газета «Русская армия» выходившая тогда во Владивостоке, писала: «Крестьянство, составляющее 90 процентов населения России, плохо разбиралось в выборной механике, и подлинное представительство народа было подменено представительством партий. Вожди политических партий глубоко веровали, что они-то и являются вождями народа, и во Всероссийское Учредительное Собрание от крестьян какой-нибудь Пензенской губернии проходил эсер или меньшевик, не только неизвестный населению этой губернии, но и сам никогда в ней не бывший. Многочисленные списки, на которые разбились конкурирующие партии, туманили голову избирателя, сбивая его с толку, и вся выборная комедия превращалась в сплошное издевательство над подлинной волей народа».

Так Белая Идея обрела не только формулировку, но Плоть и Кровь. Однако жизни ей в первом воплощении отмерено было совсем немного. Земская рать, конечно, не могла противостоять красным полчищам, надвигавшимся на Приморье. И последний бастион народовластия пал.

Предпоследний был взят штурмом за год до того.

Кронштадтский лед

Самой жестокой антисоветской силой была, безусловно, коммунистическая власть, а никак уж не белые. Многие из последних признавали советы, как плод живого народного творчества. Собственно, они и были проявлением древней жажды реализовать Русскую Правду здесь и сейчас. Реализовать самим и по своему разумению, без указки «бар» и «начальников».

Генерал Дитерихс писал: «Нет надобности порочить советы, если только сам народ не откажется от них. Но состав советов должен перестроиться в пропорционально сословный, а сами советы должны сгруппироваться вокруг служителей церкви или светских людей, сильных в вере» (целиком завещание генерала - в Приложении). А Великий Князь Николай Николаевич и вовсе выдвинул формулу «Царь и советы».

Коммунисты же, со свойственным им «фирменным» цинизмом приватизировав само понятие «Власть Советов», напрочь выхолостили его суть и физически уничтожили защитников подлинного народовластия.

Изначально советы возникли в ходе революции 1905 года, как результат стихийного волеизъявления бастующих рабочих. И партийные активисты к их инициативе отношения не имели. Однако тут же постарались укомплектовать органы стачечной власти своими людьми.

Большевики воспользовались революционным творчеством народа и соблазнили его обещанием широкого самоуправления. Но в итоге упразднили его вовсе и вернулись к тактике прежних «режимов», практиковавших методы оккупации в целях обеспечения всевластия бюрократии. Только, в отличие от исторических предшественников, большевики были в этом смысле системны и тотальны.

Как только в союзе с народными активистами комиссары одолели белых, они стали «гнуть свою линию», абсолютно игнорируя мнение бывших «попутчиков». Сразу после Врангеля большевики взялись за Махно.

Нестор Иванович, хотя и преклонялся перед анархистскими теоретиками, вроде князя Кропоткина, однако по сути своей, он был наследником запорожской казацкой традиции. Идеалы «понизовой вольницы» он и пытался реализовать во всеукраинском масштабе. Его надежды на возможность невмешательства со стороны Красной Москвы дорого обошлись ему и его соратникам. Повстанческое движение Украины было потоплено в крови.

Такой же была судьба и великорусских «правдоискателей». Диктатура пролетариата на деле обернулась тиранией комбюрократии. Свободомыслие, царившее во многих советах, было для нее категорически неприемлемо. К тому же, не могла не тревожить тенденция отзыва из их состава депутатов-коммунистов. Ведь изначально повсеместно существовала практика лишения полномочий не оправдавшего рабочего доверия депутата.

Исследователь Михаил Магид приводит отрывок из отчета одного из коммунистических функционеров Тулы, относящийся к 1918 году: «После перехода власти к Совету начинается крутой перелом в настроении рабочих. Большевистские депутаты начинают отзываться один за другим, и вскоре общее положение приняло довольно безотрадный вид... Пришлось приостановить перевыборы, где они состоялись не в нашу пользу». По мнению большевика, «на заводах сложилось прочное кулацко-контрреволюционное ядро».

«Прелести» военного коммунизма (тотальные реквизиции хлеба у крестьян, «крепостной» труд у станка для голодных рабочих) заставили повстанческих вожakov провозгласить начало «Третьей революции» во имя свержения «комиссародержавия». Одним из главных ее лозунгов стал девиз «За советы без коммунистов!». Советы должны были стать наконец органами подлинного народовластия. И держать ответ перед территориальными образованиями и трудовыми коллективами, а не перед партийной бюрократией.

То, что она стремительно теряет связь с пролетариатом, во имя блага которого, якобы, и была установлена диктатура, становилось очевидным для все более широких масс. Да еще и носители «карающего меча» партии с «чистыми руками, горячими сердцами и холодными головами» не только лютовали (что еще было допустимо в атмосфере всеобщей взаимной ненависти), но и мародерствовали.

Так, ревизор Наркомата госконтроля тов. Майзель докладывал Ленину в 1920-м, что чекисты сплошь и рядом находятся в сговоре со спекулянтами (беспощадно расстреливать которых категорически призывал Ильич), и что многие обыски и аресты проводятся исключительно с целью последующей реализации «конфиската» через подконтрольных барыг.

Короче, буквально, через каких-то три года после октябрьского переворота в стране сложилась революционная ситуация. Силы, которые поддержали большевиков в борьбе, против «старого прижима» обнаружили, что новый, куда как страшнее. И Россия восстала.

По всей стране полыхал пожар Третьей революции. Мужики взялись, кто за винтовки, а кто за вилы на Тамбовщине, в Поволжье и Западной Сибири. А пролетарии Питера начали стачку. Разумеется, все эти выступления не имели единого управляющего центра, не были скоординированы ни хронологически, ни тактически. А потому повстанцы были заведомо обречены.

И все же, был момент, когда «колыбель революции» могла стать очагом нового освободительного движения. Союз бастующих питерских рабочих и кронштадтских матросов, взбунтовавшихся против комиссародержавия, способен был создать для большевиков серьезные проблемы.

Вот краткая хроника противостояния. 27 февраля 1921-го стачка приобрела такой размах, что коммунисты вводят в Петрограде чрезвычайное положение. Зиновьев приказывает трудящимся незамедлительно приступить к работе. Но 28 февраля к забастовке присоединяется Путиловский завод. Появляются политические требования, среди которых - свободные выборы в профсоюзы и Советы.

В тот же день слухи о событиях в Питере доходят до Кронштадта, и матросы посылают в город своих представителей. По возвращении те рассказывают о комиссарском беспределе. На собрании команд кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» принята резолюция протеста и солидарности с бастующими.

1 марта в открытом собрании на Якорной площади приняли участие более 16 тысяч моряков, красноармейцев и рабочих. Председатель ВЦИК Калинин и комиссар флота Кузьмин заявили, что забастовки в Питере и резолюция моряков «контрреволюционны». Но понимания у слушателей не нашли. Прозвучал лозунг «Советы без большевиков».

3 марта кронштадтская делегация прибывает в Питер для переговоров. Но членов ее немедленно арестовывают. Ленин и Троцкий обвиняют матросов в антисоветском мятеже. Спешно концентрируются особо преданные режиму части.

В Кронштадте в ответ формируется собственная власть - Временный ревком (ВРК) из 15 человек. Председателем избран матрос Петриченко.

Действуя по принципу «разделяй и властвуй» большевики идут на некоторые уступки бастующим рабочим и одновременно начинают боевые действия против Кронштадта. 7 марта по нему открыт огонь из орудий. Но повстанцы ответными залпами уничтожают батареи Сестрорецка и Лисьего Носа.

На что они рассчитывали? На массовую поддержку всех тружеников, угнетенных новой властью. Кроме того, начиналась весна. Как только вскрылся бы лед, корабли Третьей революции могли атаковать Петроград.

Этого шанса большевики им не дали. Лед был на их стороне. 8 марта в Москве открылся X съезд большевистской партии. Более 300 его делегатов отправились «давить гидру». Однако рядовые красноармейцы вовсе не были их надежной опорой. Политкомиссар Угланов докладывал «партийным вождям»: «Мы вынуждены были отойти и отказаться от дальнейших атак, потому что части находились в состоянии сильной деморализации. Армия не в состоянии повторить нападение на форты... Боевая мораль курсантов очень плоха. Преобладает следующая позиция: они требуют информации о целях кронштадтцев и хотят послать делегатов к восставшим, чтобы вступить с ними в переговоры».

Тогда был отдан приказ бомбить Кронштадт с воздуха. После чего Троцкий и Тухачевский возобновили атаки. 9-10 марта в бой брошены свежие части. Но их натиск был остановлен огнем повстанческой артиллерии. А около тысячи красноармейцев переходит на сторону матросов.

С 11 по 15 марта большевики ведут непрерывные атаки. В бой взамен колеблющихся вступают все новые подразделения. И сопротивление начинает ослабевать.

16 марта состоялся решающий штурм. После многочасовой бомбардировки, атакующие по льду ворвались в Кронштадт с трех сторон. Но город продолжал сражаться вплоть до поздней ночи 18 марта.

Главный большевистский каратель господин Тухачевский (на его же счету жесточайшее подавление «Антоновщины») был потрясен стойкостью повстанцев и их ненавистью к большевикам: «Я был 5 лет на войне, но я не могу припомнить, чтобы когда-либо наблюдал такую кровавую резню. Это не было больше сражением. Это был ад.

Матросы бились как дикие звери. Откуда у них бралась сила для такой боевой ярости, не могу сказать. Каждый дом, который они занимали, приходилось брать штурмом. Целая рота боролась полный час, чтобы взять один единственный дом, но когда его, наконец, брали, то оказывалось, что в доме было всего 2-3 солдата с одним пулеметом. Они казались полумертвыми, но пыхтя, вытаскивали пистолеты, начинали отстреливаться со словами: «Мало уложили вас, жуликов!»

Зияющие высотки

Но большинство «жуликов» от пуль все-таки не ушли (включая и их командующего, Михаила Тухачевского). Они их настигли в лубяньских подвалах.

СТАЛИН. Как много в этом звуке для сердца русского слилось. Почему до сих пор россияне то и дело мечтательно вздыхают: «Эх, вот бы Сталина сюда?»

Большевики присвоили, а потом либо ликвидировали, либо извратили до неузнаваемости все проявления Русской Правды, поднятые из глубин «Светлояра» революционными процессами в 17-м. И все же, было в их проекте нечто притягательное и правильное, что никак не позволяет ту эпоху счесть однозначной «черной дырой», как того либералам хотелось бы.

Был создан понятный, а в некоторых сферах и справедливый (производство, наука) механизм вертикальной мобильности. Каждый, вне зависимости от благосостояния родителей, имел шанс.

Правда, во многих сферах для того, чтобы сесть в кадровый лифт, требовалось предъявить партбилет. И партия, таким образом, неизбежно должна была превратиться в корпорацию карьеристов. Но для самих людей («простых» и даже многих «сложных», но не обремененных тоской по метафизической Истине) моральная плата за включение «в ротацию» была вполне приемлемой и что важно, заранее оговоренной.

Так было при Сталине. «При нем был террор», - всхлипнут правозащитники. Но народ то помнит, что «не мощно царство без грозы держати». И россияне тоскуют, как раз по тогдашнему «порядку», основанном на «грозе».

Они глухо ненавидят чиновную массу, которая их угнетает. И они помнят, что некогда паразитов этих регулярно «прореживал» «лучший друг физкультурников». Но им невдомек, что сам формат бюрократической диктатуры порочен. А террор, как универсальное средство ротации элит немислимо затратен (с точки зрения расхода человеческого материала) и крайне неэффективен.

Всех не перевешаешь. На смену одному поколению плотоядных тварей неизбежно придут другие. Жить и трудиться, как и их предшественники, они будут по принципу «умри ты сегодня, а я завтра».

Сталин этого не понимал? Да, нет, похоже, он даже слишком многое понимал, но выпрыгнуть из колеи, и он был не в силах. И от того его фигура видится сегодня не столько зловещей, сколько трагической.

Он явно осознавал тайные смыслы русской истории. Послевоенный Союз – многие века чаемая русская утопия. Социальная справедливость + имперское величие. Но то, что эта «сталинская высотка» - дом на песке марксизма-атеизма, похоже, отлично видел сам архитектор.

Он реабилитирует русскую монархию – кинообразы Ивана Грозного и Петра. Восстанавливает Патриаршество. Уничтожает «ленинскую гвардию» русофобов, а потом – «космополитов». Понимает, что партия должна быть «орденом меченосцев». Но от Ильича (а значит, и от марксизма) отречься он не может – как лишить народ веры во «всегда живого»? Тогда и его легитимность «бога-сына» окажется под вопросом. А значит, и прочее все бессмысленно.

Сталина всегда обвиняют совсем не в том, в чем следовало бы. Например, судят его за «истребление перед войной комсостава». Хорошо, а что ему надо было делать с этими «птенцами Троцкого»? Как ему было перековать армию Льва Давидовича в Русскую Имперскую, не ликвидировав физически корпус красных карателей (вспомним Кронштадт)?

Теперь ГУЛАГ. Это - реально существующая по сей день система, подлежащая безусловному и тотальному уничтожению. Но заметим, что если сегодня у нее нет вовсе никакого смысла и оправдания, то Сталин использовал рабский труд сотен тысяч зэков для реализации плана форсированной индустриализации. Могло одно без другого состояться в тогдашних внутри- и внешнеполитических реалиях? Вряд ли.

А без индустриализации исход Второй Мировой был бы уж точно иным.

Еще одно «преступление» - насаждение «культы личности». А как ему было осуществить свой контрреволюционный переворот, спрашивается? Не было у него гипнотического дара Гитлера, не было политической гениальности Ленина. Не был он отцом-основателем партии. И за что массам было его любить самим (без вдалбливания обожания в мозг)?

А любовь народная ему необходима была в чисто технологических целях. На одном страхе империю не построишь.

Сталин был именно великим имперостроителем. Причем, он был велик, но не гениален (как опять же, Гитлер и Ленин). Иосиф Виссарионович вполне традиционный, по всем характеристикам древневосточный деспот, типа Дария I или Цинь Шихуанди. Просто он угодил не в ту эпоху. От того и сам страдал, и других «тиранил».

И опять же, нет к нему по этому поводу претензий. Ну, в самом деле, дар такой у человека, что тут поделаешь?

Но, вот, за что ему действительно стоит предъявить, так это за его теорию об «обострении классовой борьбы». Сталин ею просто подводил «научную базу» под перманентную гражданскую, и узаконивал террор, делал его нормой.

Во имя чего? Каков был его проект? О чем думал он, раз за разом, приходя на спектакль «Дни Турбинных»? Чего ему от этих «белогвардейцев» надо было? Что он из минувшего заимствовал, кроме имперских мундиров?

На самом деле, Сталин во многих чертах на новом витке историческом восстанавливал бюрократическую и милитаристскую империю Николая I. Только довел некоторые тенденции до абсолюта.

Крестьяне были закрепощены при нем тотально. Только хозяин у них был один – государство. Существование Церкви допускалось. Вот, только под страхом расстрела ее представителям запрещалось выходить за пределы отведенной им «духовной резервации».

Главное позитивное отличие от «ужасов царизма» - уже упомянутое отсутствие сословных перегородок. Но при всей «социальной справедливости» в СССР не было Русской Правды. Не было и речи о том, чтобы дать исконные права Земле (самоуправлению, хотя бы, в формате непартийных Советов) и Вере.

Будь у Сталина сын сколько-нибудь пригодный для власти и рискни он его сделать официальным преемником, красная империя могла превратиться в некое подобие нынешней Северной Кореи. Только, учитывая русскую широту души, она была бы, разумеется, величественней и кровавей.

Но такой шаг он сделать не мог. Все же, утверждение династии Сталиных в стране «Победившего Октября» (главным организатором, которого был к тому же не он, а Ленин), было бы явным перебором. Да и зарубежные коммунисты не поняли бы.

Черчилль как-то сказал, что Россия – «это загадка, обернутая в тайну». На самом деле, ровно эту же характеристику можно дать Иосифу Сталину. Снова вспомним людей, с которыми его неизменно сравнивают – Гитлера и Ленина, его соперника и его политического отца. При всей их гениальности, оба они куда понятней Кобы. Его мотивации и цели никогда в полной мере не будут разгаданы.

Любое категорическое утверждение относительно них неизбежно будет мифотворчеством. Как мифом уже стала страна, которой он правил. Мы даже не можем судить о том, как она, жизнь в ней, воспринималась, на самом деле, более-менее информированными ее гражданами.

К примеру, с уверенностью можно утверждать, что Лени Риффеншталь была абсолютно искренней в своем «эстетическом нацизме». Но ничего нельзя сказать наверняка о том, что, на самом деле, думал, к примеру, создатель «Кубанских казаков» Иван Пырьев. И собственные его заявления, что при жизни вождя, что после его смерти, не помогут нам узнать правду. Сталинское поколение «свою правду» уносило с собой в могилу. Чем они жили, в действительности, - страхом, любовью, энтузиазмом, и что у кого преобладало, мы не узнаем.

Кумир национал-большевиков, воплотивший вроде бы в жизнь НБ-проект, «стер в лагерную пыль» и создателя правой версии этой идеологии Николая Устрялова, и певца ее левого варианта Николая Клюева. Сталин был мастером политического равновесия.

Но он не мог не понимать, что вся Империя держится на нем. Он ее «солнце». Его закат будет означать неминуемую гибель державы. Ведь, у него не было даже подлинных соратников («бригады», хотя бы как у того же Гитлера). То есть продолжить дело, было некому. Или он собирался жить вечно?

Беранже писал: «Если к правде святой Мир дорогу найти не сумеет — Честь безумцу, который навеет Человечеству сон золотой!». Сталин, похоже, был таким вот иллюзионистом. Прекрасно осознавая обреченность проекта, он просто длил, сколько мог, имперскую «сказку для нищих».

А потом просто упал и умер. Но фантом, созданный им, продолжал висеть в воздухе. Год от года он терял четкость очертаний, утрачивал целые фрагменты. А потом развалился окончательно на отдельных призраках. Они и по сей день требуют дать досмотреть не им приснившийся сон.

Крест Русской Церкви

Любимая патриотическая легенда многих современных державников повествует о «православности» Сталина. Да, он и в самом деле, «амнистировал» Церковь в 1943-м. Но сделал это вовсе не потому, разумеется, что внезапно прозрел и вспомнил, чему его в семинарии в юношеские годы учили, и не потому, что прежде его «обращению» троцкисто-зиновьевцы мешали.

Большой террор тридцатых косил не только видных представителей ленинской гвардии (и в самом деле, закоренелых богоборцев), но и священнослужителей. Причем, массированность и жестокость репрессий против людей Церкви тогда были даже значительнее, чем в 20-е.

Это, впрочем, никак не означает, что Ильич был гуманнее. Просто он действовал в еще не вполне «умиротворенной» стране. А поэтому ему приходилось для удара по «церковникам» выгадывать момент. Так, например голод в Поволжье он с неподражаемым мастерством и чувством ситуации использовал как повод для тотального изъятия церковных ценностей и террора против духовенства.

Вот какую установку давал своим подручным «вождь мирового пролетариата»: «Для нас данный момент представляет из себя ...единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову... Именно теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления... декрету... Мы должны дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

Блестяще, все-таки, Ильич формулировал! Но если его борьба с Церковью производит впечатление одержимости (в исконном смысле – бесом). То Сталин в этом случае, как и во всех других, действует абсолютно холодно и прагматично. Истребляя комсостав, он не стремится, разумеется, уничтожить армию как таковую. Просто ему нужна другая армия – надежная опора его личной, ничем и никем не ограниченной власти.

Так же и с Церковью. Причем, в отличие от Ленина, репрессировать священство он мог, не опасаясь возмущения «черносотенного мещанства и крестьянства». Кулаков, как и городских предпринимателей, Сталин планомерно ликвидировал как класс.

И гонения на Церковь, разворачивались параллельно процессу коллективизации. Вот, характерное заключение окружного прокурора по поводу ареста некоего священника Крылова: «Арестован Крылов и выслан по постановлению тройки ОГПУ ...правильно, поскольку агитировал крестьян не вступать в колхозы, внедряемые евреями, которые хотят закрывать русские храмы».

Историк Церкви Дмитрий Поспеловский приводит следующие данные: «К началу 40-х г.г. в 25 областях РСФСР не было ни одного действующего православного храма, в 20 функционировало не более, чем по 5 церквей». Он же сообщает, что если в период с 1918 года по 1929-й репрессиям подверглось около 10 тысяч священнослужителей, то в течение 30-х годов – более 45 тысяч.

Спасти Церковь от физического истребления клира не помогла даже «пораженческая» декларация митрополита (позже патриарха) Сергия. В ней, в частности, заявлялось: «Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас».

Кстати, под «варшавским убийством» подразумевалась ликвидация белым патриотом Борисом Ковердой советского полпреда в Польше Войкова, одного из участников расправы над семьей последнего Императора.

Адвокат Павел Андреев, защищавший на суде Коверду, сказал слова, которые являются, фактически, прямой, хотя и заочной полемикой с основной мыслью декларации Сергия: «Родина – это комплекс традиций, верований, стремлений, святынь, культурных достижений и исторической общности людей и земли, ими населенной. Родина – это история, в которой развивается нация. А разве СССР может создать нацию? Нет!»

В том же 27-м епископы-узники лагеря смерти на Соловках отправили безбожной власти свое радикально отличное от Сергиева послание. В нем они провели четкую, не подлежащую пересмотру границу между христианством и марксизмом. И дали понять властям, что в главном компромисс невозможен:

«Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в Живого Бога, Творца мира, Руководителя его жизни и судеб, коммунизм не допускает Его существования, признает самопроизвольность бытия мира и отсутствие разумных конечных причин в его истории. Церковь полагает цель человеческой жизни в Небесном призвании духа и не перестает напоминать верующим об их Небесном Отечестве, хотя бы жила в условиях наивысшего благосостояния, коммунизм же не желает знать для человека никаких других целей, кроме земного благоденствия.

С высоты философского мирозерцания идеологическое расхождение между Церковью и государством нисходит в область непосредственного практического значения, в сферу нравственных принципов. Церковь верит в незыблемость начал нравственности, справедливости и права, коммунизм считает их условным результатом классовой борьбы

и оценивает явления нравственного порядка исключительно с точки зрения целесообразности. Церковь внушает верующим возвышающее человека смирение, коммунизм унижает его гордостью.

Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодоношения, коммунизм не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов. Церковь видит в религии животворящую силу, не только обеспечивающую человеку достижение его вечного предназначения, но и служащую источником всего великого в человеческом творчестве, основу земного благополучия, счастья и здоровья народов.

Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий энергию, как на источник их бедствий и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения. При таком глубоком расхождении в самых основах мирозерцания между Церковью и государством не может быть никакого внутреннего сближения или примирения, как невозможно примирение между положением и отрицанием, между да и нет, потому что душою Церкви, условием ее бытия и смыслом ее существования является то самое, что категорически отрицается коммунизмом. Никакими компромиссами и уступками, никакими частными изменениями в своем вероучении или перетолковыванием его в духе коммунизма Церковь не могла бы достигнуть такого сближения. Жалкие попытки в этом роде были сделаны обновленцами: одни из них ставили своей задачей внедрить в сознание верующих мысль, будто христиане по существу своему не отличаются от коммунистов, и что коммунистическое государство стремится к достижению тех же целей, что и Евангелие, но свойственным ему способом, то есть не силой религиозных убеждений, а путем принуждения...».

Иерархи-узники, тем не менее, не исключают мирного сосуществования на следующих условиях: «При таком непримиримом идеологическом расхождении между Церковью и государством, неизбежно отражающемся на жизнедеятельности этих организаций, столкновение их в работе дня может быть предотвращено только последовательно проведенным законом об отделении Церкви от государства, согласно которому ни Церковь не должна мешать гражданскому правительству в устройении материального благополучия народа, ни государство стеснять Церковь в ее религиозно-нравственной деятельности... Она не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуетя всем законам и распоряжениям гражданского характера, но она желает сохранить в полной мере свою духовную свободу и независимость, предоставленные ей Конституцией, и не может стать слугою государства...»

Последняя фраза принципиальна. Ведь и Сергей тоже, несмотря на публичное изъявление покорности, слугой стать готов тогда не был. Да, он поддался давлению, но этого власти было мало.

«Обновленцы», представители, так называемой «Живой церкви», напротив, изъявляли готовность «лизать сапоги». Но они, вот ведь беда, не пользовались доверием верующих. Храмы, отнятые чекистами у «патриаршей» Церкви и переданные им, стояли пустыми. Соответственно, Сталин решил, что «не в коня корм» и наложил на «обновленцев» опалу, решив «воспитывать» их ортодоксальных оппонентов. А методы «перековки» у него были, известно какие, – террористические.

И результаты проделанной чекистами «работы» воистину впечатляют, заставляя вспомнить первые века христианства. Если в начале 30-х в СССР было около 50 тыс. православных священников, то в 1941-м официально зарегистрированных представителей клира осталось 5665 человек. Причем, в их число входили и «обновленцы», и священники, проживающие на недавно присоединенных к Союзу территориях. Нагляден пример Ленинграда. Как сообщает Поспеловский, в начале 30-х в «колыбели революции» было 150 священнослужителей (100 патриарших и 50 обновленческих). Накануне войны их оставалось 19! Слава великому «православному» вождю Иосифу Сталину!

Только когда он почувствовал, что иерархи РПЦ «созрели» не просто до лояльности, но до безоговорочного служения режиму, он перестал их сажать и расстреливать. Больше того, он позвал их к себе в Кремль. Собственно, и генералов он также в ходе войны выдергивал из лагерей и отправлял на борьбу с «фашизмом», зная, что они так уже «закошмарены» НКВД, что ни о каком мятеже и во сне не помыслят. Вот и иерархов мобилизовал (все же процент верующего населения, несмотря на все усилия власти, был весьма велик). Надо было его целенаправленно воодушевить. А как же? «Все для фронта, все для победы!».

И «ручные» иерархи возгласили (забыв, что «нельзя молиться за царя Ирода») «многая лета Богом дарованному вождю».

Конечно, и после войны им нашлось применение. «Красному императору» нужно же было вовне страны демонстрировать, что не совсем он людоед. И тут как раз патриарх очень кстати. Всегда сие засвидетельствовать может.

Впрочем, были, конечно, и «трудные» иерархи, перевоспитанию не поддающиеся, в «единый строй» не встающие...

Катакомбное воинство

Епископ Уфимский Андрей, происходивший из рода князей Ухтомских (Рюриковичи) еще в 1916 году ввел выборность приходского духовенства. Поместный собор 1917-18 г.г. одобрил данную инициативу архипастыря, но распространить ее повсеместно не решился.

Характерно, что самые последовательные и негибкие борцы с коммунизмом ратовали не за реставрацию романовской системы, но за возвращение к исконным идеалам подлинной национальной демократии. «Земля и Вера» - принцип, который стал основой национального консенсуса в период преодоления Смуты XVII века. И в начале XX подлинные патриоты понимали, что только низовая самоорганизация русских людей, исповедующих православные ценности, может надежно защитить от всепроникающего «духа антихриста».

Великий молитвенник Земли Русской отец Иоанн Кронштадтский пророчествовал о том, что императорская власть падет и что воцарится «сын погибели». Когда свершился «Великий Октябрь» истинно верные не сомневались. И отвергнув компромиссы, ушли в катакомбы.

Митрополит Сергей стремился сохранить любой ценой легальную церковную структуру. Но вне зависимости от того, как он обосновывал соглашательскую линию, очевидно, что первичен, все же, был инстинкт физического самосохранения. Другое дело, что многим, последовавшим за ним, выжить все равно не удалось. Но ведь, христианин и не должен стремиться к выживанию. От него требуется «быть верным до смерти», а там уж как Бог даст. А уверения, что мол, не ради себя на сговор с сатаной идем, а чтоб паству без пастырей не оставить, - от лукавого.

Да, христиане были лояльными гражданами языческой Римской Империи, но представить себе, что они возглашают «многая лета» Нерону или Диоклетиану, никак не получается.

Многokrатно арестовывавшийся большевиками владыка Андрей писал: «Я ни одного раза не молился о своем освобождении или о чем-либо, касающемся моего благополучия. Я боялся такой молитвы, как своей, и только говорил: «Да будет воля Твоя». В 90-м псалме сказано; «С ним есмь в скорби». Я и знаю, что около меня скорбящего — всегда Господь; а около моего веселия... Господь далеко не всегда! — Поэтому боюсь молиться о чем-либо, кроме исполнения на мне воли Божьей».

В гражданскую 1918-22 г.г. он входил в состав Сибирского Временного Высшего церковного управления и возглавлял духовенство 3-й армии адмирала Колчака. И не смотря ни на что, остался белым в истинном, глубинном смысле, и под властью красных.

Осудив Декларацию митрополита Сергия, он отказывается признавать его полномочия и объявляет Уфимскую епархию автокефальной. Именно он, согласно свидетельствам сподвижников, нарекает альтернативную просоветской катакомбную церковь Истинно Православной (ИПЦ). И создает ее тайную структуру.

Катакомбники - Истинно-православные христиане (ИПХ) встают на позиции радикального отрицания окружающей их действительности. Крестьяне-члены Церкви не вступают в колхозы, а дети их не посещают советские школы. Создаются тайные монастыри, причем как в лесных дебрях, так и в городах, под носом у НКВД.

Но если с богоборческой властью епископ вел духовную гражданскую войну, то давнее, длящееся к тому времени без малого триста лет противостояние внутри самого православного народа он стремился прекратить.

В 1925 году, находясь в ссылке в Ашхабаде он принимает миропомазание от старообрядцев. И выступает с «Исповеданием Веры», в котором заявляет: «Ныне испытывая гонения от господствующей иерархии за свободу Церкви Христианской, исповедую перед Св. Церковью, что Патриарх Никон, своим мудрованием нарушивший жизнь Соборной Церкви и любовь ее, так положил начало расколу русской Церкви. На ошибке Патриарха Никона утвердился тот русский цезарепапизм, который со времен Патриарха Никона подтачивал все корни русской церковной жизни».

В 1937 году, на 75-м году жизни епископ Андрей был расстрелян по решению «тройки» Управления НКВД Ярославской области. Оставаться и в таком преклонном возрасте угрозой для сатанинской власти, это дорогого стоит. О такой кончине мечтали и древние христиане.

Через четыре года немалое число его последователей от духовного сопротивления перейдет к вооруженному.

С чего начинается Родина?

Никак нет цели возвеличить пособников «гитлеровцев». Однако существует реальная необходимость развеять «черный миф» о том, что все кто принял сторону немцев были либо карикатурными шкурниками-полицаями, либо маньяками-душегубами на манер Кротова из популярного некогда романа воспевателя героических чекистов Юлиана Семенова.

Нет, разумеется, и таких было предостаточно. Но совершенно очевидно, что имелись и последовательные идейные борцы с коммунизмом, борцы за Русскую Правду, которые сочли, что смогут ее утвердить с помощью нацистов.

Это не апология «предательства», но попытка разобраться, кто чему реально «изменил».

Что вообще такое «Родина»? Очевидно, что это понятие включает в себя три основные составляющие: Родная Земля (исконная территория), родная вера (совокупность базовых национальных ценностей) и родная кровь (в комментариях не нуждается).

Какому же из этих трех «ликов» изменили, к примеру, молодые ИПХ, отказавшиеся встать под знамя с пентаграммой (однозначно сатанинской для них) и воевавших под штандартом со свастикой (этот знак встречается на многих древних иконах). Они видели, что немцы храмы открывают, а большевики, напротив, христиан истребляют, а часть клира ввергли в «блудное сожителство» с НКВД.

Что касается Земли, как территории, то ИПХ неведомы были точные планы «нацистской верхушки» на этот счет. Да, кстати, и в самом руководстве Райха по этому поводу разные мнения имелись. И если бы произошло, предположим, массовое антибольшевистское восстание и появились соответствующие влиятельные лидеры, с ними вполне мог у нацистов сложиться диалог. Ну, а если бы все было, как было, но немцы при этом победили, то большинство русских, конечно, ждала незавидная судьба.

Но в любом случае, и для ИПХ, и для белоэмигрантов, воевавших в рядах Вермахта и СС, их Русь покоилась «на дне Светлояра». А противостояли им хотя и единокровные, но уже никак не братья. Ведь, с точки зрения бойцов «христианского сопротивления» и белых, лояльные граждане СССР были коллаборантами «большевиков-ордынцев» (каковые, как интернационалисты, не имели национальности). То есть, исходя из этой логики, большинство народа изменило Духу нации, чем умертвило Душу ее, а тело ее сделалось послушным зомби, исполняющим приказы «красного диктатора».

А кому или чему изменил генерал Краснов и его казаки? Для него ВОВ была очевидно продолжением гражданской войны с красными, начатой им же в 17-м броском введомых им казаков из Пскова на большевистский Питер и последовавшей затем битвой под Пулковскими высотами. Тогда красные оказались сильнее. Не удалось их одолеть, не удалось заключить союз с вроде готовыми к нему немцами. Так вот же он – второй шанс.

Тем более, что нацисты давали генералу гарантии, что после общей победы, будет создано независимое государство Казакия. Но ведь именно станичники и хранили веками правду святорусскую. Для него «Китеж» был там, на дне Тихого Дона.

Так и с кем должен был быть боевой русский генерал казачьих войск? С немцами, обещавшими помочь поднять «зачарованный город» из глубин или с большевиками, искоренявшими Веру, оккупировавшими вольную Донскую землю и учинившими геноцид кровных его братьев-казаков?

Другая история с Андреем Власовым. Генерал в ходе боевых действий, переходящий на сторону противника, чем бы он свои деяния ни мотивировал, действительно проходит по статье «предательство». Он же не призывник, насильно забранный, он успешный, обласканный режимом красный командир.

Сам Власов отождествлял себя с Курбским, а Сталина с Грозным. И хотя архетипическое сходство ситуаций налицо, духовный калибр действующих лиц несопоставим. Тем не менее, и у Власова тоже имелась своя правда. Вполне можно допустить, что и он, и многие его сподвижники были во многом, идейными наследниками кронштадтских мятежников. То есть, и в этом случае, речь идет о продолжении гражданской.

А что же, по другую линию фронта? Во имя чего «в штыки поднимались как один»? Разумеется, в первую очередь «За Родину!», а уж во вторую – «За Сталина!». Последний, надо отдать ему должное, сумел обеспечить по-настоящему тотальную мобилизацию. Для чего грамотно задействовал национальные архетипы (апелляции к Невскому, Суворову, Кутузову, обращение «братья и сестры»), иначе бы, конечно, никакие заградотряды не спасли.

Многие бойцы при этом сражались не только, повинувшись пробужденному «голосу крови и почвы» против внешнего врага, который своей абсурдной лютостью, только подогревал к себе «ярость благородную». Люди отстаивали, кроме того, «первое в мире государство рабочих и крестьян», проживая в котором, они ощущали власть реально «своей».

Благодаря и «важнейшему из искусств», и партийной прессе, и пропагандистам-агитаторам они испытывали чувство сопричастности всему происходящему в стране – и строительству Магнитки, и процессам над «врагами народа». И жить, в самом деле, от этого «становилось лучше, становилось веселей». Эта самая сопричастность и порождаемое ею национальное единство дорогого стоят.

И уж тем более, окрепли они к концу войны, когда добавилась к ним имперская гордость победителей (тоже жившая в памяти крови). Вообще, ПОБЕДА стала для всего «советского народа» грандиозным катарсисом в финале великой драмы величайшей из войн.

И ведь нельзя сказать, чье виденье реальности было реальней – у ИПХ, которые вместе с немцами уже после подписания капитуляции, до последнего дрались в Восточной Пруссии или у тех, кто «утюжил» их позиции из «Катюш».

В том то и дело, что в гражданской не только у каждого своя полуправда, но и своя «реальность». Лица с ней не совпадающие, воспринимаются как «пришельцы», со всеми вытекающими...

А что же Сталин? Он то, про «братьев и сестер» неужели всерьез выступил, а после про «великий русский народ»? Судите сами. В июне 45-го на банкете в честь победы, он поднимает тост «за десятки миллионов простых людей» и называет их так: «винтики, которые поддерживают нашу огромную государственную машину в действии...люди, которые поддерживают нас, как основание поддерживает вершину». И так, в 41-м – «братья и сестры», когда «враг у ворот», а в 45-м – снова «винтики».

А что же стало решающим фактором в победе над врагом, по его мнению? В своей речи датированной февралем 46-го он дает недвусмысленный ответ: «Наша победа, означает прежде всего, что победил наш общественный строй... что победила наша политическая система». Это ответ всем националистам, которые видят в Сталине не красного диктатора, а великорусского Императора.

Локотская Русь

Один из самых зловредных мифов, культивируемых как представителями «администрации», так и либералами-западниками – это неспособность русских к самоорганизации. Без присмотра контролеров мы, якобы впадаем в дикость.

Но в реальности обнаруживается иное. Как только Империя отступает, на свободной территории, практически, мгновенно формируются структуры эффективного и глубоко укорененного в национальной традиции самоуправления.

Что не удивительно. Просыпаются архетипы. На Руси издревле существовали не только городские (Вече) и общегосударственные (Земский Собор) демократические институты, но и развитое низовое самоуправление.

Напомним, что при Иване Грозном крестьянские и посадские общины получают право самостоятельного отправления судопроизводства через выборных судей и присяжных - целовальников (целовали крест во свидетельство своей непредвзятости). Избираются земские власти - старосты, излюбленные головы.

Были даже, своего рода, русские шерифы - губные старосты. Их выбирали из числа авторитетных служилых людей. В их обязанности входило ловить и предавать суду разного рода преступный элемент. Так что, русскому человеку, если он не вконец перформатирован «государственниками», есть, что вспомнить, погрузившись в свою «память крови».

Так, когда Сталинская Империя откатилась в 41-м к Москве, на территории нескольких районов Орловской и Курской областей образовалась Локотская республика (Локоть – городок в тогдашней Орловской, а ныне – в Брянской области). Характерно, что в этих регионах жило много ИПХ.

Структуры русского самоуправления образовались по инициативе Константина Воскобойника и Бронислава Каминского. Оба в прошлом эка. Обоих обвиняли в антисоветской деятельности. Созданная ими военизированная милиция была преобразована в дальнейшем в Русскую освободительную народную армию (РОНА).

«Инициатива снизу» была поддержана командованием 2-й танковой армии Вермахта, которую возглавлял тогда знаменитый Гейнц Гудериан. РОНА повела беспощадную борьбу сначала с красными партизанами, а потом и с советскими войсками.

15 ноября 1942 года, к годовщине организации Локотского самоуправления, газета «Голос народа» опубликовала статью, живописующую свершения новой власти: «Крестьяне получили в вечное пользование землю, навсегда избавились от ненавистных колхозов и строят свое хозяйство по-новому. Восстановлены и пущены в эксплуатацию многие промышленные предприятия (Севский сушильный завод, Локотский кожевенный завод др.). (...) В городе Локоть открыт театр; почти во всех районных центрах также функционируют театры; в волостных центрах и в некоторых селах и деревнях организованы клубы, где после трудового дня граждане имеют возможность культурно провести свой досуг. По округу открыто 345 школ, 9 больниц и 37 медицинских пунктов. Как в городах, так и в некоторых селах открыты церкви...»

В Локотской республике жесткая властная вертикаль сочеталась с низовой демократией в виде сельских сходов. Они, в частности, обладали правом смещать с должности старост. Население округа составляло 600 тысяч человек. Характерно, что немецкие гарнизоны были выведены из всех его населенных пунктов.

Опять же нет цели доказать, что «Локотская альтернатива» - пример успешной или хотя бы половинчатой реализации веками чаемой Русской Правды. В условиях оккупации подобное в принципе было невозможно. Но крайне показательны мероприятия, проведенные новой радикально антибольшевистской властью. Во многом, это как раз та программа, за которую умирали повстанцы Кронштадта.

Красные партизаны развернули против не только представителей органов управления республики, но и ее мирных граждан жесточайший террор. Был убит Воскобойник. То и дело приходили сообщения о массовом уничтожении простых крестьян.

Характерно, что в тех районах, где высшая администрация была оккупантской подобных прецедентов не отмечалось. Ясно, что Москва дала вполне оправданную команду запугать население «альтернативы» и лишить ее власти народной поддержки.

Бригада Каминского к концу существования Локотской республики составляла 12 тысяч человек. Против них же действовали явно превосходящие силы красных партизан (в одной только Орловской области их насчитывалось более 20 тысяч человек).

Летом 43-го самоуправление прекратило свое существование. Советские войска жестко прервали «эксперимент». Над Локотем снова взвился красный флаг.

РОНА передислоцировалась в райцентр Лепель Витебской области. Каминский был назначен бургомистром и предпринял попытку реанимировать систему, созданную на Орловщине. Однако «красный вал» надвигался неотвратимо. Неизбежность краха Германии и всех, кто сделал ставку на ее победу была очевидна.

Из РОНА Каминского и РОА Власова целые соединения переходили на сторону великой коммунистической империи. Некоторых командиров прощали (надо думать до поры) и они, надеясь искупить кровью, вместе со своими бойцами бросались «громить фашистских прихвостней».

Выходили с подобными предложениями и на Каминского. Тот однако настроен был на тотальную войну. Так, в ходе аудиенции у Гимmlера, он откровенно заявил, что ему «все равно с кем, лишь бы коммунистов резать!».

Прямота была оценена. Каминскому присвоили чин бригаденфюрера СС, а РОНА стала бригадой СС. Все это, впрочем, не спасло формирование от морального разложения. Ясно было, что конец недалек. А от отчаянности и безысходности русские люди нередко впадают в лютость и беспределность. Данные качества бойцы РОНА в полной мере проявили в ходе подавления Варшавского восстания.

Попытки немцев «дисциплинировать» бригаду, Каминский встречал в штыки, заявляя, что его бойцы отдали все, что имели в борьбе с большевизмом, не щадят и самой жизни, а значит, имеют, мол, право поживиться за счет грабежа поляков.

Есть данные, что Каминский собирался увести РОНА в Карпаты на соединение с Украинской повстанческой армией (УПА), чтобы продолжить «резать коммунистов» без оглядки на немецких кураторов. Но те упредили непокорного бригаденфюрера.

Близ Тарнова в Южной Польше машина Каминского была остановлена людьми начальника Краковского СД Вальтера Биркампа. Они и осуществили ликвидацию, которая была остроумно списана на польских партизан.

РОНА попытались слить с армией Власова. Впрочем, взаимопонимания между «каминцами» и бойцами РОА не наблюдалось. Вспыхивали даже весьма серьезные

столкновения. Дело в том, что «народники» считали «власовцев» перекусившимися коммунистами. А отношение к последним покойного своего комбрига разделяло и большинство офицеров и солдат РОНА.

Впрочем, уже очень скоро и те, и другие, если им повезет не погибнуть в бою и не быть расстрелянными на месте (а то и поднятыми на штыки), окажутся в сталинских лагерях.

В России из века в век повторяется один и тот же сюжет – правдоискатели объединяются с врагами России и пытаются толи переделать всю ее в Русь, толи отвоевать для себя, оторвав от Империи, жизненное пространство.

Но в ходе этой борьбы обнаруживается, что и у ее защитников (под каким бы флагом они ни воевали) есть своя правда. Она – в сохранении единства русского этнического поля. На этом поле таинственно и непостижимо, вопреки жесточайшему госпрессингу и тотальным, казалось бы, зачисткам, «прорастают» новые поколения адептов ордена Правды. Причем, это запросто могут быть дети и внуки сотрудников НКВД. И война начинается сызнова.

«Суки лягут от ножа»

Против «своей страны» были не только многие тысячи «коллаборантов».

Мощнейшей внутренней оппозицией были воры в законе. Это явление беспрецедентное в мировом криминале. Любая мафия строится по принципу пирамидальной иерархии, копируя официальную власть.

У русских воров нет ничего похожего. Они не являются иерархией. Они – сеть. Их власть основана, прежде всего, на моральном авторитете. Более того, изначальные принципы их братства предписывают придерживаться, как это ни парадоксально, нестяжательских, своеобразно трансформированных полумонашеских принципов (отказ от семьи, презрение к собственности).

Вспомним, кроме того, что именно «ворами» называли «имперцы» и Лжедмитрия, и Разина. Загнанные в подполье идеи не умирают. Они прорываются на поверхность извилистыми руслами подземных рек.

Разумеется, «монахи» эти отнюдь не стремились к святости. Зато, по своему отказывались от мира, отказывались признавать законы безбожного государства и в какой-либо форме сотрудничать с ним.

Корни такой принципиальной установки - в противостоянии белых и красных. По свидетельству ряда исследователей российского преступного мира, после утверждения

большевицкой власти, криминалетет пополнился новыми нетипичными кадрами. Многие упорные политические враги Советской власти «вставали на преступный путь». Они вливались в уголовную среду, более того, занимали в ней лидерские позиции.

Эту новую генерацию бандитских вожаков называли «жиганами». Именно им приписывают честь выработки следующих базовых «заповедей»: запрет работать и участвовать в жизни советского общества; требование не связывать себя «узами брака»; принципиальный отказ принимать от государства оружие; запрет выступать в отношениях с властями в качестве свидетеля или жертвы («терпилы»); и, наконец, обязательство «скидываться на общак».

Претензии жиганов на лидерство в криминальном мире встретили отпор со стороны вожаков «традиционных» уголовников – урок. Кровавый конфликт между ними привел в итоге к выработке общепризнанного кодекса и появлению братства «воров в законе».

Следующий этап «посвящения» воров в потаенную мистику национальных смыслов – Соловки. Именно там в СЛОНе (Соловецком Лагере Особого Назначения) криминал вошел в «прямой контакт» с новомучениками русского православия. И «понятия» формировались не без влияния со стороны христиан, отвергших все формы сотрудничества с режимом.

Именно там появилась воровская традиция выкалывать кресты (как протест против администрации, запрещавшей их носить) и купола церквей (количество их обозначает годы, проведенные в заключении).

Исследователь «татуажной» тюремной традиции Д. Балдаев отмечает, что на наколках, срисованных с тел воров в законе и уголовных авторитетов, сидевших в Соловках в 1929-1939 годах, часто встречается такой сюжет: обезображенные соборы без крестов, россыпи черепов у соловецких стен и профиль Ленина со словом «ВОР» рядом. Аббревиатура сия расшифровывалась просто: «Вождь Октябрьской Революции». Балдаев отмечает: «...уголовный мир никогда не признавал никакой другой власти, кроме власти воров. Даже когда в 30-40-е годы урки «кололи под сердцем» профили Ленина и Сталина, в этом не было ничего, кроме «изошренной» хитрости: считалось, что выстрелить в вождей у охранников рука не поднимется. Ох, как они ошибались! Кстати, как только опасность внесудебной расправы миновала, у татуированного Ильича сразу же «выросли» рога и копыта, а Сталина окружили черти и черепа».

И вора́м была объявлена тотальная война. Их массово расстреливали в тюрьмах и лагерях в рамках борьбы с лицами, которые «ведут активную антисоветскую, подрывную и прочую преступную деятельность».

Бескомпромиссное «отрицалово» воров имеет несомненно глубокий метафизический смысл. Свобода – неотъемлемое свойство человека. Бог сотворил его свободным, значит, покушаться на это его «прирожденное» качество – грех. И отстаивать свою волю следует до последней черты, даже находясь в заключении.

В Новой Руси, которая будет (или не будет вовсе ничего), карами должны стать (как в Руси древней) штрафы, телесные наказания и смертная казнь. Страдания и смерть – естественны. Их в жизни никому не избежать. А вот лишение свободы абсолютно противоестественно. Потому и заповедал Игнат Некрасов «тюрем не держать». ГУЛАГ должен быть разрушен до основания.

Годы Второй Мировой стали серьезным испытанием для «воровского ордена». Власти объявили об освобождении от наказания лиц, которые пожелают искупить свою вину на фронтах. К середине войны готовность «смыть свою вину кровью» изъявили около миллиона заключенных.

Но фронтовые геройства никак не повлияли на преступную натуру этих граждан. Искупить то они искупили, но «не перековались». И после Победы они принимаются за старое, то есть, за воровство и бандитизм. И, разумеется, снова оказываются в лагерях. А там, стойкие воры, не нарушившие, несмотря ни на что «закона», им предъявили...

Отступники были названы «суками». И тогда-то татуировка СЛОН, которая стала одной из самых популярных, благодаря печально знаменитому лагерю, и расшифровывавшаяся блатными, разумеется совсем не так, как «органами», получает новую трактовку: «Суки лягут от ножа».

И началась по всему ГУЛАГу резня, известная в криминальных летописях, как «Сучья война». Разумеется, отступники безропотными жертвами быть не соглашались. И при поддержке администрации, заинтересованной в истреблении «воров в законе», от активной обороны перешли в наступление.

Так Гражданская расколола преступный мир. Ведь «Сучья война» не была банальной для криминала межклановой бойней. Она стала беспощадным и кровопролитным идейным противостоянием. Это, кстати, тоже беспрецедентно для мировой уголовной истории.

Для «воров в законе» война была чревата гибелью. Ведь «суки» стали верными псами Системы. И она сделала все возможное для их победы. Но затравить и «порвать» воров не удалось. Они выжили. Правда и им пришлось смириться с тем печальным фактом, что все-таки не все суки лягут от ножа.

По следам «Черной кошки»

А в те же годы, когда «за колючкой» шла резня, на воле лютовала «Черная кошка». Только есть сведения, что главными в банде были вовсе не Фокс с Горбатым. Да и сама группировка представляла собой, ни много ни мало, повстанческое диверсионное формирование.

То есть «кошка» в реальности была куда как более матерым и жестоким зверем, чем представлялось авторам всенародно любимого сериала. Начала она свой кровавый путь в Белорусском Полесье в 1944-м.

В августе того года нацистами был сформирован батальон спецназа «Дальвиц». В его задачу входило ведение диверсионной войны на территории Белоруссии и Прибалтики. Командиром был назначен Михал Витушка. В конце 20-х он был одним из руководителей Объединения белорусских студенческих организаций в Варшаве. А в 41-м создает Белорусскую самооборону. Это подразделение вело охоту за красноармейцами, скрывавшимися в Полесье. И активно взаимодействовало с формированиями УПА. С 1943 года Витушка входит в руководство Беларускай незалежніцкай партыі (БНП).

В 44-м, прежде чем принять командование над «Дальвицем», он вступает в контакт с англичанами, которым предлагает поднять в Белоруссии антигерманское восстание, и провозгласить независимость под патронатом Лондона. Британцам не с руки было ввязываться в подобные авантюры. И Витушке не оставалось ничего иного, как при поддержке все тех же немцев начать партизанить.

В конце 1945 года он объявляет о создании Белорусской освободительной армии. Это формирование и получает кодовое имя «Черная кошка». А ее бойцы взяли за правило на «месте преступления» оставлять рисунок углем, изображающий этого традиционного вестника беды.

Состав партизанско-подпольной армии был интернациональным. Помимо белорусов в рядах ее сражались и русские, и украинцы, и латыши с литовцами. Разумеется, все из числа коллаборантов.

Лидер украинских повстанцев-националистов Роман Шухевич писал в те годы: «Вся европейская часть СССР превратилась в мощный антибольшевистский фронт. Только в Украине он ассоциируется с УПА, в Белоруссии и России – с «Черной кошкой», существуют свои отряды в Литве и Латвии».

Разумеется, по стилистике своей «Черная кошка» куда больше походила на сеть бандформирований, чем на партизанскую армию. Совершались нападения на советские учреждения, банки, магазины и воинские части. Эспропрированное шло в фонд борьбы и на личные нужды повстанцев.

В Москве же действовала террористическая группа «Черной кошки», которая по некоторым сведениям, готовила покушение на самого «вождя народов». Однако благодаря бдительности и инициативности сотрудников госбезопасности и лично их куратора тов. Берии, московский «филиал» был ликвидирован, а вскоре была «зачищена» и Белоруссия. Те, кто сумел уйти от возмездия (в их числе и сам Витушка), скрылись на Западе.

Мы знаем о борьбе УПА, «Черной кошки», «Лесных братьев», но мало кому известно движение со звучным, но неоднозначным названием «Мандалада». Под этим именем (означающим по ненецки «сбор») известно несколько восстаний против советских порядков, насаждавшихся в ямальской тундре. Самое известное из них случилось в 1943-м и обросло уже множеством легенд (от всплывшей в Обской губе нацистской подлодки, до «неуязвимого» для пуль вождя-шамана).

Разумеется, и оно было своевременно подавлено. Но очевидно, что Отечественная война была воспринята представителями самых разных национальностей как шанс освободиться от большевистского ига. Ведь коммунисты везде и всегда стремились до основания разрушить мир национальных традиций, мир, имевший не только материальные измерения.

В России чекисты расстреливали православных священников, а на Ямале охотились за шаманами. И преуспели в своей борьбе. Ее итогом стала тотальная духовная опустошенность.

А трагедия повстанцев была в том, что народы, права которых они с оружием в руках отстаивали, выбрали не их. Даже ямальские оленеводы не желали в большинстве своем присоединиться к «Мандаладе» и бегать по тундре, отстреливаясь от бойцов НКВД.

Массы выбрали Сталинскую Империю и одержали Великую Победу над врагом, которого воспринимали как угрозу самому своему физическому существованию. Всевозможные же «власовцы» стали для них «хуже фашистов». А те, и в самом деле, сознавая свою обреченность, погружались, чтобы забыться, в террор бессмысленный и беспощадный.

«Всегда побеждает смерть»

Вначале в России произошла десакрализация идеи Третьего Рима в Московско-Петербургской монархии, а потом и идеи Святой Руси в революционной утопии. В Сталинском проекте был реализован синтез двух выхолощенных национальных миссий. Великий проект был лишен внутреннего духовного смысла.

«Коли правды нет, то всего нет». Полуправды по западному образцу русские люди никогда внутренне не принимали. Или праведность или беспредел. Советская власть

подорвала веру в самую возможность Правды, а либералы в 90-х сделали все, чтобы ее добить.

Принимая от де Голля поздравления с Великой Победой, Сталин отвечает: «В конечном счете, всегда побеждает смерть». Еще одно свидетельство «православности» Иосифа Виссарионовича. Он явно не признавал Того, кто однажды и навсегда победил смерть и Ад. Умирал, кстати Сталин тоже весьма характерно. И уж никак не по-христиански.

По свидетельству дочери Светланы так: «В самый последний момент он вдруг открыл глаза и обвел взглядом всех находившихся в комнате. Это был ужасный взгляд, безумный, а, может быть, гневный и полный страха перед смертью... Потом произошло нечто непонятное и ужасное, чего не могу забыть по сей день... Он вдруг поднял левую руку, будто указывая на что-то вверху и проклиная всех нас. Жест был непонятным и полным угрозы... В следующий момент, после последнего усилия, дух отделился от плоти».

Апологеты красного императора скажут, что дочь предает его память и клеветает (она же за евреем замужем была, а потом в Америку сбежала). Но если даже допустить такой вариант, то хорош же, «великий и мудрый», которого в последний путь провожают изменница-дочь, а также трепещущие от страха шакалы, готовые немедленно после его смерти начать клеветать на него и «порочить светлый образ».

В общем, имелись у Сталина предсмертные основания руки к небу воздевать. Демонтаж его империи был предрешен....

Трагический внутренний конфликт Иосифа Джугашвили, конечно, был абсолютно неведом гопнику Хрущеву. Он, не задумываясь, производит подрыв устоев, разоблачая «культ личности». Тем самым, вторично всего за какие-то полвека народ лишают веры. Сначала воинствующие безбожники истребляли истинную, а после организаторы «оттепели» ликвидировали суррогатную.

Огромную роль в разрушении всех и всяческих смыслов сыграла своими «высокохудожественными» разоблачениями и развенчаниями советская интеллигенция. При этом, очень характерны ее скрытые, для нее самой не всегда очевидные мотивации. Вспомним хотя бы песенку кумира этой прослойки Булата Окуджавы, в которой имеются известные строки: «Я все равно паду на той, на той далекой на гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

Знаменательно, что склонятся именно «комиссары», то есть, наиболее антинациональные персонажи братоубийственного противостояния. Таким образом,

«добрейшей души» московский бард чувствовал глубинное духовное родство конкретно с организаторами и реализаторами красного террора.

Показательно также, что за все те годы, что миновали с момента крушения СССР, творческая интеллигенция так и не породила ни одного серьезного произведения, посвященного подвигу белых добровольцев. Даже попыток не было. И это говорит, разумеется, не о латентной «красноте» отечественных интеллигентов, а опять же, об их откровенной антинациональности.

Но как же могло случиться, что уже внуки блестящих офицеров в стильных имперских френчах (вроде красавца Маринеско) и мускулистых физкультурников, легионами марширующих под мудрым прищуром вождя, могли превратиться в законченных вырожденцев? Как из них получились вечно пьяные сантехники и убогие инженеры в вязаных шапочках «петушках». Откуда, наконец, взялся этот деградант Женя Лукашин из вечной предновогодней сказки для идиотов?

Показательна в этом смысле семья Гайдаров. Вдохновенный певец сталинского «золотого века» Аркадий сверхчеловечески гибнет в начале 41-го. Его сын Тимур (у которого еще была «команда») становится вполне стандартным советским адмиралом и проживает абсолютно человеческую жизнь. Зато Егор уже всю демонстрирует все приметы недочеловека.

Просто из поколения в поколение убывала вера. Вождя (суррогатного бога) больше не было. А надеяться на коммунизм мог только debil-энтузиаст Хрущев.

«Социализм с человеческим лицом», который намеревался построить ликвидатор Горбачев – злостная ересь. Этот строй мог существовать только в сверхчеловеческом формате. Но, опять же, сверхчеловек не может «произойти от обезьяны». Устранение любых надличностных смыслов неотвратимо вело народ к массовой деградации.

Ведь русские, как отмечал еще великий консерватор Константин Леонтьев, в отсутствие Веры падают ниже любого другого народа. Что западного, что восточного. В Европе всегда была городская цивилизация. Люди жили тесно - поблизости от университетских центров. И оттуда некая усредненная культура расплзалась вширь - на все слои населения. Законопослушность воспитывалась традицией, идущей от римского права.

Поэтому европейское большинство более-менее морально просто в силу многовековой привычки. На Востоке, при всех промышленных революциях, власть традиции, хоть и поколеблена, но остается важнейшим регулятором жизни. У нас – традиции выжжены, а светской морали никогда и не было.

В основе Красной системы, претендовавшей ни много ни мало, на реализацию «вековых чаяний русского народа» - на построение государства Правды, лежала очевидная (к концу 70-х практически для всех) ложь.

Причем ложь эта была тотальна, начиная с теории (истмат, диамат) и заканчивая практикой (коррупционность «слуг народа»). Апологеты СССР возразят в ответ, что тогдашняя коррупция не сопоставима с нынешней. Все так. Однако сегодняшняя РФ на праведность не претендует. А Советская власть очень даже претендовала со своим «моральным кодексом строителя коммунизма». Более того, корявой официальной пропагандой утверждалось, что такое государство уже построено. И то, что вокруг - и есть Правда.

Именно это глубинное противоречие между декларацией и реальностью и разъело, как кислота основы советской конструкции. Оттого она и рухнула так, с исторической точки зрения, мгновенно.

Марксисты считают, что «материя» - базис, а «дух» - надстройка. Но, по их же мнению, «практика критерий истины». И на практике обнаружилось, что все строго наоборот. Вся эта имперская «материя» со «стройками века», парадами и гранитным зиккуратом на Красной площади, рассыпалась в прах именно потому, что марксизм (идейный «первоисточник» этого «великолепия») – мировоззренчески несостоятелен и тотально лжив.

А гонимая коммунистами Церковь, несмотря на все репрессии, несмотря на грехи и падения клириков и мирян, разрушена быть не может. И в ней снова, и снова будут появляться праведники и святые, и «врата ада не одолеют ее», потому что догматы ее – Истина, а таинства ее – живая связь с Истинно Живым.

Очередные гонения обрушились на Церковь как раз при авторе «оттепели» Хрущеве. Никита Сергеевич получил в наследство от Сталина сверхдержаву. Но сам он уже не строил Империю, он строил коммунизм. К 1980 году поспеть хотел. А какой же коммунизм, если в стране «опиумом для народа» всю торговлю?

Опять же, насчет мудрости Иосифа Виссарионовича... Он, не раздумывая особо, истребил перспективную партийную молодежь («Ленинградское дело»), но сохранил и приблизил «подрывника» Хрущева. За то, наверное, что тот безропотно отплясывал перед вождем гопака. А ведь он, фактически, недобитым троцкистом был.

Но многогранный «волюнтаризм» Никиты Сергеевича был недолог. Его категорически осудил, свергнувший его «дорогой Леонид Ильич». Последний и вовсе ничего концептуального (кроме БАМа) не строил, а только «крепил мощь» и параллельно пытался «удовлетворять неуклонно растущие потребности советских граждан».

Но если СССР, при определенных обстоятельствах (сохранении высоких цен на нефть) еще мог не проиграть в «гонке вооружений», то в потребительской гонке социалистическая система была заведомо обречена на поражение. Только сталинский массовый аскетизм давал ей какой-то шанс.

Церковь Брежнев тоже не преследовал. Просто КГБ с ней плотно работало. Работало оно и с диссидентами. И наработало...

Ликвидация

О роли Комитета в распаде страны писалось много и с самых разных позиций. Приходится признать, что внимательно вглядываясь в «лихие девяностые» трудно не солидаризироваться с авторами некоторых конспирологических теорий. Ясно, что система была нежизнеспособна, но сама по себе именно так, как это в реальности случилось, развалиться она не могла. Есть ощущение, что работала грамотная ликвидационная команда, следившая за тем, чтобы обломки рушащегося здания не угодили в избранных.

Очевидно, что наиболее «продвинутые» представители партноменклатуры и спецслужб приняли и с успехом реализовали решение конвертировать свои возможности в конкретные материальные ценности, распилив «общенародное достояние».

Весьма, в конспирологическом смысле, показательна фигура генерала Бобкова. В советское время Филипп Денисович рьяно преследовал диссидентов, возглавляя специализирующееся на подобной работе 5-е управление КГБ, а в постперестроечные стал советником по безопасности группы «Мост» господина Гусинского. А ведь именно его СМИ были наиболее антиимперскими и подрывными. Загадочная метаморфоза – из стража государственных интересов – в пособники разрушителей державы.

Или все же, это один из симптомов сговора и заговора кураторов и курируемых?

Также крайне подозрительно внезапное появление из «ниоткуда» множества всевозможных экстрасенсов и заклинателей, которым «по волшебству» были предоставлены эфиры на государственных каналах. Эта публика, как и диссиденты, в советские годы находилась под контролем «компетентных органов». Соответственно, они не сами в 90-х «распоясались», но их кто-то «распоясал».

Причем, некоторые сотрудники позже в частных разговорах, хитро улыбаясь, оправдывали эту вакханалию так: «Зато гражданской не допустили»...

Впрочем, роль спецслужб в демонтаже это тема для отдельного основательного исследования. Но их «бессилие» перед лицом «деструктивных процессов» слишком похоже на заранее спланированную оперативную игру. Хаос, в значительной мере, был управляемым.

Совершенно очевидно, что олигархами стали люди совсем не случайные. Нет, речь не об их способностях исключительных. Напротив, при ближайшем рассмотрении, многие из них оказываются вполне никчемными персонажами. Зато, большинство из них сумело оказаться в нужном месте в нужное время – поблизости от номенклатурных товарищей в период демонтажа советской конструкции. Недаром, так велик среди новых хозяев жизни процент комсомольских работников.

Между событиями начала 90-х прошлого века и первыми годами Смуты XVII столетия много общего. И там, и тут, налицо предательство элит вкупе с очевидным нежеланием и неспособностью основной массы населения сохранить державу. Разочарование и дезориентация (порожденные реалиями последних десятилетий СССР и усугубленные целенаправленной пропагандой «заговорщиков») породили настрой «а пропадай все пропадом». Многие тогда изъявили полную готовность «отряхнуть прах прошлого с ног» и радостно ломануться в сверкающее огнями «Макдональдса» загадочное капиталистическое будущее.

При этом влияние Запада, как и в первую Смуту было, конечно, серьезным, но не определяющим деструктивным фактором. А определяющим была моральная деградация граждан, вследствие тотального дефицита веры и спланированного банкротства властных институтов.

Именно на развалинах СССР обнаружилось, что и у коммунистов была все же своя правда – та самая «социальная защищенность», по которой многие теперь «потерявши плачут». Но тогда, на пороге «крупнейшей геополитической катастрофы», как завоевание, за которое надо буквально зубами держаться, большинство ее не воспринимало.

В том, числе, кстати, и потому, что социальные гарантии ощущались как нечто само собой разумеющееся. И то, что они распространялись буквально на всех, а не только на «сырых и убогих» «растренировывало» людей. Инфантилизм «совков» дорого им обошелся впоследствии.

Авторы «Золотого тельца» цитируют в одном из эпизодов гениальный эсеровский лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое!». Книжка о похождениях обаятельного афериста (такие во множестве появятся после ликвидации) была у советских граждан суперпопулярна, лозунг этот однако замечен и осмыслен не был. Более того, даже сегодня после многочисленных и тяжелых моральных травм, постсоветское население в массе своей верит, что кто-то «там наверху» о нем позаботится просто так, по-отечески, без всякого принуждения снизу.

Осознать, что «наверху», напротив, с успехом решают свои проблемы за их счет, большинство не то чтобы не может, но боится, потому что как же тогда жить? Тогда

же придется бороться. А борьба, вообще любое значительное усилие, для многих сами по себе страшнее, чем тихое и покорное вымирание.

У большинства товарищей и даже некоторых господ есть мнение, что Советский период был чуть ли не вершиной русского национального бытия. В доказательство этого тезиса приводятся «тонны чугуна и стали», ракеты «бороздящие космос», и то, что нас «все боялись». Но это критерии даже не марксистов, а «вульгарных материалистов».

Ведь для партии главным было, все-таки, «нового человека» вырастить, чтобы он для «коммунистического завтра» подходящим был. И вырастили...

В результате красного эксперимента и всяческих дерзновенных свершений, на выходе получились весьма ущербные существа. Они не смогли ни восстать, ни толком адаптироваться к новому положению вещей. А именно способность к адаптации и сопротивлению – главные критерии при оценке качества человекоособи.

Был, конечно, бунт 93-го. Но запала хватило ненадолго. Да, танки, бьющие прямой наводкой по парламенту производят сильное впечатление. Но для «борцов с бандой Ельцина» это стало каким-то пожизненным шоком. После «черного октября» дополнительно особых репрессий уже не понадобилось. Все настолько притихли, что даже оппозиционные издания на всякий случай перестали покупать.

Ельцин, надо отметить, был вполне архетипичен. Он стал своего рода «казацким царем» (новое издание «тушинского вора» - оптимальное в тех условиях для «бояр»-олигархов прикрытие). Провозгласить с танка, мол, «я пришел дать вам волю» - чисто разинская стилистика. И действительно, условно «казацкий» - братковский элемент волю получил. Но за шумовой завесой битв новых атаманов олигархи стремительно создавали свои империи, приватизируя отрасли и регионы.

К середине 90-х даже возродили «семибоярщину» в форме «семибанкирщины». Однако «казацкий царь» себя исчерпал - пародийность фигуры стала очевидной до неприличия. И тогда «короновали» подходящего из «служивых».

Причем, интересно, что накануне буквально того, как в качестве преемника был выбран именно Путин, провели довольно нестандартный соцопрос. В ходе него у граждан интересовались, кого из литературных или киногероев они хотели бы видеть в качестве главы государства. Наибольшее число голосов набрал, что характерно, Штирлиц.

Оставалось только взорваться домам, и прозвучать грозному обещанию «мочить террористов в сортире», чтобы граждане поняли, кто именно этот вождь ими руководитель...

БезСмысленная империя

Князь Николай Трубецкой еще в 20-х годах прошлого века писал, что для сохранения единства России, после неизбежного падения коммунистической власти, необходимо будет дать народам Евразии новую мотивацию вхождения в ее состав.

После распада Романовской Империи, куда они были включены просто в качестве покорённых и присягнувших, а часто добровольно ушедших «под руку белого царя», спасаясь от соседей-хищников; большевики соблазнили их обещанием «справедливости для всех». А не поверивших в нее, оперативно репрессировали.

Нынешняя ЭРЭФия – образование абсолютно инерционное. То есть, никакого высшего смысла в совместном проживании множества весьма несхожих народов не наблюдается. Зато у их «элит» держаться вместе резоны имеются.

Для них федеральный центр – «крыша», гарантирующая коррупционную безопасность. Без нее они окажутся один на один с местными националистами и исламистами. Запад потребует проведения свободных и «равноудаленных» выборов. А за ними, ясное дело, последует крах, арест счетов и судебные преследования.

Зачем империя русским (именно русским, а не россиянским коррупционерам) тоже не совсем понятно. У большинства из них сегодня явно не наблюдается «комплиментарности» (этнической симпатии в терминологии Льва Гумилева) к представителям неславянских национальностей. Во имя чего им надо себя смирять и просто терпеть рядом тех, кто им просто (даже если предположить, что безосновательно) не по душе, русским никто даже не пытается объяснить. Просто, мол, должны и все тут.

Нет, геополитические основания приводятся. Интересующихся отсылаем к трудам Александра Дугина. Но, ведь интересующихся совсем немного. Большинство же живет страстями в состоянии перманентного полубреда...

Как это ни парадоксально, единственным представителем группировки держащей власть, который осознал необходимость сформулировать для империи некий смысл, оказался Анатолий Чубайс. Его формула звучала весьма экзотично – «Либеральная Империя». Имелось в виду, что миссия России в XXI веке – нести «свет» либеральных ценностей окрестным народам и способствовать утверждению в сопредельных странах демократических стандартов.

Интересно, что хотя и в крайне извращенной форме, идея эта, безусловно, воспроизводит исконный мессианский архетип. Однако главный приватизатор и электрификатор отказался от ее развития и пропаганды, поскольку, что внешняя, что внутренняя политика Путина никак не совпадала с означенным вектором. И Чубайс счел за благо не экспериментировать.

Почему же «спаситель» России от распада, стабилизатор Владимир Владимирович сам не ощутил потребности в имперской идее? А потому, что он мыслил принципиально иными категориями.

Главный конфликт его правления – Государство против ЮКОСа - был вызван отнюдь не тем, что державники решили пресечь хищничество олигархов. И группа Путина, и клан Ходорковского рассматривали Россию как корпорацию, как акционерное общество.

Изначально Владимир Владимирович был нанят главными акционерами в качестве гендиректора. И они полагали, что президент будет действовать в соответствии с делегированными полномочиями. Однако тот сам решил стать одним из главных акционеров. И стал.

При этом его взгляды на то как следует распоряжаться активами фатально не совпали с мнением Ходорковского, Березовского и иже с ними.

Дело в том, что МБХ намеревался разменять российские активы на зарубежные и лично (вместе с рядом коллег) инкорпорироваться в мировую элиту, для представителей которой такие понятия, как государственный суверенитет уже не существуют. Разумеется, вовсе не стремился он стать президентом РФ (в чем его обвиняли злопыхатели). Просто потому что РФ для него уже не было. Он видел только совокупность нефтегазовых активов, которые требовалось конвертировать во власть куда более высокого порядка, чем та, которую имеет хозяин Кремля.

Путин же был против дробления активов и жестко настаивал на том, чтобы его самого и его бригаду включили в мировую элиту в качестве «суверенных» акционеров АО «Россияния».

Взгляд на государство, как на корпорацию проявляется в поступках и словах Владимира Владимировича сплошь и рядом. Поэтому и наследник его первым делом заявил, что «национальная идея» не нужна, а нужен, мол, набор неких принципов. Так и есть. Если речь идет о корпорации.

Но для того, чтобы ее сотрудники трудились более эффективно (одно из любимых слов Путина), конечно, требуются не только материальные, но и моральные мотивации. И для того, чтобы их включить архетипы все-таки потревожили...

Русские против россиян

Гражданская война для России не аномалия, а форма существования. Более того, другой формы мы и не знаем. Впрочем, это отнюдь не означает, что война вечна. Просто должны быть устранены причины ее питающие.

То есть, либо мы сумеем наконец добиться синтеза Святой Руси и Третьего Рима - построим все же Святорусскую Империю, как называл нашу Родину князь Андрей Михайлович Курбский; либо идеалы обеих исконных моделей станут для нас неактуальны. Правда, в этом случае мы просто перестанем быть русскими. Большинство превратится в ни на что негодную массу, которую, спишут со счетов. А меньшинство станет вполне пригодными для «дивного нового мира» общечеловеками.

Либералы начала 90-х если и не рационально, то на уровне инстинктов это понимали. А соответственно, борясь за наше «умиротворение», вполне закономерно разрушали национальную матрицу как таковую, методично глумясь как над всем святорусским, так и над третьеримским. Однако с приходом Путина произошел перелом.

Вот цитата из текста автора, относящегося как раз к тому периоду, (опубликован в «Лимонке» № 142): «На polit.ru один из идеологов нового правления Виталий Найшуль нарисовал грандиозную картину готовящейся либеральной консервативной революции (извиняюсь за выражение). Он призывает обратиться к опыту доимперской Руси. Вполне откровенно констатирует, что все ресурсы уже поделены и за "материальный интерес", как при Ельцине, процесс организовывать не удастся. Делается вывод: надо включать моральные факторы, путём актуализации архетипов. Во как! Раньше, глядя на Гайдара и ему подобных, можно было тешиться мыслью, что они, в силу врождённого идиотизма, реальных законов жизнедеятельности общества понять не в силах, а, следовательно, обречены. Теперь всё иначе. Если с архетипами они совладают, и люди, а главное менты и армейцы поведутся, процесс прочухивания ими собственной опущенности затянется. Но, в то же время, ещё не факт, что всякие глубинные потоки удастся направить в заранее вырытое русло. Есть шанс перехватить инициативу...»

Жизнь подтвердила, что безнаказанно баловать с архетипами нельзя. За последние годы проявилось новое поколение националистов, мыслящих принципиально по-новому. Наиболее последовательные из них только себя считают русскими, а окружающее постсоветское население – «россиянами».

Эту интуицию, необходимо осмыслить. Поскольку из нее вытекает в пределе, что гражданский конфликт может трансформироваться в «межэтничный».

Русские характеристики:

История. Живое ощущение включенности в историческую цепь поколений. Реальное чувство родства с героями нации самых далеких исторических эпох.

Государство. Аппарат РФ воспринимается, как чуждая тираническая, тотально нелегитимная система подавления – узурпатор.

Свобода. Ощущается неотъемлемым свойством русского человека. Органично сочетается с чувством естественной солидарности со СВОИМИ. И проявляется, прежде всего, в праве самостоятельного принятия решений, определяющих жизнь личности.

Самоорганизация. Сегодня проявляет себя как сеть. Очевидно тяготение к формам военной демократии, воспроизводящим классические «варварские» образцы.

Ответственность. Развитое чувство ДОЛГА перед нацией, перед общиной, перед семьей.

Вера. Стремление обрести реальный духовный опыт. Неформальное, личностное отношение к сакральным аспектам наследия нации.

Сила. Культ физического здоровья. Требование к каждому СВОЕМУ уметь защитить себя, семью, нацию.

Россиянские характеристики:

История. Полное отсутствие исторического самосознания. Былое не вызывает никаких эмоций, воспринимается как нечто абсолютно постороннее и неактуальное.

Государство. Воспринимается как неизбежное зло. Зло, при этом, абсолютно легитимное, правомочное карать и миловать. Очевидная несправедливость приговоров не провоцирует и тени сомнений в оправданности существующей системы.

Свобода. Не воспринимается как ценность. Вызывает тревожные ассоциации. Поскольку россиянин не способен на свободу, зато очень даже способен на произвол, он всегда готов делегировать право решений начальникам. Каковы призваны контролировать и обуздывать его саморазрушительные импульсы.

Самоорганизация. Практически не способны на таковую. Некоторые примитивные формы возникают только когда затронут материальный интерес – обманутые вкладчики, дольщики и прочие объединения терпил.

Ответственность. Чувство долга отсутствует в принципе. Россиянин тотальный индивидуалист. Любые обязанности воспринимаются им как бремя. Их исполнение обусловлено исключительно той или иной степенью утраты (от угрозы голодной смерти, до прямого административного принуждения).

Вера. Принципиальная неспособность на что-либо кроме следования некоему набору общепринятых суеверий. Участие в традиционных обрядах без всякого желания проникнуть в их суть. В случае личных неурядиц возможны срывы – уход в тоталитарные секты. Они обеспечивают полную «свободу» от Свободы и сопряженной с ней ответственностью.

Сила. Тотальное безволие и неспособность мобилизовать себя для некой физической активности. Наплевательское отношение к здоровью, но панический (в силу того, что

загнан в подсознание) страх перед смертью. Соответственно, стремление в случае осложнений «вылечиться» магическим способом, ничего не меняя в своем образе жизни.

Наследие предков

Характеристики можно множить. Но и так очевидно, что принадлежат они абсолютно несхожим этносам, находящимся в полярных фазах своего бытия. У одного подходит к финалу процесс деградации. Второй – в фазе пассионарного толчка. Причем, если россияне по своим характеристикам евразийский этнос, то русские – европейский. Причем, европейский в изначальном, примордиальном смысле. В отличие от современных европейцев, радикально, акцентирующий свою белую сущность. Но русские дореволюционные и постреволюционные тоже были евразийским этносом, только живым, а не полудохлым, в отличие от россиян.

Таким образом, русские № 2, воспроизводят, судя по всему, матрицу еще домосковскую и даже домонгольскую – матрицу русов, на пороге осознания себя Святой Русью. То есть, совсем не так вышло, как мечталось Найшулю.

Разумеется, перечисленные характеристики принадлежат неким идеальным типам. В реальности носителей полного их набора не так много. Но очевидно, что сегодняшняя тенденция такова, что пропасть между двумя «этносомами» углубляется.

Противостояние между русскими и предками «россиян» началось не сегодня. Оно идет буквально от начала Руси. Генерал Петр Краснов в своем романе «За чертополохом» набросал впечатляющее батальное полотно: «Русь двулика, и в этом отличие ее от Запада. И буквально двулика! Помню, мне моя мать это часто повторяла. И одно лицо — пьяное, широкие скулы, вздутые щеки, приплюснутый обезьяний нос, ноздрями вперед торчащий, рыжая, ключьями борода, длинный стан, длинные руки, короткие кривые ноги, пакостная ругань на устах, вши в волосах, колтуном торчащих, блохи и клопы на теле. Пьяная, грязная бедность в избе, и глупое бахвальство, и тупость, до анархизма доходящая. Разве не читали мы про такого мужика? Разве не из этих кретинов-мужиков народились все те, которые валили трон и издевались над религией? У него и подруга была соответствующая. Пьяная, вечно брюхастая баба, круглоликая, циничная, грубая, и такая же грязная, как и ее обладатель... Такой видел я Русь на многих картинах, о такой читал, и эта Русь, голодная, металась в двадцатых годах, и гибла от голода и болезней, и падала под огнем пулеметов... Но, господа, есть и другая Русь... Вижу я и очи соболиные, и прямые и тонкие носы, и брови, сросшиеся на переносице, и губы, твердо сжатые, вижу я и это железное упорство в работе, храбрость непреодолимую, мужество, терпение, выносливость! Тот же мужик, та же изба, а все не то. И хозяйка не та. Красивая, стройная,

ловкая. Глазом поведет — сердце остановит... Та Русь — отчаянная и отчаявшаяся, та Русь — никчемная, гнилая, трухлявая, сегодня отречется в угоду царям от своей веры, завтра пойдет за кем угодно, послезавтра и Бога оставит. Сегодня кличет своему выборному вождю: «Веди нас!» Завтра кричит уже: «Долой!» Но не она — Россия. Россия прекрасная, сильная — это та, вторая Русь. Она создала богатырей киевских, что заставами стали по всей Святорусской земле, боролись с Соловьями-Разбойниками, истребляли Идолище Поганое, освободили Русь от татарвы неистовой. Та пьяная, никчемная Русь роднилась с татарами, кланялась им и служила. Из этой, нарядной и красивой, Руси сложился прекрасный быт Святорусской земли, с ее соколиными охотами, садами тенистыми, теремами высокими, любовью крепкой и святой и верой православной. Она писала «Домострой», чтобы обуздать ту пьяную, паршивую Русь, она создала «Слово о полку Игореве», памятник красоты неописанной. Она строила кремли, она создавала Василия Блаженного, и она же рубила головы той, первой, Руси. Русь — это борьба. И не борьба классов, не борьба феодалов с вассалами, а борьба брата на брата, подвохи и доносы бояр на бояр, пускание красного петуха и борьба деревни против деревни, семьи против семьи. И Русь благородная всегда, в конце концов, побеждала».

Генезис дегрантов

Но пускай, битва идет веками, радикальная поляризация сторон конфликта происходит именно сейчас. На наших глазах и с нашим участием.

Россияне ни одной из мессианских традиций не наследуют. Им чужда и величественная эстетика империи (с ее категорическим требованием принесения всего личного в жертву государственному проекту), и духовно-социальный максимализм Святой Руси. Они — печальное следствие гражданской войны. Причем, уже непосредственно той ее фазы, что стартовала в 17-м. Фазы, которая стала апофеозом многовекового противостояния.

Россияне — закономерная производная от «совков». Последние вовсе не были обычными (как и везде) обывателями. Они были циничными обывателями, не верящими в базовые государственно-партийные установки. Их собратья из США, например, верили. И как раз являлись опорой существующей там системы. «Совки» же с легкостью и безоглядностью отреклись от государственного устройства, которое было для этого человеческого типа подлинно «райским».

Потомки «совков», россияне, вообще, лишены общеобязательных моральных устоев (опять-таки в отличие от западных обывателей). Для них «хорошо» то, что хорошо лично для них.

Утративших веру в справедливость для всех, легко «купили» на либеральную сказку о достатке для каждого. А когда они «попали», их предоставили самим себе, лишив всех и всяческих ориентиров, взамен дав Кашпировского, порнуху и Петросяна. Все это наложилось на еретический лозунг классика «человек создан для счастья, как птица для полета» (активно внедрявшийся советской школой в сознание любого самого бессмысленного персонажа).

И убежденные, что «право имеют» на счастье (а его каждый понимает в меру своей испорченности), они закономерно пришли к каннибализму. Сегодня сюжеты о диких нравах россиян – постоянно демонстрируют им же в «программах максимум» и прочих диверсантских телепроектах. Чем снова и снова дают понять: быть дегенератом – это «нормально».

В итоге народ продолжает дичать. Самый зримый показатель вырождения – отношение к детям – рост маньяческих по отношению к ним проявлений, мировое лидерство России по количеству абортот.

На фоне тотальной и главное, вполне закономерной деградации россиян, русских (новую Русь) можно расценить, как результат своеобразной позитивной мутации – появления особей, адаптировавшихся к «радиации».

«Ядерная бомба» коммунистов разорвала на части ядро нации. А «грязная бомба» либералов превратила атомизированное население в зомби.

Итак, только новая Русь может унаследовать национальную традицию во всей ее полноте. Но, при этом, главное – не унаследовать гражданскую войну. Смыслы русской истории должны быть осознаны до последних глубин, потому что корни войны, практически уничтожившей великий народ – там.

Могут ли россияне снова стать русскими? Такой шанс исключать нельзя. Но для того, чтобы его реализовать, как во времена Рюрика, власть должна взять Русь.

Русский образ врага

Для того, чтобы выжить и победить, надо понять откуда исходит угроза, и кто враг. Ложные страхи так же губительны, как и «общечеловеческое» благодушие. Старую формулу можно переиначить: «скажи мне, кто твой враг и я скажу кто ты». Так сегодня актуальней.

Дальше тянуть с этим самоопределением нельзя. Потому что отступать некуда. Страна есть, а народа нет. Есть население, состоящее из миллионов чужих друг другу существ, находящихся в состоянии войны всех против всех.

У них нет общей Веры и общей Правды, общего добра и общего зла. Есть только общий смех над ежевечерним Петросяном. И слепы не только они сами, но и их поводыри. Само чувство самосохранения требует отделения, выхода из накатанной колеи в пропасть - на обочину. Кажется, это называется стать маргиналом...

Тем, кто сегодня продолжает упорно считать себя русским и не боится так себя называть, необходимо опознать СВОЙ ОБРАЗ – РУССКИЙ ОБРАЗ.

А значит, нужно опознать и образ врага. С молоком матери в поколения вливали чувство внешней угрозы. Якобы нас всегда, всю нашу непростую историю «хотели поработить захватчики». Под «порабощением» подразумевалась оккупация, чреватая утратой национально-культурной самобытности и зверским угнетением.

Сегодня имеют официально утвержденное право голоса пропагандисты двух видов. «Государственники» развивают описанную традицию, а либералы, напротив, над ними глумятся и отрицают вообще саму неизбежность и неотвратимость такого явления как ВРАГ.

Последние тоже бывают двух типов. Одни вполне искренни. Это потомственные, как правило, интеллигенты-западники. А соответственно, существа, не имеющие никакого понятия о жизненных реалиях. Гражданам, утверждающим в публичной дискуссии, что главное самому вести себя «общечеловечно», и тогда никто тебя не тронет, хочется в качестве наглядного опровержения этого тезиса просто тут же съездить по физиономии, чем доказать наличие в мире немотивированного и беспощадного насилия.

Другой вид либералов – циничные, закоренелые русофобы. Таковые убеждены, что этот варварский народ требуется «одомашнить», чтобы он стал хотя бы внешне напоминать граждан «цивилизованных стран». Ну, а если в процессе «дрессуры» «животное» просто сдохнет, ну так тому и быть. То есть, с этими господами все ясно. Они для нации – «чужие» (в голливудском смысле этого слова).

А вот с «государственниками» сложнее. Вроде врагов они нам предлагают таких, что и в самом деле на неприятелей похожи – на товцы, к примеру, американцы. А ну как, пожелают они нас «оккупировать», как «псы-рыцари»? Действительно, становится тревожно...

Но страх отступает при более внимательном прочтении исторических документов. Обнаруживается, что никогда и никто (кроме Гитлера, да и его планы, а главное причины, толкнувшие на агрессию, были не столь однозначны) не намеревался нас оккупировать.

Были набег, были войны с целью отнять у нас что-нибудь или принудить к чему-нибудь. Но вот, конкретно оккупировать враги нас даже не пытались. В самом деле,

пресловутые монголо-татары устроили погром и ушли себе на Волгу. Оставили только сборщиков дани. Да и эту функцию потом князьям местным передали.

«Польские интервенты», напомним, в Смуту процентов на 80 состояли из запорожцев. Потому как, Сейм Речи Посполитой совсем не одобрял московскую авантюру Сигизмунда, и только казаков он и смог в поход поднять. Да, и по-любому, король на трон претендовал, а не на ополячивание Руси. Это было заведомо невозможно.

Или может, Наполеон Россию намеревался присоединить к Франции? Бредова сама эта мысль. А все потому, что любой агрессор понимал: не хватит у него людских ресурсов для того, чтобы контролировать всегда гигантскую (по европейским меркам) территорию нашу.

Итак, оккупации не было, и нет, а последствия ее, между тем, налицо – утрата русскими национально-культурной самобытности, общая «быдлизация», ощущение абсолютной незащищенности себя и своих близких. Множить характеристики или достаточно?

Кто же сей оккупант? Кто главный ВРАГ? Вопрос основной, потому что, только заглянув в его глаза, мы увидим себя – увидим РУССКИЙ ОБРАЗ.

Есть подозрение, что это, как раз «государственники», пугающие нас внешней угрозой. Нет, либералы, для которых русский=фашист не лучше, но с ними все ясно. А эти – «скрытая угроза». Потому как говорят они «правильные» (на самом деле, просто привычные с молочного возраста) слова.

Но неужели они неправы, и нам вовсе не грозит утрата суверенитета над национальным достоянием – природными ресурсами? Неужели «мировая закулиса» не планирует их «интернационализировать». Разумеется, планирует. И больше того, намерения эти с успехом реализует. Только причем тут «угроза натовской агрессии»?

Суверенитет над этими ресурсами нацией уже утрачен, хотя бы потому, что никто эту самую нацию не спрашивает о том, как ими распоряжаться. Да она и не имеет понятия, что в реальности с ними происходит.

Заметим, что прямое военное вмешательство приносило американцам ожидаемые плоды в последние годы только в случае с Югославией. И именно потому, что ни о какой оккупации там речи не было. Там, где имели место наземные операции, результат оказывался весьма далек от прогнозируемого. Кстати, опыт Ирака и Афганистана свидетельствует - для того, чтобы эффективно противостоять оккупантам, в современном мире не нужны тысячи ракет с ядерными боеголовками. Нужны фанатично идеологически мотивированные террористические бригады. И все...

А вот удары с воздуха по Белграду привели к очевидному успеху – к замене режима частично подконтрольного на полностью лояльный.

Но Россию то зачем бомбить? Когда она и так – «основной гарант энергобезопасности Европы». Недопонимание у одной из ветвей «закулисы» с нашими нынешними правящими «государственниками» возникает только по одному вопросу – формату «интернационализации» российских ресурсов. Западным «радикалам» желательно, чтобы их компании напрямую владели нашими активами. А российские власть предержащие «патриоты-государственники», для которых страна – это бизнес-корпорация, настаивают на том, чтобы менеджмент оставался местным.

Конечно, есть среди них и такие, которые во всей этой истории в доле достаточно не за дорого и опосредованно. И их, помимо «крох с барского стола» питают давние имперские традиции.

Но Петербургская Империя, уж точно, не во имя русских интересов созидалась и действовала. А сколько было агентов влияния «натовских» при дворе тогдашнем, и не сосчитать...

Да, потом, со «святорусской» точки зрения, государство, имеющее целью своей не утверждение и сбережение Веры и Правды, а наращивание собственного могущества, под вывеской обеспечения «стабильности», по определению, не имеет себе оправдания. Оно истинно русским не нужно, оно им чуждо и враждебно.

Один генерал ФСБ задал как-то своему подопечному, скатившемуся в экстремизм, фундаментальный вопрос: «Определись, ты правый радикал или государственник?». И он прав. Обязательно надо определиться.

Ведь, вполне очевидно, что националист может быть государственным только по отношению к государству, созданному и функционирующему в соответствии с национальными представлениями о его цели и смысле. Только в этом случае оно будет действовать в интересах нации.

«Стабильность», которую обещают сегодня «государственники во что бы то ни стало» нужна россиянам. Потому что стабильность – весьма комфортная среда для вырождения. Стабильность - это «ИХ ВСЕ». А для русского «коли Правды нет, то ВСЕГО нет». Вот он и проявился снова образ врага-антипода нашего...

Гигиенические меры

А вы, может, думали, что враги главные – меньшинства всякие, легальные и нелегальные? Но такова природа нашего падшего мира – то, что не развивается, то

разлагается. Есть, конечно, паразитические организмы, которые этому процессу способствуют. Но не они его причина. Причина – в согласии разлагаться.

Для того, чтобы тебя уважали агрессивные чужаки, ты, для начала должен научиться сам себя уважать. Если ты не желаешь смиряться с тем, что окружающая тебя среда, становится культурно и этнически чужой, ты должен четко понять, что из себя представляет подлинно «свое», какими должны быть настоящие «СВОИ».

Если бы по улицам наших городов и сел ходили могучие зигфридоподобные «добры молодцы» и целомудренные брунгильдообразные «красны девицы», кто бы посмел и рискнул их не уважать? Сегодня же мы наблюдаем физически и морально кривых персонажей, чужих и друг другу, и своим предкам. И назвать их высоким словом «нация» означает цинично надругаться над самим этим понятием.

Россияне – это духовные бомжи, вне зависимости от уровня доходов, комфортабельности или, напротив убожества жилища. У них отсутствует само понятие о нравственной гигиене. И именно этим они и отличаются фундаментально от традиционных обывателей. И именно поэтому на них паразитируют этнические и голубая мафии, а также их крышующая и ими питаемая бюрократия, вкуче с коррупционно повязанным ею бизнесом.

То есть, с паразитами невозможно совладать, если нас окружают массы, которые от них, хотя и «чешутся», но в целом, не видят в их существовании, основанном на «кровеносущей» активности, никакой аномалии. Безусловно, это не означает, что с паразитами не следует бороться здесь и сейчас, но при этом надо сознавать, что плодят их «бомжи».

Итак, как с ними быть? «Бомжей» можно либо изолировать, то есть, в нашем случае, от них отделиться, либо их «завоевать», принудительно отмыть и пинками заставить быть похожими на русских. Последнее подразумевает приход русских к власти в России.

В первом случае, если строить свою альтернативу всерьез с опорой на архетипы (а иначе очередная химера будет), получится некая неоказацкая республика. Куда доступ нежелательным мигрантам, как из дальнего зарубежья, так и с сопредельных российских территорий, ясное дело, будет закрыт.

Если же удастся воплотить в жизнь программу максимум, и станет возможна реализация полноценного третьеримского проекта с неславянскими этносами придется разбираться конкретно. Очевидно, что официально должна быть провозглашена формула: «Россия есть государство, построенное русскими в сотрудничестве с другими коренными этносами Евразии». И народы эти просто должны будут принять решение – с кем они.

Если с русскими, то в дальнейшем обязаны будут уважать русские правила общежития. Со всеми вытекающими...

Если нет – на выход. Но не с вещами. Русский вклад в развитие экономик этих территорий не может игнорироваться. Соответственно, мы будем вправе потребовать долю.

Для русского националиста (если он, конечно, тот за кого себя выдает, иногда люди искренне в понятиях путаются), превыше всего должна быть не Россия, а русская нация. А она не есть сборище людей, объединенных языком и единством места проживания. Нации неотъемлемо присущ комплекс идей, которые являются ее душой, смыслом того, зачем она, собственно, есть.

Они, идеи эти, живы и непобедимы до тех пор, пока сохраняется хотя бы «малый остаток» тех, кто помнит, что это значит быть русским. А территория и государственная мощь дело наживное. Нация может необратимо деградировать, при наличии пронизывающей ее как шампур властной вертикали, столь же успешно, как и в ситуации Смуты. И не менее стремительно, кстати.

Ведь решающий фактор не вертикаль, как таковая, но качество человеческого материала, из которого она изготовлена. А также то, с какой целью (не декларируемой, а подлинной) ее сооружают. Формально она может быть призвана крепить единство власти и народа, и обеспечивать контроль за бюрократией, а на деле использоваться исключительно для эффективного перемещения коррупционных массивов снизу вверх.

Что делать?

Вот уже не первый век апологеты «стабильности» уверяют, что «самодержавие есть палладиум России». Из чего последние скоро уж сто лет делается вывод, что за неимением монархии подойдет и диктатура. Якобы русские люди больше всего на свете ценят «твердую руку», а насчет всего остального, могут и потерпеть. «Что конь без узды - то царство без грозы» - поговорка популярная еще в Средние века. Однако «коли правды нет, то всего нет» сформулировали тогда же.

Бесплодно пытаться доискаться - кто в гражданской был «плохой», а кто «хороший». Потому как: «не судите, да не судимы будете». Да и потом своя когда «полуправда», когда «четвертьправда» всегда была у любой из сторон. Но каждый легко может, вжившись мысленно в историческую ситуацию, догадаться с кем был бы он лично.

При этом, очевидно, что два русских проекта, а точнее два задания – «Святая Русь» и «Третий Рим» даны были не разом, а последовательно. И как раз потому, что «Третий Рим» есть, на самом деле, просто имперская форма, наполненная святорусским

содержанием. То есть «ТР» без «СР» - безСмысленная империя. В истории мы наблюдаем ожесточенное противостояние носителей двух идей, каковые должны были бы слиться воедино.

При этом, никак нельзя утверждать, что апеллировали к ним всякий раз осознанно или искренне. Немало примеров спекулятивного или бессознательного их использования. Это, впрочем, никак не отменяет утверждения, что концепты эти были скрытыми пружинами самых разнообразных движений, и именно благодаря им получали легитимность лидеры таковых.

Это все констатации. Но, что собственно дальше? Что делать? - еще один популярный в России вопрос. Ответ очевиден – «Святая Русь» должна стать субъектом актуального политического действия. Ведь, при любом раскладе, чтоб претендовать на насыщение смыслами, предположим, существующего квазиимперского формата, «русская правда» должна сама обрести адекватную времени форму.

Если же проект «ТР», окажется окончательно провален, «СР» сможет, как это не раз в истории бывало, существовать автономно.

Но в любом случае, задачу синтезировать Веру и Правду никто не отменял. Только так победим. Однако, среди тех, кто готов сегодня жизнь отдать за Русский порядок (что в новых исторических условиях есть синоним Русской Правды) не так уж много тех, кто ВЕРИТ. И тому есть целый ряд причин.

Прежде всего, они не доверяют значительной части нынешнего клира РПЦ, упорно воспроизводящего худшие осифлянские образцы. Национальное возрождение немислимо без подлинного Торжества Православия, которое станет возможным только при условии возвращения к демократическим и нестяжательским традициям Святых Отцов Церкви. Тем не менее, уже сегодня от каждого, кто осознает угрозу, нависшую над русскими, как нацией, требуется подвиг Веры.

Почему надо верить?

(Попытка проповеди)

Сначала о том, чем традиционно обосновывается то, что верить не надо:

1. Бытие Бога и бессмертие принципиально недоказуемы, а раз так, то глупо напрягаться и ограничиваться (позиция агностика).
2. Бог по определению есть добро и благо, в мире же царствует зло, значит либо Бог не всемогущ, а значит он не Бог, либо его нет (позиция Лотреамона и прочих карамазовых).
3. Христианство культивирует покорность, слабость, а раз так, - нечего и рассуждать, есть ли, нет ли Бога, потому как мы не рабы, рабы не мы (позиция Ницше, Эволы).

4. Жирные попы ездят на шестисотых «меринах» - значит, все, что они говорят - обман (позиция лоха).

5. Христос - еврей, а мы арийцы (позиция скина-язычника).

6. Ну не нравится мне это все (позиция эстета).

Разберемся по порядку.

1. Есть такая формула обоснования оправданности Веры, «пари Паскаля» называется (был такой философ французский). Сводится она к тому, что если человек просто на удачу (бытие Бога действительно недоказуемо, как впрочем, и обратное), как в казино, делает ставку на Веру, то выиграть он может бессмертие, а проиграть всего лишь временные удовольствия, которые для мыслящего существа все равно всегда отравлены неотвратимой перспективой смерти (у не мыслящих конечно иначе, но вся эта аргументация, разумеется, не им адресована).

Теперь проиллюстрируем данную формулу примером наиболее близким истинно русским (они никогда от тюрьмы и сумы не зарекаются). Предположим, вы сидите в «исправительном» заведении, где все заключенные, и вы в том числе, приговорены к смертной казни. Дата приведения приговора в исполнение ясное дело неизвестна. Сидите вы в пристойных условиях, типа, как в тюрьмах, которые мы видим в голливудских фильмах. То есть кормят вас на убой, спортом можно заниматься, в азартные игры с братвой играть, и даже (представим такое) бабу себе можно заказать.

Но казнь неотвратима, приговор обжалованию не подлежит. В то же время среди зэка бродит легенда о том, что некоторые обитатели одиночек (лишенные всех вышеописанных прелестей общего режима) смогли бежать, продолбив стену тюрьмы. Долбили, говорят, они днями и ночами, причем в основном головой (вертухаи в эти камеры не заходят, только через кормушку еду передают, крайне скудную, кстати). В одиночку можно попасть, закосив, к примеру, под дурака, и долби себе. Только гарантии, понятное дело нет, мало ли чего зэка со скуки напридумывают. Но в случае удачи, вы - круче, чем граф Монте-Кристо.

2. Христос неоднократно говорит, что «мир во зле лежит», что «князь мира сего» - дьявол. А сам Христос «принес не мир, но меч», дабы существующий дьявольский миропорядок разрушить. Об абсолютном же всемогуществе Бога говорить нельзя с момента сотворения человека, наделенного свободой воли, т.е. Бог самоограничен.

Человек, согласно Библии, сознательно отпавший от Бога, избравший себе Князем сатану, тем самым и себя и саму природу, властелином которой он был создан, отдал в рабство. И на земле в связи с этим, в полном смысле слова, творится черт знает что. Не нарушая принципа свободной воли, Бог мог радикально вмешаться в ситуацию, только приняв

образ человека, пройдя по крестному пути, умерев в муках, сойдя в ад и в итоге воскреснув. Указав, тем самым, каждому человеку в отдельности и человечеству в целом путь избавления от рабства.

3. Путь аскезы, что угодно - только не путь слабых и покорных. Это реальная война со смертью, живущей в тебе и живущей тобой. Отречение от своей «человеческой, слишком человеческой» сущности, отнюдь не бессмысленное самоистязание. Вычищая из себя человеческое, страстное, аскет дает возможность проявиться божественным энергиям, которые иначе никак не проникнут сквозь заскорузлую шкуру зверчеловека.

Божественные энергии тотально преображают человека, делают его способным на немислимое и просто невозможное. Можно не верить в реальность вполне документально подтвержденных чудес, можно объяснять все «стечением обстоятельств», как Винсент Вега в «Криминальном чтиве», только стоит иметь в виду, его трагическую и бесславную кончину.

Российская интеллигентная и около того публика евангельского Иисуса чаще всего просто не знает, знает ренановско-толстовско-булгаковского. Но сей дегенеративный персонаж не имеет ничего общего с Христом-биченосцем, пинками выгоняющим из храма торговцев, непоколебимо безмолвным на допросе у прокуратора.

Пришел Он не ко всем, а только к избранным, обладающим достаточной силой, чтобы взвалить на плечи крест свой. Нагорная проповедь, это в которой о «плачущих и жаждущих правды», адресована тем, кому категорически не в кайф в «концентрационной вселенной», кого её законы, включая закон всемирного тяготения ну никак не устраивают, короче, это – «реалисты, требующие невозможного». Она - не для свиней, перед которыми он прямо таки запрещает «метать бисер» слов, кои воспринять эти скотинки не способны.

4. Священники вовсе не являются образцом для подражания. Образец - Христос и святые. Священники всего лишь, в силу своего посвящения, обладают некоторыми особыми свойствами, которые не исчезают даже в случае их не шибко нравственного поведения.

Проводник не теряет способности передавать электрический ток, в случае если изоляция грязная и исцарапанная. Главное, чтобы цепь была замкнута. Во время богослужения она замкнута. Всё вышесказанное не отменяет личной ответственности некачественного «проводника».

5. На самом деле, как следует из евангельских текстов, Христос именно стремился быть распятым, чтобы, добровольно приняв безвинные страдания позорной и мучительной казни, указать путь победы над главным дьявольским искушением, искушением любви и жалости к себе. Но в каком регионе планеты Земля в ту эпоху могли казнить за то, что некто назвал себя Сыном Божьим, - только и исключительно в Иудее. Для греков, римлян,

индусов, китайцев и прочая претензии на данный высокий статус человека, реально творящего весьма нехилые чудеса, не вызвали бы никаких возражений. Так и где же таки Богу было воплощаться?

6. Тут возразить нечего, скорее всего Он не за вами приходил и не для вас говорил. Relax.

Теперь о христианской «покорности» «всякой власти». Мы не будем рассматривать данный феномен в исторической перспективе. Скажем о сегодняшнем дне в контексте дикого российского капитализма.

Сребролюбие - один из смертных грехов. В то же время капитализм, вообще, общество, в котором рыночные отношения доминируют над всеми прочими, есть, таким образом, общество тотального греха. С точки зрения отцов Церкви даже простое накопительство есть проявление неверия в промысел Божий, а, следовательно, греховно.

Все, что имеет человек сверх того, что необходимо для элементарного жизнеобеспечения, они предписывают раздавать нуждающимся. И это не благопожелание, а императив. Почему повседневная практика РПЦ не всегда и не во всем соответствует заповедям, имеющим «социальное звучание» - вопрос к представителям осифлянского клира, а не к Христу и апостолам.

Теперь о «непротивлении злу насилием». Желаящих подставлять, кому попало под удары щеки, среди представителей молодой Руси тоже не наблюдается. Но этого от воинов и не требуется, представьте себе. Более того, не требуется и щадить врагов.

Взявшему меч

Общечеловечки постоянно утверждают, что убивать людей нельзя. Даже если очень хочется...И смертную казнь всячески отрицают, ссылаясь на, якобы, императив, «не убий». Но, спрашивается, где и кто дает соответствующую установку?

Открываем Библию и в 20 главе книги «Исход», в самом деле, обнаруживаем заповедь «не убий». Дана она Богом Моисею. Но переворачиваем страницу и в 21 главе тот же источник предписывает: «Кто ударит человека, так что он умрет, да будет предан смерти». И дальше: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу...»

Что же это - парадокс, противоречие, которых, по мнению все тех же либералов, в Библии множество? Ничего похожего. Формула «не убий» вовсе не содержит того смысла, которым его нагружают многие поколения гуманистов. Это просто установка, что убивать плохо. Для либералов это само собой разумеется. Однако разумеется это, на самом деле, отнюдь не само собой.

Никак ведь рационально обосновать непозволительность убийства нельзя. Абсолютно не понятно, почему, в самом деле, нельзя убить кого-нибудь, кто тебе мешает, не нравится или просто попал под горячую руку. Тезис, что, мол, не надо делать другим, чего сам себе не хотел бы, не работает. Потому как, во-первых, некоторые и своей жизнью не дорожат. А, во-вторых, можно стать супер-бойцом и всех мочить, без особых для себя последствий.

И в древности, пока не знали люди, что Бог убивать не велит, таких персонажей называли «героями». Читайте Илиаду.

Соответственно «душу за душу» и «око за око» - развитие первого тезиса. За предосудительное действие (убийство), полагается возмездие. Причем, опять-таки, данную форму воздаяния либералы трактуют, как Божье попустительство варварским инстинктам. И снова все извращают...

«Око за око» - заповедь глубоко гуманистическая по своей сути. Поскольку «герой», в античном понимании, почитал добродетелью за утраченное «око» непременно оторвать обидчику голову.

«Ну, предположим, - скажут гуманисты, - но это все в Ветхом Завете, а Христос велел не противиться злему и щеку то одну, то другую подставлять». Все так. Вот, только, кому, зачем и почему Он велел? Это принципиально важный момент.

Говорит все это Христос в Нагорной проповеди. И предписания эти именуются «заповеди блаженства». Предваряет их Господь знаковым замечанием: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдут небо и земля, ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все».

То есть не было у Христа намерения отменять принцип возмездия. Никак нет. Но он развивал логику милосердия. Давал понять, что «око за око» - гуманно, однако простить – лучше. Лучше для кого? Для прощающего. Потому как, отрекаясь от мщения, от гордости и привязанности к своему Я, человек обретает «блаженство».

Он сам, отказываясь судить, становится неподсуден. Человек, избирая такую модель поведения, активно претендует на милосердие Божье. Это его личный выбор на пути к Спасению.

Но он не имеет никакого отношения к нормам, по которым предписано действовать, что называется в миру, если не желать, конечно, чтобы мир этот погрузился в тотальный хаос. Это, кстати отлично иллюстрирует коллизия, сложившаяся вскоре после принятия Русью христианства.

Именно греческие епископы рекомендовали князю Владимиру заимствовать римско-византийскую карательную систему, широко применявшую смертную казнь. Когда разгулялись лихие люди, к Владимиру пришли епископы и спросили: «Умножились разбои, почему ты не казнишь их?»

«Боюсь греха», — отвечивал князь.

«Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоит ты казнити разбойника, но со испытанием» (т.е. с установлением вины).

Так что, пусть либералы, какие другие аргументы поищут. Ссылки на Библию не работают. Она никак не отрицает ни смертной казни, ни личного возмездия.

Она просто предупреждает о возможных последствиях. Как, когда Апостол Петр бросился с ножом на одного из тех, кто пришел Господа арестовывать, Христос сказал ему: «взявшие меч, мечом и погибнут». Согласитесь, нет тут никакого принципиального запрета на применение оружия. Просто уведомление, насчет того, что путь меча – путь обоюдоострый.

Но выбор за нами. Как сказал Апостол Павел, «все вам позволено, но не все полезно»...

Партия-орден

Слово партия, как известно, латинского происхождения. Оно означает часть некоего целого. То есть, сходу подразумевается общественный раскол.

Но даже если абстрагироваться от происхождения слова и принципа якобы благотворности множественности политических образований, вполне закономерен вопрос: А зачем вообще нужны партии?

Он отнюдь не праздный и ответ на него совсем не очевиден.

Русские люди убеждены, что государство должно выполнять не только полицейские функции, но и брать на себя весомые социальные обязательства.

Государство, как воплощенный принцип абстрактной законности нам вообще чуждо. Государство – это наше общее дело. А значит, ему должно быть дело до нас, а нам до него.

Экономика, при этом, разумеется, должна быть рыночной, но не беспредельно. А субъекты рынка не могут быть одновременно политическими субъектами (казус Ходорковского).

Опять-таки большинство хочет гордиться своей родиной. А для этого она должна быть могучей, не побоимся этого слова, мировой державой. Это наш естественный масштаб. Русский размер.

Но все это может состояться и не выродиться при этом в деспотию, только при условии подлинного, а на парадно-бутафорского, торжества Православия. То есть, в случае, если Вера вернется в каждый русский дом. Не принудительно, разумеется. А благодаря осознанию, что это единственная альтернатива массовому одичанию.

И православными, согласно самым разным соцопросам, себя называют сегодня от 70% до 80% граждан РФ. Разумеется, в большинстве своем они вообще понятия не имеют о том, что это значит ВЕРИТЬ. Но подобная самоидентификация тоже о многом говорит.

Вот, собственно, и все. Та партия, которая напишет вышеперечисленные лозунги на своих знаменах и, что самое главное, реализует их на практике и станет подлинно всенародной. И у нее не будет конкурентов.

КПСС, разумеется, никак не могла адекватно выразить национальную идею. И народу померещилось (потому что ему это внушили), что спасение – в многопартийности. Но на смену одной неадекватной организации пришли десятки еще менее адекватных.

И сегодня сограждане обнаружили, что большинство политических партий – пристанище для аферистов и попросту откровенных вырожденцев, исповедующих к тому же абсолютно чуждые массам идеи.

Поэтому, если искать пути для прекращения Гражданской, не избежать второго, в главных своих чертах, отрицающего первое, издания однопартийной системы. В ней партия тоже будет частью общества. Но не группой, отстаивающей интересы некоего узкого слоя. Она будет объединять людей, готовых служить национальной идее.

Придя к власти и реализовав программу национальной революции, партия перестанет быть политическим объединением. Она ни в коем случае не должна быть массовой организацией. В этом нет никакой нужды. Но нужда есть и будет впредь в партии-ордене, в корпусе стражей национальной революции.

Начиная с Ивана Пересветова с его отрядом «юнаков храбрых» и Грозного Царя с его опричным братством орденская идея то и дело всплывает в сознании чутких к звону китежских колоколов русских людей.

А в прошлом веке ее начинают формулировать. Лидеры движения евразийцев считали, что партия-орден должна стать главной опорой Идеократии – государственной системы, в которой национальная идея будет официально признанной верховной властной инстанцией, подлинно суверенной и неизменной. При этом, истоки своего ордена евразийцы видят в монашеской нестяжательской традиции последователей Нила Сорского.

А философ Иван Ильин в своем письме генералу Врангелю пытался выявить сокровенный смысл дела, начатого Добровольческой армией: «В армии, руководимой

Вами, мне всего дороже ее живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение, в корне своем, религиозно; этот характер, в строении своем, рыцарственен. История человечества обогатилась новым орденом; Россия рухнула потому, что такого ордена у нее не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции не должны быть концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей ее государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности – это гнездо духовного здоровья».

В свою очередь, генерал Дитерихс призывает создать Братство Святого Воскресения с не столь четко очерченными, но в главном идентичными функциями. А Петр Николаевич Краснов высказывает весьма плодотворную мысль, перекликающуюся с идеями политически не слишком близких ему евразийцев. Он предлагает сделать самих госслужащих «нестяжателями».

В его романе-утопии «За чертополохом» в новой, освободившейся от красного морока России властвующие не имеют права иметь собственность. Все имущество, которым они пользуются не их, но государственное. Тем самым, ликвидируются основания для коррупции.

Синтез воинского духа и монашеского нестяжательства – путь Правды и Веры – «генеральная линия» партии-ордена, единственной и безальтернативной. Она должна стоять вне вертикали управления народным хозяйством. Стоять неподкупным и неустрашимым стражем.

Зачем и для кого?

Мы живем во времена, когда так называемые лидеры нации пытаются дезертировать с идеологического фронта. Они говорят, что национальная идея мол, не нужна. Мол, поиск ее - схоластика. Но им не уйти от ответа, не сбежать с позиций – заградотряды не дремлют.

Этим господам представляется, что национальная идея – необязательная конструкция, архитектурное излишество, изобретаемое, от нечего делать дармоедами-интеллектуалами. Что это некий особо изощренный инструмент, с помощью которого «обтесывается» нация для каких-то очень «специальных» нужд. Но они привыкли работать кувалдами политтехнологий, и задачи их просты и незамысловаты, а значит изыски без надобности.

Только к несчастью для них, все строго наоборот. Не идеи - инструменты людей. Это люди – их инструменты. Кривых и недоброкачественных они выбрасывают на свалку истории. Не сами разумеется, а с помощью более адекватных человеко-инструментов.

У всех более-менее стоящих народов были руководящие идеи, их внутренние смыслы, объяснявшие откуда они и зачем. Римляне воевали во имя торжества порядка (воплощенного в традициях Вечного Города), над хаосом варваров. Испанцы тащили на своих плечах католический крест под градом индейских стрел, а англичане гордо несли пред лицом прочих аборигенов «бремя белого человека».

«Народы – это мысли Бога», - сказал немецкий философ Гердер. А национальные идеи – души народов. И то, что сегодня многие великие некогда нации живут без цели и смысла, означает, что они, на самом деле зомби – живые мертвецы, души которых украдены либералами и толерастами.

Либерализм возник на базе классического европейского гуманизма – философского извращения, декларирующего самоценность каждой отдельно взятой человеческой особи. Утверждение её в качестве мерила всех вещей повлекло за собой необратимую деградацию Западной цивилизации.

Часто гуманисты апеллируют к христианским, якобы, ценностям, что есть очевидная фальсификация. Человек, согласно Библии, обладает ценностью лишь в той степени, в какой является образом Божьим. В человеке заложена способность бесконечно приближаться к Сущему. Однако, реализовать её пытаются очень немногие. Пренебрегающие, естественно, обладают ценностью ровно в той же мере, что и любой другой представитель фауны.

Абсолютно абсурдная концепция «прав человека» непоправимо изуродовала сознание западных народов. Вполне очевидно, что у человека имеется единственное право - СТАТЬ БОГОМ, иных не предусмотрено. Тем не менее, гуманисты и их вариация - либералы изобрели целую гамму привилегий и по собственному произволу закрепили их за двуногими.

«Право» свободной торговли-обогащения, неприкосновенность частной собственности - базовые принципы, созданного ими общества. Либерализм отрицает любую иерархию кроме той, что основана на обладании определённым количеством символов материального благосостояния.

Но жизнь даже не шибко совершенных экземпляров человеческой породы оправдывала некогда включённость в иерархические структуры, основанные на качественных критериях. Оправдывало служение высшему смыслу. Разрушение этих пирамидальных конструкций лишило современные «государства» всякого оправдания.

Нация, усвоившая либеральные принципы - общечеловеческие ценности, отрешаясь тем самым от собственной Души - Идеи-правительницы, не есть более нация, но случайный набор ущербных биологических комплексов.

Именно таковы сегодня, в массе своей россияне.

Они жертвою пали в борьбе роковой. В борьбе во имя равенства против свободы. Ведь есть только одна ее подлинная версия. Все прочие подделки и разводки. Это – свобода быть самим собой. Но ее можно обрести, на самом деле, только в кастовом обществе. Как бы дико для современников это ни звучало.

Оно не анахронизм, не антигуманная утопия. Оно – единственно естественная форма существования человеческих существ. И деление людей на касты не отменить никаким «декларациям прав человека».

Если вы внимательно присмотритесь к персонажам вас окружающим, то сквозь кажущееся разнообразие индивидуальностей, вы разглядите ровно четыре классических типа: брахман (жрец - существо сугубо духовно-интеллектуальное), кшатрий (воин – совсем не обязательно носит погоны, просто – это человек действия, агрессии и экспансии), вайшья (торговец) и шудра (работяга).

Нынешний миропорядок есть диктатура касты торговцев, навязывающих всем прочим свои нормативы. Коммунисты пытались учредить царство шудр. Но это был, с кастовой точки зрения заведомо провальный проект...

Сегодня все смешалось. Все не на своем месте. Торговцы рулят даже министерством обороны. А брахманам и кшатриям предлагается продавать свои услуги новым хозяевам реальности.

Между тем, весьма показательно, что сообщества, образующиеся вне и в оппозиции к современным институтам власти, воспроизводят именно кастовую (иерархически абсолютно адекватную) структуру. Возьмем русский криминалитет.

Воры в законе – «в натуре» жрецы - они обладают исключительно духовным авторитетом. Собственно бандиты - братва – воины. Бизнесмены в данной системе координат именуются барыгами. А все прочие – лохами, то есть шудрами. И характерно, что, как и в древней Индии полноценными людьми считаются только представители двух первых категорий.

Кстати, тотальные войны прошлого столетия – прямое следствие гуманизма, либерализма, в общем, равенства в правах и обязанностях. В средние века никто крестьян, как правило, не мобилизовывал, да и купцов не трогали. Витязи-профи рубились себе, в свое удовольствие, а чуждый кастовый элемент к этому никак не принуждали.

Эти традиции, между прочим, хранит японский криминалитет – якудза. Кодекс чести за исключением крайних случаев возбраняет убивать тамошних лохов. Только рэкетировать их допустимо. А рубить катанами и расстреливать из автоматов можно только равных себе – других якудза.

Вера в возможность кастового ренессанса – это не мракобесие. Отнюдь. Это вера в то, что у порядка и справедливости еще остаются шансы восторжествовать над хаосом и произволом. Вопреки логике деградации, которую либералы именуют прогрессом.

Об ориентирах. Наиболее адекватной (хотя и не идеальной, конечно) кастовой системой следует считать не древнеиндийскую, а средневеково-христианскую. В ней ведь не только кровь, но и дух роль играл. Давал знать, кто к чему призван. У пассионария всегда был шанс изменить свой кастовый статус. Ведь очевидно, что воин может запросто родиться и в крестьянской семье, а сын жреца наоборот иной раз оказывается законченным барыгой.

Кастовое общество формата XXI века, разумеется, не может и не должна быть жесткой структурой. Социальные лифты обязаны в нем курсировать бесперебойно. Но только у каждого будет своя шахта.

Как это ни покажется странным, но лозунг коммунистов «от каждого - по способностям, каждому – по потребностям» - вполне адекватен. По форме. Ложь и извращение таились в содержании, которое в него вкладывали.

Главное ведь учитывать, что и способности, и потребности (если говорить, конечно, о возможностях для самореализации, а не о сугубо биологических нуждах) у представителей разных каст далеко не одинаковые. Очевидно, что коммунисты угнетали вайшьев, беспощадно подавляя органически присущий им предпринимательский инстинкт.

Зато теперь представители данной касты, одержав победу, выстраивают жизнь так, будто их система приоритетов безальтернативна и отвечает потребностям всех и каждого.

Короче, только общество, в котором будет признано качественное, а следовательно и функциональное неравенство людей, и где у каждого вида будут иметься равные возможности для реализации очень разного потенциала, может претендовать на то, чтобы называться справедливым.

Все вышесказанное никак не противоречит христианскому принципу равенства всех перед Богом. Грех – всегда грех. А Десять заповедей даны и воинам, и коммерсам, и работягам.

Между прочим, с точки зрения соблюдения кастовых прав, впереди планеты всей сейчас, определенно, Соединенные Штаты Америки. А вы полагали, что там всем заправляют дельцы с Уолл Стрит? Отнюдь.

Да, им предоставлены все возможности для удовлетворения их предпринимательских инстинктов, но чертят курс для страны не они, а жрецы-интеллектуалы. Лео Штросс, отец-основатель полит-философской группы неоконсерваторов (определявших политику Дж. Буша младшего) считал себя и своих последователей «новыми брахманами».

Ну, и разумеется, представители военной элиты ничуть не менее уважаемы и влиятельны, чем члены финансовой. У каждой касты в Америке свое – адекватное миссии этой страны место.

Разумеется, идеальной эту систему никак не назовешь. Но, тем не менее, она куда ближе к «правильным» параметрам (а от того жизнеспособней), чем пацифистско-гомосексуальная Европа и коррупционная Россия (где тот, кто по жизни не торговец, вообще, обречен на весьма скромные жизненные стандарты). Кстати, в Америке еще достойны всяческого одобрения право на свободное ношение гражданами огнестрельного оружия, а также действующая повсюду в большинстве штатов смертная казнь. И то, и другое – фундаментальные гарантии подлинных свободы и справедливости.

Недаром один из отцов-основателей Соединенных Штатов Бенджамин Франклин дал наиболее адекватное с кшатрийской точки зрения определение народовластия: «Демократия есть пространство договоренности вооруженных мужчин». Нельзя не согласиться. Все прочее либо тирания, либо быдлократия.

При этом, следует помнить, что невозможно обеспечить права личности, игнорируя ее кастовую принадлежность. Невозможно построить справедливое общество, игнорируя его кастовую природу.

Ведь, представители четырех каст – это существа принципиально различного духовно-психо-физического типа. Они радикально по-разному видят и осязают мир. Жрецы наделены способностью уже в этой жизни прозревать истинную (духовную) реальность по ту сторону мультяшной псевдодействительности.

Воины не видят ее, но знают о ней, помнят...И стремятся сделать мир максимально прозрачным, чтобы заглянуть наконец в иное. Туда откуда к нам и пришли такие понятия как любовь, честь, доблесть. На Земле им неоткуда взяться. Они слишком противоречат инстинкту самосохранения.

Воины все время пытаются «затащить» побольше «иноного» сюда, к нам. Потому-то они в «священной ярости» (определяющее для кшатрия качество) и сносят все на своем

пути – от тюремных стен, до тоталитарных социальных систем, придуманных барыгами и шудрами.

Ну а две последние категории ничего «такого» не видят и ни о чем «потустороннем» их наличному существованию не догадываются. Если воины не ткнут их носом в «прекрасное далеко» - так и помрут в невежестве. Именно оно согласно древнеиндийским трактатам является наиболее характерной отличительной чертой данных каст.

Так что именно воины предопределены по свойствам своим, «по жизни», к власти, к управлению (кухарки должны щи варить, а вайшьи капустой торговать). Поскольку только воины знают: мир может, а значит должен быть другим – справедливым. Каждому - свое, а не чужое. И, кстати, именно они, воины были авторами наиболее ярких и бескомпромиссных манифестов Русской Правды (см. Приложение).

К чему я обо всем об этом? Главным образом, чтобы обозначить, для кого это все писалось.

В древних (нормальных) обществах не было текстов (а в дописьменный период устного творчества) для всех. Духовные гимны – жрецам. Героический эпос – воинам. Прочим – сказки-рассказки.

Так что, все вышеизложенное имеет конкретных адресатов – воинов новой Руси. Ибо именно у них есть шанс завершить, наконец, многовековую гражданскую.

Книга эта не историческое исследование. Зачем оно им? Это «эпическая» реконструкция смыслов национального бытия. И попытка построить на их основе МИФ XXI века.

И снова о понятиях

И для патриотов, и для либералов есть множество «самоочевидных» понятий и принципов. Первые, например, убеждены, что надо «раньше думать о Родине, а потом о себе», что власть должна быть сильной, а Россия великой. Либералы же полагают, что непременно надо соблюдать права человека.

И те, и другие как личное оскорбление воспринимают вопрос «а зачем?». Человека, его задающего, мгновенно зачислят в сугубо аморальные, «нерукопожатные» субъекты. Поскольку вышеприведенные понятия для них «святы» и «сами собой разумеются».

Но в истории России не раз бывало, что все и всяческие, вчера еще казавшиеся незыблемыми, ценности «внезапно» ставились под сомнение огромными массами наших соотечественников. Стойкие государственники и добропорядочные либералы в подобных коллизиях заламывали руки и ничего не могли понять в происходящем.

А между тем, винить они могли только себя. Винить за преступную нелюбознательность. Человек тем и отличается (главным образом) от животного, что он задается вопросами о смыслах. Животному же и так все ясно. Для него все «само собой разумеется».

Потому-то Русь и Святая, что ничто, кроме воистину Святого для нее не свято. Ни «права человека», ни «великая держава». Все это обманки. И до поры, до времени народ на них «ведется», а потом однажды взрывается беспощадным нигилизмом Русского Бунта (совсем не бессмысленного). Мстит «элите» за то, что она и сама позабыла, и его лишила высшего смысла – Правды Божьей.

Гражданская в документах

Большая челобитная Ивана Пересветова царю Ивану Васильевичу Грозному

Премудрости греческих философов, латинских докторов и Петра, молдавского воеводы. А привез эти изречения и царские бумаги из многих королевств благоверному царю и великому князю всея Руси Иван, сын Семена, Пересветов.

Пусть, с Божьей помощью, всякий, кто хочет, знает, что когда пропадает у царя врожденная воинская доблесть и сходит на него великая кротость, это и есть происки врагов его: не будет царь помышлять ни о военном деле, ни об управлении царством своим, а станет веселиться с теми, кто распаляет ему сердце гаданиями и путями различных соблазнов. И напустит он великую печаль на своих воинов, на все свое царство великие неутолимые беды от своих вельмож. И все будет ему немило, ни воинская доблесть, ни существование всего царства. А если будет добиваться доступа к нему кто-либо из умудренных в делах войны или собственная его врожденная царская доблесть, то поставит он их ни во что.

А Петр, молдавский воевода, так сказал: «Если желаете узнать о царской умудренности в военном деле и о правилах царской жизни, то прочтите о полном порабощении греков и не пожалейте себя при этом, — там-то и найдете Божью помощь. Бог помогает не ленивым, а тем, кто трудится и бога призывает в помощь, тем, кто любит правду и судит праведным судом. Правда — сердечная радость богу, для царя же — великая мудрость».

Приметил ли ты, государь, Петра, молдавского воеводу? Был он тебе, государь, и царству твоему большой доброжелатель. А я, государь, слышал эти его изречения и потому, записав, привез к тебе, государь, чтобы тебе оказать услугу. Как понравится тебе,

государь, услуга моя, твоего холопа?

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Поленились греки твердо стать против неверных за веру христианскую, а теперь вот они поневоле оберегают от нападений веру мусульманскую. Отнимает у греков и сербов турецкий царь семилетних детей для военной выучки и обращает их в свою веру, а они, расставаясь с детьми своими, плачем великим плачут, да нечем помочь себе».

Государю благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу бьет челом холоп твой государев, приехавший из Литвы, Ивашка, сын Семена, Пересветов. Привез я тебе, государь, из многих королевств изречения, а также и Петра, воеводы молдавского, и бумаги, касающиеся твоего царства. Изречения эти и бумаги положены, государь, в твоей государевой казне, а меня, твоего холопа, велел ты, государь, за эти бумаги и изречения хорошо наградить. Но изречения эти и бумаги до сих пор, государь, к тебе не поступали. Так что, государь, это копия перед тобой, государь, а бумаги твои, государь, у меня по службе моей.

Ведь в тех королевствах, государь, мудрые люди, греческие философы и латинские доктора, очень удивлялись небесным знаменьям и царственному твоему предназначению, восхвалили и прославили и сказали об этих изречениях: «Нужно, чтобы такой доблестный царь, с мудростью, дарованной от бога, речи эти расписал золотом и держал у себя многие лета, а по себе другому царю оставил эти бумаги и царскую свою славу». Я же, государь, достал эти изречения в королевствах у мудрых людей. Как понравится тебе, государь, услуга моя, твоего холопа?

А я, государь, прибыл с этими изречениями из Литвы — уже исполнилось этому одиннадцать лет, — чтобы служить тебе, государь, благоверному и верному великому царю, памятуя о своих предках и прадедах, как служили они верою великим государям князьям русским, твоим предкам: Пересвет и Ослябя, в чернецах и схиме, по благословению Сергия-чудотворца при князе великом Дмитрие Ивановиче приняли страдания на Донском побоище и головы свои сложили за веру христианскую, святые церкви, за честь государя. И я, холоп твой, для того же прибыл в твое распоряжение, чтобы с Божьей помощью во всем, государь, служить тебе верно.

Пишут о тебе, государь, о благоверном великом царе, мудрые греческие философы и латинские доктора, что будет о тебе, государь, великая слава вовеки — как о цезаре Августе или о царе Александре Македонском. Так и о тебе, государь, пишут мудрые эти философы, и о твоём государевом войске, и о мудрости твоей. И с того начинают в своих мудрых книгах, какую великую справедливость введешь ты в своём царстве и утетишь Бога сердечной радостью. И так начинают мудрые философы, что такой справедливости,

как в твоём царстве-государстве, не будет во всей вселенной: от великой грозы твоей мудрости как от сна проснутся царские лукавые судьи, чтобы устыдиться своих лукавых дел, и сами на себя будут удивляться, что обирали без счета. Так вот пишут о тебе, о благоверном царе. Ты, грозный и мудрый государь, приведешь к покаянию грешников, введешь в свое царство справедливость, а Богу воздашь сердечную радость.

К цезарю Августу пришел воин, нищий обликом, и принес великие изобретения, и тот его за это наградил, приблизил к себе его и род его. И к царю Александру Македонскому пришел воин, тоже нищий обликом, с великим военным изобретением. Богачи ничуть не почитают воинские таланты. Пусть даже богатырь разбогатеет, и тот обленится. Богач любит покой, а воина всегда нужно кормить как сокола, сердце ему веселить, никакой печали к нему не допускать.

А я вот, холоп твой, Ивашка Пересветов, одиннадцать лет прошло, как пробиться к тебе не могу, государю благоверному царю и великому князю. Кому ни подам записку, а они, вельможи твои, до тебя, государь, не донесут. По прибытии вполне определил ты, государь, меня, своего холопа, к своему боярину Михаилу Юрьевичу. Но Михаил Юрьевич, государь, скончался вскоре после твоего государева определения, и я, государь, без определения до сих пор живу, к тебе, государь, пробиться не могу, чтобы бить челом об определении. Ведь приезжему человеку, государь, без определения и поддержки нельзя прожить в твоём царстве-государстве. А на праздник в церкви Рождества пречистой богородицы пробился я к тебе, государь, и поднес тебе, государь, две тетради с царскими о тебе изречениями, это которые привез из других королевств, чтобы услужить тебе, государь, благоверному царю и великому князю. Но ты, государь, не определил ни к кому меня, холопа своего. И уже если тебе, государь, великому царю, не понравится услуга моя и изречения, что привез я из иных земель и королевств, прослышав от многих мудрых людей, докторов и философов, про мудрое твое и царственное предназначение, как пишут о тебе, великом царе, по небесным знаменьям о твоей царской и военной мудрости, что беречь и умножать тебе веру христианскую, иноверцев в веру обращать, славу Божию возвышать, справедливость в царство свое вводить, а богу радость сердечную воздавать, — так ты обе эти тетради вели отдать мне назад, государь. Да и эту тетрадь, как прочтешь, тоже вели мне отдать, коли не понравится тебе, благоверному царю.

Ехал я, государь, из Венгрии через Молдавию и пять месяцев пробыл у Петра, молдавского воеводы, в Сочаве. А он о тебе, государь, благоверном царе, и о твоём царстве всякий день говорит и у бога просит об укреплении христианской веры. Так вот он говорит: «Так была греческая вера крепка, что мы ею похвалялись, а теперь русским царством похваляемся». И так он говорит: «Боже, сохрани ее от неверных и от ересей

враждебных». И того он не одобряет, когда крест целуют, а изменяют: это вот великая ересь, когда за веру христианскую не стоят и государю верой не служат. И того он не одобряет, когда впускают в царство свое усобицы, дают города и области в управление своим вельможам, а вельможи на слезах и крови рода христианского богатеют от бесчестных поборов, а как оставят кормление с волостей, то при несправедливостях решают споры полев. И тут на обе стороны много ложится греха. Крест целуют в оправдание оба тяжущихся — истец и ответчик: один, приложившись, предъявляет иск за свой ущерб, а другой — от всего отказывается, и тут оба гибнут в грехе, и впадают в великую ересь, и Бога хулой осыпают, и крестное целование не держат крепко, тем и Бога гневят. Ведь того они не держат крепко, чем вера христианская украшена.

Вот что говорит Петр, молдавский воевода, о первом турецком царе султани Магомете: «Хоть неправославный царь, а устроил то, что угодно богу: в царстве своем ввел великую мудрость и справедливость, по всему царству своему разослал верных себе судей, обеспечив их из казны жалованьем, на какое можно прожить в течение года. Суд же он устроил гласный, чтобы судить по всему царству без пошрины, а судебные расходы велел собирать в казну на свое имя, чтобы судьи не соблазнялись, не впадали в грех и Бога не гневляли. А если наградит он какого вельможу за верную службу городом или областью, то пошлет к своим судьям и велит выплатить тому по доходной росписи единовременно из казны. И если провинится судья, то по закону Магомета такая предписана смерть: возведут его на высокое место и спихнут вшаей вниз и так скажут: «Не сумел с доброй славой прожить и верно государю служить». А других живьем обдирают и так говорят: «Нарастет мясо, простится вина». И нынешние цари живут по закону Магометову с великой и грозной мудростью. А провинившемуся смерть предписана, а как найдут провинившегося, не помилуют и лучшего, но казнят по заслугам дел его. И так говорят: «Писано от Бога: каждому по делам его».

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Обозначено в мудрых книгах, пишут философы и доктора о благоверном великом царе русском и великом князе всея Руси Иване Васильевиче, что будет в его царстве такая великая мудрость, а судьям неправедным — истина от его великой мудрости, дарованной Богом».

Так говорит Петр, молдавский воевода, про русское царство, что: «Сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают на службу к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что богу лгут и государю».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Что из того, что их много, раз нет у них

верного сердца, а смерти бояться и умирать не хотят. Богач никогда не мечтает о войне, а о покое мечтает. Пусть хоть богатырь разбогатеет, и тот обленится».

Так говорит Петр, молдавский воевода: «Воина содержать, что сокола кормить: всегда ему сердце веселить, никакой печали к нему не подпускать».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Нужно, чтобы столь могущественный государь со всего царства доходы брал себе в казну и из казны своей воинам сердце веселил, тогда казне его конца не будет. Кто из воинов отважно будет вести смертную игру с врагом государевым и крепко стоять за веру христианскую, то такому воину и честь воздавать, и сердце веселить, и жалованье прибавлять из государевой казны, и к таким воинам — сердце обращать, к себе их приближать, верить им во всем, просьбы их выслушивать обо всем, любить, как отец детей своих, и быть к ним щедрым. Щедрая рука вовек не оскудевает, а славу царю созидает. Какова щедрость государя к воинам, такова и мудрость его».

А о тебе, государь, о великом благоверном царе, говорит Петр, молдавский воевода: «Нужно, чтобы такой государь держал против врага, крымского хана, двадцать тысяч храбрых витязей с огнестрельным, хорошо подготовленным оружием и огневые заставы на границах степи и обеспечивал их ежегодно из казны государевым жалованьем. И приспособятся они в степи жить и защищать его от врага, крымского хана. И эти двадцать тысяч будут тогда для него лучше, чем сто тысяч. И приграничные области все богаты будут и не в разоренье от врага. Есть у него, у столь сильного царя, возможность все это устроить».

Так говорит Петр, молдавский воевода, о греческом царстве: «При царе Константине Ивановиче управляли царством греческие вельможи. Крестное целование они ставили ни во что, совершали измены, несправедливыми судами своими обобрали они царство, богатели на слезах и крови христиан, пополняли богатство свое бесчестным стяжаньем. Сами они обленились и не стояли крепко за веру христианскую и в царе укротили воинственность ворожкой, путями соблазна, еретическим чародейством. Таким образом, отдали они иноплеменникам—туркам на поругание и греческое царство, и веру христианскую, и красоту церковную. А теперь сами же греки за гордость свою, за беззаконие, за свою лень откупают у турецкого царя веру христианскую: большой оброк платят они турецкому царю, а сами — за гордыню свою и за лень — в неволе живут у турецкого царя. Нанимаются греки и сербы пасти овец и верблюдов у турецкого царя, а знатные греки занимаются торговлей».

С великим чувством говорит Петр, молдавский воевода, о вере христианской царства русского. И все просят Бога, государь, чтобы царство восточное и русский царь —

благочестивый и великий князь всея Руси Иван Васильевич — укрепили христианскую веру. Вся греческая вера гордится теперь этим русским царством, ожидая от Бога великого милосердия и помощи Божьей, чтобы освободиться с помощью русского царя от насилий турецкого царя-иноплеменника.

И говорит Петр, молдавский воевода: «Сильно и прославленно и всем богато это царство Московское! А есть ли в этом царстве правда?» А служит у него москвитянин Васька Мерцалов, и он спросил того: «Все ты знаешь о царстве том Московском, скажи мне истинно!» И стал тот говорить Петру, молдавскому воеводе: «Вера, государь, христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет». Тогда Петр, молдавский воевода, заплакал и так сказал: «Коли правды нет, ничего нет».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «Христос есть истинная правда, ярче солнца освещает он всю небесную высоту и земную ширину и бесчисленные глубины преисподние. Поклонились ему все племена небесные, земные и преисподние, все восхвалили и восславили имя его святое, ибо свят господь наш Бог, силен и крепок, и бессмертен, велик христианский Бог, и чудесны дела его, долготерпелив и многомилостив. В каком царстве правда, там и Бог пребывает, и не поднимется Божий гнев на это царство. Ничего нет сильнее правды в Божественном Писании. Богу правда — сердечная радость, а царю — великая мудрость и сила. Помилуй, Господи, веру эту христианскую от их неправды. Так всю неправдою боролся с греками дьявол, ненавидя христианскую веру, потому что вера христианская Богу любезна; больше других вер любит ее Бог, а дьявол одолел всякой неправдой. Теперь только на то я надеюсь, что пишут мудрые философы и доктора о благоверном царе и великом князе всея Руси Иване Васильевиче, что будет он мудр и введет правду в свое царство».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода, и просит милости у Бога с молитвой: «Боже, дай милосердие свое великое, чтобы эта мудрость не покинула великого благоверного царя, и только бы, вопреки грехам нашим, устояло русское царство и просветилось верой христианской независимое царство, а нам не приходилось бы говорить греческой вере, как жидам или армянам приходится говорить, что нет у них независимого царя и независимого царства. Мы же царством этим русским и христианским перед греческою верою гордимся». И так говорит Петр, молдавский воевода: «Сохрани его, господи, на многие лета и на укрепление веры христианской».

И вот чему сильно удивляется Петр, молдавский воевода, и так говорит: «Великий государь, сильный и благоверный царь, столь большие терпит обиды от врага своего, царя казанского. Это ему самый злой враг, царь казанский, не надо ему столько терпеть. Так и царь Магомет, турецкий султан, платил дань Царьграду, с благоверным царем жил в

полном мире без войн, но отец его был морской разбойник и землю Турецкую одолел и захватил, а после за грехи наши султан Магомет, царь турецкий, разбойничьего рода, накопил силы и занял Царьград, благоверного царя Константина погубил и красоту церковей обесчестил: истребил церковный звон, снял кресты с церковей, и с позором вынес он из церковей чудотворные иконы, а в церквах устроил мечети для своих скверных молитв».

Так говорит Петр, молдавский воевода, и молит бога: «Боже, сохрани и милостив будь к благоверному русскому царю великому князю всея Руси Ивану Васильевичу и к царству его, чтобы не уловили и его также вельможи еретической своей ворожбой и своим коварством, чтобы не укротили его воинственный дух, боясь смерти, чтобы им, богачам, не погибать. Вот ведь благоверного царя царьградского Константина Ивановича укротили вельможи воинственный дух еретической своей ворожбой и коварством от лени, так что потеряли они православное царство и царя благоверного сгубили мечом иноплеменника. Издавна не одобряют того мудрые философы, что иные становятся вельможами при царе не по своим военным заслугам, не по другим каким дарованиям, так что про таких так говорят мудрые философы: «Это чародеи и еретики, удачу отнимают у царя и царскую мудрость, ересью и чародейством распалют на свою пользу царское сердце, а воинский дух укрощают». И еще говорит Петр, молдавский воевода: «Таких надо в огне сжигать и другим лютым смертям предавать, чтобы не умножались беды. Без меры их вина, что воинский дух царя укрощают и замыслы царские пресекают. А царю нельзя быть без воинского духа: ангелы божьи, небесные силы, и те ни на один миг не выпускают из рук своих пламенное оружие, от Адама и доныне охраняют род христианский, — и те службой своей не томятся. А царю как без воинского духа быть? Воином силен и славен царь. Царь на престоле своем — благодать Божья и мудрость великая, а к воинам своим щедр, как отец к детям. Какова щедрость царя к воинам, такова и мудрость его. Щедрая рука никогда не оскудевает, а славу себе великую приобретает».

И так еще говорит Петр, молдавский воевода: «У благоверного царя Константина беднели и нищали воины, а богатели сборщики налогов. И иные из воинов, видя это пренебрежение к воинству благоверного царя, оставляли военное дело и прельщались сбором налогов, разоряли царство царя Константина и царскую казну. Но сами сборщики богатели: пошлют его куда собирать в царскую казну, и где бы взять в пользу царя десять рублей, возьмет десять рублей в пользу царя, а сто рублей в свою пользу. А с теми, кто посылал их, с вельможами царскими, сборщики эти делились и разоряли царство благоверного царя Константина и царскую казну, и сами богатели на крови и слезах рода христианского. А вельможи друг перед другом выпрашивали у царя Константина

кормления, города и наместничества, бросаясь, как голодные псы, на кровь и на слезы рода христианского. А царь во всем исполнял их волю, во всем веселил им сердце, так что впустил в свое царство междуусобную войну своих вельмож и во всем прогневил Бога».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Суд был у греков несправедливый, торговля у них была бесчестная: не мог купец товару своему назначить цену. Вперед душу свою продаст, потом и товар продаст. Бесчестно совершалось у них приобретение. А царские вельможи благодаря своему коварству и дьявольскому соблазну додумывались до того, что выкапывали только что захороненных покойников из могил, пустые могилы засыпали, а покойника, исколов рогатиной или изрубив саблей и измазав кровью, подбрасывали в дом богача. Потом выставят истца-клеветника, который бога не боится, и, осудив несправедливым судом, разграбят двор его и все богатство. По дьявольскому соблазну бесчестно они богатели, а царской власти над ними не было. Во всем гневил они Бога. Потому разгневался на них за это господь Бог неутолимым и святым своим гневом, предал их в рабство иноплеменику, турецкому царю султану Магомету, сыну Амурата, низкого разбойничьего рода, так что истребил султан Магомет Царьград и царя Константина и покорил своей власти веру христианскую, преданную Богом за грехи и за гордыню их, потому что отстраняли они от царя мир, не подпускали к нему жалобщиков. И никто не видел справедливости от вельмож в царстве Константина. Но сами они, вельможи, чинили в царстве притеснения и разоряли царство. Так что они не мир от царя отстраняли и не жалобщиков, отстраняли они от царя милосердие Божие, да и отстранили».

И так еще со слезами сказал Петр, молдавский воевода, радея о вере христианской: «И стало так по грехам нашим, что попали мы в рабство иноплеменику за великое беззаконие греков, потому что оставили греки свет ради тьмы, впали в ересь во всем и прогневили бога гневом неутолимым. А вот нехристь-иноплеменик, тот осознал божью силу: султан Магомет, турецкий царь, захватив Царьград, во всем своем царстве установил справедливость и справедливый суд, какой любит Бог, и утешил Бога сердечной радостью. И за это помогает ему Бог: многими царствами завладел он с Божьей помощью. И вот он великую справедливость установил в своем царстве и снабдил уставом купеческий торг, так что только на слово можно и купить, и продать хоть на тысячу рублей. И так он сказал: «Творите правду в моем, Богом данном, царстве. Смотрите же, как Бог любит правду, а за неправду гневается неутолимым гневом: ведь мне, невеликому царю, выдал Бог великого царя. Держитесь заповеди Божьей, наживайтесь в поте лица своего. Как наказал Бог нашему праотцу Адаму, когда создал его и дал ему во власть всю землю и велел обрабатывать землю и в поте лица своего есть хлеб, а Адам

заповедь Божью исполнил, так и нам также нужно во всем слушаться Бога и правдою воздать ему сердечную радость».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Не веру любит Бог, правду. Истинная правда — Христос, Бог наш, сын Бога возлюбленный, нераздельный в Божестве единой Троицы, едино Божество и сила. И оставил он нам Евангелие — правду, а любя веру христианскую больше всех других вер, указал путь в царство небесное. А греки читали Евангелие, иные же слушали, но Божьей воли не исполняли, возвели хулу на Бога и впали в ересь. Соблазнил дьявол вельмож Константина, исполнили они целиком дьявольскую волю, а Бога прогневили. Сами соблазнились и царство Константина на соблазн навели, а веру христианскую потеряли. Они же, прельстители, дьявольскую волю исполняли. Когда господь Бог изгнал Адама из рая — ведь он заповедь Божью нарушил, а дьявол тогда подверг его искушению и расписку с него взял, — то навеки было погиб Адам. Но проявил свое милосердие господь бог своими добровольными страданиями, извел Адама из ада и расписку разорвал. Над всем миром один Бог. А есть такие, кто расписывается в рабстве навеки тем, что прельщают и дьяволу угождают, и такие, кто прельщается на блистательные одеяния и тоже расписывается в рабстве навеки, — и те и другие гибнут навеки».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Если какая земля находится в порабощении, все зло творится в этой земле: воровство, разбой, притеснения, великое разоренье всему царству, во всем там гnevят Бога, а угождают дьяволу. Так и у царя благоверного Константина наполнились вельможи всеми этими беззакониями и прогневили Бога, так что из-за вельмож Константина живые у них завидовали мертвым, а свободные — рабам этих вельмож. А благоверного царя Константина опутали колдовством и изловили ворожкой, воинского духа его лишили и богатырскую силу его укротили, заставили выпустить царский воинский меч, а жизнь его сделали беспутной. Из-за утеснений вельмож царским именем никому нельзя было прожить, даже носа из дому высунуть или версты проехать: все царство пошло к вельможам его в закладники, чтобы выжить, их именами звались, ожидая царской мудрости, да не дождалось. А забыли про то греки, что показал господь Бог знамение на фараоне, египетском царе, когда его и вельмож его утопил в море за то, что обратил он в рабство израильтян. Так что великое это знаменье от Бога: не любит Господь гордыни и рабства. За это же и греки погибли: за гордыню и рабство. А израильтяне усилились и возгордились, забыли Бога и погибли в неволе и рассеянии, нет у них независимого царства. И Сына Божия — Христа, царя небесного, не признали они, так окаменело в гордыне их сердце».

И так еще сказал Петр, молдавский воевода: «Видим мы, как они гибнут, ибо

враждебен господь Бог гордым, обращает на них за неправду неутолимый гнев. А правду любит господь, правда сильнее всего. Турецкий царь султан Магомет великую правду ввел в царстве своем, хоть иноплеменник, а доставил Богу сердечную радость. Вот если б к той правде да вера христианская, то бы и ангелы с ними в общении пребывали».

А о Казанском царстве так сказал Петр, молдавский воевода: «Если хотеть с Божьей помощью добыть Казанское царство, нужно без снисхождения к себе послать к Казани войска, ободрив сердца им, воинам, царским жалованьем, дарами и доброй заботой, а других удалых воинов послать в казанские улусы с приказом улусы жечь, а людей рубить и в плен брать, тогда смилуется Бог и подаст свою святую помощь. А как захватит их, пусть крестит: это надежно. А слыхивал я про эту землю, про царство Казанское, от многих воинов, которые в этом Казанском царстве бывали, что говорят они про нее и сравнивают ее с райской землей по большому плодородию. И мы сильно удивляемся тому, что столь небольшая и очень плодородная земля, почти за пазухой у такого великого и сильного царя, а не усмирена, и он все это терпит, а ему от них большие неудобства. А хоть бы такая земля и смирилась, все равно за ее плодородие нельзя было бы так оставить».

Государь благоверный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич! Был я, холоп твой, Ивашка, сын Семена, Пересветов, в Сочаве у Петра, молдавского воеводы, пять месяцев и насмотрелся я на великую мудрость. Изречения эти произносит он от наставлений веры и от философской мудрости, потому как, государь, Петр и сам ученый философ и мудрый доктор. А ему служили многие люди, мудрые философы, и прорекли они по небесным знаменьям про царственное твое предназначение, что будешь ты великим государем, и тебе, государь, бог покорит врагов твоих. Вычитали они с божьей помощью в книгах, что будешь ты владеть многими царствами.

Однако, государь, прочитывают они в своих мудрых книгах и гороскопах, что будут тебя, государь, уловлять ворожбой и колдовством, как царьградского царя Константина, обозначено у них и укрощение воинского твоего духа. Будут добиваться твои вельможи твоей царской любви ворожбой, колдовством и путями соблазна, но ни родом, ни происхождением, ни воинским духом, ни мудростью, а мудрость бы эта понадобилась тебе, царю, и твоей славе царской в твоём царстве-государстве. Прочитывают они и то, что этим колдовством и ворожбой лишают тебя твоей мудрости, богом данной, и удачи, укрощают дух твой воинский, для чего тебя, благоверного царя, создал Бог, а вельможи твои к себе склоняют твое сердце великой любовью, так что без них не можешь ты и часа быть. И видел я, государь, что Петр, молдавский воевода, встал перед образом пречистой владычицы нашей Богородицы со слезами помолиться о многолетнем здравии твоём,

чтобы исполнил Господь Бог твое царское счастливое и мудрое предназначение к воинским делам для укрепления христианской веры, для наполнения правдой твоего царства, как указывают им по небесным знакам их книги о царском твоем предназначении, чтобы избавил тебя Бог своей святой и великой милостью от вражеских уловок твоих вельмож и от всякого колдовства, чтобы не покинуло тебя мудрое от Бога царское предназначение к удачным военным делам, на что создал тебя Бог. Так сказал Петр, молдавский воевода: «Если только сохранит его Бог от уловок вельмож его, по всей вселенной не будет такого мудрого воина и счастливого в военных делах. Тогда введет он в царстве своем великую справедливость и утешит бога сердечной радостью, а за это Господь Бог подчинит ему многие царства».

И меня, холопа твоего, Ивашку, сына Семена, Пересветова, удерживал у себя на службе Петр, молдавский воевода, но я, твой государев холоп, услышав такие изречения мудрых людей и многих великих докторов и философов о тебе, великом государе, о твоем царственном и мудром божественном предназначении и удаче в военных делах, оставил доходную и беспечальную службу и прибыл к тебе, государь благоверный царь, послужить теми изречениями и военными бумагами. Как тебе, государь, нравится услуга моя, твоего холопа?

Заветы Игната

1. Царизму не покоряться. При царях в Россию не возвращаться.
2. С турками не соединяться, с иноверными не общаться. Общение с турками только по нужде (торговля, война, налоги). Ссоры с турками запрещены.
3. Высшая власть – казачий круг. Участие с 18 лет.
4. Решения круга исполняет атаман. Ему строго подчиняются.
5. Атаман избирается на год. Если провинился - смещается раньше срока.
6. Решения круга для всех обязательны. За исполнением следят все.
7. Весь заработок сдают в войсковую казну. Из нее каждый получает 2/3 заработанных денег. 1/3 идет в кош.
8. Кош делится на три части: 1 часть - войско, вооружение. 2 часть - школа, церковь. 3 часть - помощь вдовам, сиротам, старикам и др. нуждающимся.
9. Брак может быть заключен только между членами общины. За брак с иноверцами – смерть.
10. Муж жену не обижает. Она с разрешения круга может покинуть его, а мужа круг наказывает.

11. Наживать добро обязан только трудом. Настоящий казак свой труд любит.
 12. За разбой, грабеж, убийство – по решению круга, - смерть.
 13. За разбой и грабеж на войне – по решению круга, - смерть.
 14. Шинков, кабаков – в станице не держать.
 15. Казакам в солдаты дороги нет.
 16. Держать, сохранять слово. Казаки и дети должны гутарить по-старому.
 17. Казак казака не нанимает. Денег из рук брата не получает.
 18. В посты песен мирских не петь. Можно лишь старины.
 19. Без разрешения круга, атамана казак из станицы отлучиться не может.
 20. Сиротам и престарелым помогает только войско, дабы не унижать и не унижаться.
 21. Личную помощь хранить в тайне.
 22. В станице не должно быть нищих.
 23. Все казаки держаться истинно – православной старой веры.
 24. За убийство казаком казака, убийцу живым закапывать в землю.
 25. Торговлей в станице не заниматься.
 26. Кто торгует на стороне – 1/20 прибыли в кош.
 27. Молодые почитают старших.
 28. Казак должен ходить на круг после 18 лет. Если не ходит - берут штраф два раза, на третий - секут. Штраф устанавливает атаман и старшина.
 29. Атамана избирать после Красной горки на год. Есаулом избирать после 30 лет.
- Полковником
- или походным атаманом – после 40 лет. Войсковым атаманом – только после 50 лет.
30. За измену мужа, ему бьют 100 плетей.
 31. За измену жены - закапывать ее по шею в землю.
 32. За кражу бьют до смерти.
 33. За кражу войскового добра - секут и горячий котел на голову.
 34. Если спутался с турками – смерть.
 35. За измену войску, Богохульство – смерть.
 36. Если сын или дочь подняли руку на родителей – смерть. За обиду старшему – плети.
- Младший брат на старшего руки не подьемлет, круг плетьюми накажет.
37. На войне в Русских не стрелять. Против крови не ходить.
 38. Стоять за малых людей.
 39. С Дона выдачи нет.
 40. Кто не исполняет заветов Игната, тот погибнет.
 41. Если в войске не все в шапках, то в поход идти нельзя.

42. За нарушения атаманом заветов Игната - наказать и отстранить от атаманства. Если после наказания атаман не благодарит Круг «за науку» - высечь его повторно и объявить бунтовщиком.
43. Атаманство может длиться лишь три срока – власть портит человека.
44. Не держать тюрем.
45. Не выставлять в поход заместителя, а тех, кто это делает за деньги – казнить смертью как труса и предателя.
46. Виновность за любое преступление устанавливает Круг.
47. Священника, не исполняющего волю Круга – изгнать, а то и убить как бунтовщика или еретика.

Архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский)

О власти императорской и «советской» (1918 г.)

При всем моем отвращении к обсуждению нынче всяких политических вопросов я вынуждаюсь говорить на эту тему, чтобы в моей деятельности не было “загадок”, в чем меня так часто упрекают люди или явно безчестные или меня вовсе не знающие или сознательные мои клеветники (как один петроградский протоиерей и один московский). За последнее время я подвергаюсь подозрению, что я несочувственно отношусь к нынешней “Советской”, - “народной власти”, как эту Советскую власть иногда решаются называть и в тоже время, как будто стремлюсь к мирному с нею сожитию. Чтобы не было недоразумения, я и пишу эти строки, надеясь, чтобы кто-нибудь и задумается над ними. К “Советской” власти я отношусь почти также, как относился к власти, которая в 1916 году затемнила у нас власть императорскую. Я считаю эту “Советскую” власть глубоко антинародную. А так как я люблю свой русский народ всею душою, то мой приговор “Советской” власти очень ясен. Но этого мало: я вообще на власть петербургских императоров смотрел всегда глазами наших славянофилов. Император, как показывает самое слово это, непременно приказывает, непременно повелевает, т.е. как бы с кем-то борется и кому-то не доверяет. Петербургская императорская власть и выражала народу всемерную недоверие и всеусердное презрение к народным чувствам и пожеланиям. Поэтому она и получила то, чего заслужила, т.е. свою погиль; она всегда боролась с мнимую революцией и, наконец, сама ее и вызвала.

Но этого мало; и это не так важно! А важно то, что вместе с собственной гибелью императорская власть поставила на край пропасти весь русский народ. Логика императорской власти была такова: пусть народ лишен самоуправления; пусть он не имеет ни одной из свобод гражданской жизни - ни свободы слова, ни свободы союзов и т.п., за то все эти лишения с лихвою искупаются внешнею политикою - безопасностью народа при охране "сильной" власти. Все эти рассуждения кончились полным крахом. Некого стало охранять! - народ обратился в беспорядочную толпу, ничем не дорожащую, лишенную всякого патриотического чутья и глубоко развращенную. Это - наиболее печальные последствия ужасающих ошибок прежней власти императорской.

Но вот на смену ее явилась власть "Советская", которую многие, не видящие ничего далее своего носа, считают властью "народною".

Я считаю, что это - такая же пагубная для народа ошибка, как и прежнее мнение о великой пользе власти императорской. Народную власть можно назвать тогда, когда она полезна для народа: но кабак не будет полезен для народа, если мы изобретем какой-нибудь "народный кабак"...

Итак, я признаю "Советскую" власть преисполненною совершенно таких же ошибок, какие делала власть императорская - и вот главнейшие из них.

Советская власть столь же страшно деспотична, как и власть бывшая императорская, Она так же не выносит ни малейшей критики и тем проявляет свою слабость и отсутствие уверенности в своей правоте. Нетерпимость к чужим мнениям заставляет нынешнюю власть быть крайне жестокою до восстановления административных высылки, что применяли ранее лишь некоторые губернаторы, наиболее несимпатичные. Вследствие этого в населении создается постоянное беспокойство и раздражение против своей же "народной" власти... В любой момент можно ожидать, что эти две стороны начнут между собой военные действия! Притеснения народа со стороны "народной власти" - что может быть уродливее этого явления?

Вторая ошибка народной власти нынешней та, что она вовсе лишила народ свободы вероисповедания, свободы политической печати, свободы союзов. Народ русский снова покорен своей властью! Это нечто трагическое и ужасное в жизни русского народа: никогда не быть свободным, всегда чувствовать себя чьим то рабом. Ранее было крепостное право, потом полицейское, потом нынешнее право - в некоторых местах совершенно кулачное. И правду нужно сказать: одно другого хуже! Поэтому народ глубоко несчастен. Да и может ли счастье у народа, если он только всего боится и вечно дрожит за свою участь? Что же дала нам революция? Она обещала народу всякие свободы для его радости и счастья. Но сейчас все отнято: и свобода, и радости, и счастье... Наши

несчастные "свободные" граждане радуются, когда во сне видят прежнего урядника, на злоупотребления которого можно было по крайней мере жаловаться. А теперь наши власти - это те же прежние урядники и стражники, но не признающие ни Божьих, ни человеческих законов.

Третья, самая ужасная ошибка "советской" власти - та, что она вовсе лишает народ внешней безопасности... Императорская власть стесняла внутреннюю свободу жизни народной, обещая народу внешнюю безопасность; и она обманула народ! "Советская" власть воображает, что русский народ можно спасти только делегатскими речами и комитетскими заседаниями, что немцы и другие народы заслушаются речами "русских" пролетариев вроде Бронштейна и Каца и оставят нас в покое. Увы! это не так, и немцы умнее наших простачков - они забирают в свое влияние губернию за губернией, и еврейские речи им кажутся неубедительными... Русский народ сдался в немецкую неволю! Вот историческая ошибка советских деятелей наиболее ужасная - за которую дети и внуки нынешних "товарищей" будут расплачиваться. Мы погубили свое отечество, свою родную землю! Кто виноват в этом?

Твердо отвечаю: виновата власть императорская и еще более - Советская... Первая начала разрушение, а вторая окончила, когда многое можно было спасти.

Что же нам нужно? что полезно русскому народу в настоящую критическую минуту его жизни?

Также твердо утверждаю: нужны народные Советы, но переустроенные на новых началах и ... нужна какая-то другая власть, очень сильная, которой сейчас нет, которая имела бы целью спасти и эти народные Советы и весь русский народ.

Требования кронштадтских повстанцев

1. Поскольку нынешние Советы более не отражают волю рабочих и крестьян, немедленно провести новые, тайные выборы и для избирательной кампании предоставить полную свободу агитации среди рабочих и солдат;
2. Предоставить свободу слова и печати рабочим и крестьянам, а также всем анархистским и лево-социалистическим партиям;
3. Гарантировать свободу собраний и коалиций всем профсоюзам и крестьянским организациям;
4. Созвать надпартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов Петербурга, Кронштадта и Петербургской губернии, которая должна состояться самое позднее 10 марта 1921 г.;

5. Освободить всех политических заключенных, принадлежащих к социалистическим партиям, и освободить их заключения всех рабочих, крестьян и матросов, которые были арестованы в связи с рабочими и крестьянскими волнениями;
6. Для проверки дел остальных заключенных тюрем и концлагерей избрать ревизионную комиссию;
7. Ликвидировать все политотделы, поскольку ни одна партия не вправе претендовать на особые привилегии для распространения своих идей или на финансовую помощь для этого со стороны правительства; вместо этого образовать комиссии по вопросам культуры и воспитания, которые должны быть избраны на местах и финансироваться правительством;
8. Немедленно распустить все заградительные отряды;
9. Установить равные размеры продовольственного рациона для всех работающих, за исключением тех, чей труд особо опасен с медицинской точки зрения;
10. Ликвидировать специальные коммунистические отделы во всех формированиях Красной Армии и коммунистические охранные группы на предприятиях и заменить их, где это необходимо, соединениями, которые должны будут выделяться самой армией, а на предприятиях - образовываться самими рабочими;
11. Предоставить крестьянам полную свободу распоряжаться своей землей, а также право иметь свой скот, при условии, что они обходятся своими собственными средствами, то есть не нанимая рабочую силу;
12. Просить всех солдат, матросов и курсантов поддержать наши требования;
13. Позаботиться о том, чтобы эти решения были распространены в печати;
14. Назначить разъездную контрольную комиссию;
15. Допустить свободу кустарного производства, если оно не основано на эксплуатации чужой рабочей силы.

«Известия ВРК» (газета сражающегося Кронштадта). Статья «За что мы боремся»
"Когда рабочий класс привел к успеху Октябрьскую революцию, он надеялся достичь своего освобождения. Но результатом стало еще большее порабощение человеческой личности. Власть полицейского монархизма перешла в руки коммунистических проныр, принесших трудящимся вместо свободы постоянный страх перед камерой пыток ЧК, зверства которой намного превзошли зверства жандармского управления царского режима. После многих боев и жертв трудящиеся Советской России получили лишь удары штыков, пули и грубые окрики чекистских опричников. Славный герб рабочего

государства - серп и молот - коммунистическое правительство заменило на деле штыком и тюремной решеткой, чтобы обеспечить спокойную, беззаботную жизнь новой бюрократии, коммунистическим комиссарам и чиновникам. Но наиболее позорно и преступно моральное порабощение коммунистами: они не останавливаются даже перед внутренним миром трудящихся, но заставляют их думать так же, как они. С помощью государственных профсоюзов они приковали рабочих к их станкам и тем самым превратили труд не в радость, а в новое рабство. На протесты крестьян, которые нашли свое отражение в стихийных восстаниях, и протесты рабочих, побуждаемых к стачкам уже самими условиями своей жизни, они отвечали массовыми расстрелами и кровожадностью, оставившей далеко позади даже царских генералов. Трудящаяся Россия, первая поднявшая красное знамя освобождения труда, была залита кровью тех, кто был замучен до смерти во славу коммунистического господства. В этом море крови коммунисты потопили все великие и сияющие обещания и лозунги рабочей революции. Все яснее становилось, что теперь очевидно, а именно то, что РКП отнюдь не выступает за трудящихся, как она это утверждает. Интересы трудового народа чужды ей, и однажды придя к власти, она заботится только о том, чтобы не потерять ее вновь, и для этого годятся любые средства: клевета, насилие, обман, убийство и месть членам семей восставших.

Терпению трудящихся пришел конец. В борьбе с угнетением и насилием то тут, то там в стране вспыхивало пламя восстания. Начались рабочие стачки, но большевистские шпики не дремали и приняли все меры к тому, чтобы предотвратить и подавить неминуемую Третью революцию. Тем не менее, эта революция пришла и будет осуществлена руками трудящихся. Генералы коммунизма поняли, что народ поднялся, потому что убедился в том, что они предали идеи социализма. Но хотя они опасаются за свою шкуру и знают, что нигде не смогут укрыться от гнева трудящихся, они все-таки пытаются с помощью своих опричников запугать восставших арестами, расстрелами и другими зверствами. Но жизнь под игом коммунистической диктатуры стала страшнее смерти.

Восставший трудовой народ понял, что в борьбе с коммунистами и восстановленным ими крепостничеством нельзя останавливаться на полпути. Нужно идти до конца. Они делают вид, что пошли на уступки: они ликвидируют контрольные отделы в Петроградской губернии, и 10 миллионов золотых рублей выделены для покупки продовольствия за границей. Но не надо обманываться: за этой уловкой скрывается железный кулак господина, диктатора. Который выжидает лишь восстановления спокойствия для того, чтобы стократно отомстить за свои уступки. Нет, среднего пути быть не может. Победить или умереть! Красный Кронштадт, ужас контрреволюционеров справа и слева, служит

тому примером.

Здесь совершился новый великий революционный поворот. Здесь было поднято знамя восстания за освобождение от дрящущей уже 3 года тирании коммунистов, которая затмила три века монархического ига. Здесь, в Кронштадте был заложен краеугольный камень Третьей революции, которая снимет с трудящихся масс последние цепи, разобьет их и откроет новую широкую дорогу к творческой деятельности в духе социализма. Эта новая революция всколыхнет также трудящиеся массы на Востоке и на Западе, поскольку подаст пример нового социалистического строительства в противовес бюрократическому коммунистическому "творчеству". Она убедит трудящиеся массы за рубежом в том, что все, совершавшееся у нас до сих пор от имени рабочих и крестьян, не было социализмом. Первый шаг был сделан без единого выстрела, без кровопролития. Трудящимся не требуется проливать кровь. Они будут проливать кровь только в том случае, если им придется защищаться. Несмотря на все возмутительные действия коммунистов, у нас довольно самообладания, чтобы ограничиться их исключением из общественной жизни, с тем чтобы они не мешали революционной работе своей злокозненной, лживой агитацией. Рабочие и крестьяне неудержимо идут вперед. Они оставили позади себя Учредилку с ее буржуазным строем. Точно так же они оставят позади диктатуру коммунистической партии с ее ЧК и ее государственным капитализмом, которые смертельной петлей легли на шею трудящихся масс и грозили окончательно удушить их. Совершаемое теперь преобразование даст трудящимся возможность установить, наконец, свободно избранные Советы, которые работают без насильственного давления со стороны одной партии, и превратить государственные профсоюзы в свободные объединения рабочих, крестьян и творческой интеллигенции. Полицейская дубинка коммунистического самодержавия окончательно сломана".

Завещание генерала Дитерихса

Письмо к соратнику N

Воистину Воскресе.

Здесь с наступлением весны снова зашевелились разные организации и зазвенели в ушах различные слухи, толки, пересуды и сенсации, как это бывало каждый год. К сожалению, все идет по старой, неудачно испытанной дорожке, это исходит и творится от старых, никчомушных тыловых деятелей. Снова заметались по объединению общественности все те же: Хорват и прочая плеяда личностей, агитировавшая всегда в тылу всех бывших белых фронтов Сибири и Востока. На этот раз, за отсутствием территориальной почвы, подняли

знамя объединения на Дальнем Востоке вокруг... всех монархических организаций. Их оказалось очень много (не по количеству членов, а по главам их), хотя, казалось бы, их не должно быть больше двух: принципов самодержавия и принципов конституционных. Один Харбин насчитывает у себя таких организаций, кажется, больше десятка, да и Шанхай не меньше. Явление грустное и объединение по этой причине, конечно, только бутафорское, а не то истинное, глубокое, русское, национальное, историческое объединение хотя бы горсточки людей, которое могло бы явиться сильным по духу, природе и чистоте, чтобы совершить перелом в настроениях масс в России, дать импульс движению, побороть социализм и поставить Россию на благодатные и истинные пути духовного, государственного и экономического возрождения.

Получал и я от... приглашение оказать содействие объединению, но ничего не ответил, а с посланцами отказался говорить на политические темы. Мой отказ вызвал, конечно, против меня в одних возбуждение, в других — злобу, в третьих — сожаление. Почему я уклоняюсь от сотрудничества с намечающимся объединением существующих монархических организаций — Вам объясню.

Еще Достоевский говорил: «были бы братья, а братства, (то есть объединения), явятся сами собой». Вот видите, у нас до сих пор в белых движениях, братьев-то и не было, то есть таких людей, (конечно, в широком масштабе), которые объединялись бы во имя однородных, глубоких идей чистого порядка и проникнутых Святым Духом от начала и до конца. Единственной существовавшей идеей, владевшей, пожалуй, всеми и объединявшей нас против Советской власти, являлась одна маленькая, не чистая уже, и уже, во всяком случае, не святая идейка: это жалкая идейка мести, ненависти к большевикам. Но такая отрицательная идейка не могла создавать прочного и национального братского или государственного объединения, ибо сама по себе носила в себе, как отрицательная, элементы разрушения, раздора, зависти, что и проявилось в течение всего пятилетнего периода Белого движения. Так было на всех фронтах. Нет нужных братьев и в современных монархических организациях и различных объединениях. И это особенно ясно в текущем движении по фиктивному объединению. Ведь ищут объединения не во имя создания однородных идей, не вокруг однородных монархических принципов, а опять-таки вокруг личностей, деятелей, не стремясь устранить основные причины, обусловившие нелепое существование огромного количества разноименных монархических организаций.

И почему так? Да потому, что в рядах всех этих организаций, в их персональном составе, нет людей истинных и чистосердечно принимающих начала русского, исторического, национально-религиозного самодержавного монархизма. Скажу даже больше: все это,

в большинстве случаев, элементы и деятели, чрезвычайно враждебно относящиеся к принципам чистой национальной идеологии, или люди, их не понимающие, или, наконец, люди, слепые от рождения, или слепые по похотям. Так как и до 1917 г. индивидуальность монархических партий не отличалась от теперешних, то теперь понятны причины событий февраля 1917 г. и торжество проклятой жидо-утопии. В чем же дело? Да в том, что все те, кто называет себя ныне монархистами, причисляют себя к таковым не по исповеданию принципов, понятий и религии монархизма, как идеологически мощного, объединяющего массу, общественность, государство — начал, а лишь по форме, по внешним осязаемым материальным проявлением его. При этом форма и внешность обращаются ими в сущность, исчерпывая всю содержимость их монархического чемодана. Отсюда понятие ими идеи возрождения в России монархизма является для них только в формально-аксессуарном восстановлении трона, возведении на него того или другого из Романовичей, занятие при троне определенного придворного или административного положения и приведение всех прочих граждан России к «поднози трона» путем тех же чекистских мероприятий, изменив лишь название органов: охранка, жандармерия, гвардия и так далее. Вот, мне кажется, весь запас их идеологии и все их мировоззрение на монархизм вообще и в частности — на современные задачи монархического объединения и движения. Такой идеологией предполагается победить мировое большевицкое движение и дать России мир и благоденствие, а себе...

Этих взглядов и понятий я не разделяю, а потому к современному монархическому движению примкнуть не могу, какое бы имя не выдвигалось, как претендующее на трон, или для возглавления объединения и движения.

После осатаневшего всем чесночного духа, конечно, русского человека можно увлечь любым другим. Поэтому в ходе нашей смуты от современного монархического движения я предвижу, быть может, в недалеком будущем, появление Шуйских, Самозванцев, Петров, Тушинских воров, но не национальной работы. Как таковое, оно столь же вредно, как и работа большевиков, но, по-видимому, это движение неизбежно.

Так как, по моему глубокому убеждению, такое движение не будет отвечать интересам историко-национального характера, то я не примкну к нему и, хотя бы оставшись в одиночестве, не откажусь от той присяги, которую принимал во Владивостоке и которая согласована с моим пониманием путей работы по совести на благо народу и его историческому предназначению.

В чем же заключается идея исторического, русского национально-религиозного самодержавия, по моему мнению, каковы пути к нему, почему идея и идеология плохо

проникают в современные организации, именующие себя монархическими, и зачем они, порой, вызывают к себе такое враждебное отношение со стороны наших, имя рек, монархистов?..

Попробуем побеседовать на эту исключительно важную и серьезную для нас тему, так как от успеха разрешения вопроса идеологии, зависит разрешение вопроса и практики: что же делать?

Идеология нашего исторического, национально-религиозного государственного строительства, как и всякая идея великого мирового религиозного значения, сохраняет чистоту, полноту и осмысленность принципов в практическом применении их, лишь в начале своего возрождения, в сознаниях масс, так сказать, в период наивысшего духовного энтузиазма толпы. Периоды соблюдения за земле последователями чистоты, воспринятой идеи — недолговечны. В житейских условиях будничной обстановки, среди соблазнов, порожденных внешними формами, и условиями практического существования идеи, и чистота самой идеи, постепенно искажаясь, теряет свой основной дух, постепенно уродствуется в своей сущности, искажается разными компромиссами, теряет свое духовное влияние и значение для масс и приводит к неизбежным движениям революционного, эволюционного и реакционного характеров, приводящим к катастрофам духовного, политического и экономического значения. Так: чистота Христовой идеи продержалась в принявшей ее церкви лишь около 3 веков, чистота нашей исторической монархической идеологии, по возрождении ее в начале 17 века, продержалась всего-навсего менее одного столетия.

Однако, отсюда вовсе не значит, что такие идеи не гожи, несоответственны, непрактичны, а потому и не удерживаются. Отнюдь нет. За все известное нам историческое время существования человека, идеи эти были, терялись, вновь возгорали, и хотя вновь падали, но каждое новое их утверждение на земле ознаменовалось и прогрессом в развитии чистоты восприятия идеи, что и сохраняет в нас надежду на их окончательное восторжествование в человеческом общежитии, в конечном итоге исторического существования нашей малой планеты.

Не буду уклоняться в область далекой древности, а начну лишь с истории России, с духовных и политических элементов нашей истории, создающих и обуславливающих, по моему глубокому убеждению, весь смысл, цель и предопределение для исторического существования русского народа на земном шаре, в ряду прочих народов мира.

Для меня, для моего мировоззрения, началом всего осмысленного, великого, глубокого, одухотворенного и вселенского значения на земле является Бог, и я уверен, что и для большинства русского народа это положение, сознательно или инстинктивно,

но однородно с моим убеждением. Бог захотел, чтобы на земле существовал русский народ и в середине X-го века он создан. А так как всякое творение Бога имеет смысл, цель и предопределение, то и народу русскому, в его государственном историческом служении миру, был дан Богом вполне определенный смысл: служить на земле, сначала в своей семье, а затем и для других народов мира, хранителем и проводником величайшей идеи бытия, идеи, установленной Христом в учении о Святой Троице в Едином лице, и путем проведения в своей государственной жизни принципов, определяющих это понятие и истину, осуществить в будущем задачу великого объединения всех народов на земле: Так как ни в каком другом учении, кроме христианского, идея эта и пути к ее разрешению не проведены столь полно и мощно, то одновременно с созданием первоначального государственного объединения в лице Киевского княжества, русскому народу было ниспослано Богом принять и Христианскую веру, и именно в ее чистейшем в идеологическом отношении учении, в учении Восточной Православной Церкви.

В основах учения Христа и лежат основные принципы русской государственной власти и начала идеологии исторического национально-религиозного самодержавного монархизма. Никакие иные начала, по моему глубокому убеждению, русский народ не может принять (сознательно или бессознательно) и никакими только внешними, бездейными формами монархизма нашего народа не обманешь на продолжительное время, не увлечешь серьезно и, главное, не удержишь надолго. Поэтому и нынешние монархические движения, как исходящие в основаниях не от Христа, а лишь от внешних эмблем и тех или других комбинаций и побуждений — обречены, в конечном итоге, на провал.

Так как в основе русской идеологии о своей государственности стоит Христос, то и начинать всякое возрождающее движение, в том числе и монархическое, необходимо с поднятия в русском народе основ чистоты и святости законов Христа и его наставлений.

Мне отвечают на это: все это так, но это слишком долгий и сложный путь, и другие успеют использовать современное шаткое положение советской власти, не разбирая, насколько шатко ее положение, а на первое отвечаю с глубокой и горячей верой: пусть.

Ничто не удержится в русском народе, что не со Христом и не от Христа. Рано или поздно, если только Господу угодно простить временное отклонение русского народа от Христа, он вернется прочно только к началам своей исторической, национально-религиозной идеологии, идущей от Христа и со Христом. А что я не увижу это спасение, а только мои потомки... Так разве для себя я вел братоубийственную войну и готов снова к ней? Разве для восстановления своих генерал-лейтенантских привилегий и для владения

хутором Фоминским под Москвой?... Что же из того? «Была бы Русь Святая и торжествовала бы predetermined ей от Бога цель».

А нам... Дал бы Бог сыграть лишь роль пчелы в улье на своем веку и умереть, хотя бы и не видя всего заполненного сота, не сознавая, что сот не был заполнен негодным материалом для долгого хранения, и не подделкой его, лишь для скорейшего завершения формы.

Из учения Христа вытекают и четыре основных положения русского, исторического, национально-религиозного самодержавия. Мне трудно в письме развить в полной мере мои мысли, так как тогда письмо обратилось бы в обширный религиозно-политико-философский трактат. Но мне хочется, дорогой мой друг, познакомить Вас и всех тех, кто связывал в прошлом свое участие в братоубийственной войне с моим именем, идя за мной с некоторой верой в чистоту руководивших моим сердцем и умом побуждениями, ознакомить, хотя бы кратко, с общими идеями моего религиозно-политического кредо, так как при нем я остаюсь и теперь, и не откажусь от него и в будущем. Вы и многие другие, продолжающие относиться ко мне, как к своему руководителю, имеете право и должны знать в корне, как мыслю я о связующей нас всех жажде дальнейшей деятельности, в целях скорейшего возрождения дорогой Родины вообще и в частности, ее монархической идеологии, и какие пути я только и могу, по совести, признать соответствующими, честными и чистыми для достижения, в конечном результате, начала возрождения зари новой светлой жизни для Святой Руси и народа, и почему никакими иными путями и организациями увлечься не могу.

Христос говорит Пилату: «ты бы не имел никакой власти надо мной, если бы не было дано тебе свыше, а Апостол Павел развивает это положение Христа уже совершенно определенно в земном, социальном отношении: «всякая власть — от Бога суть».

Исходя отсюда, исповедуя Христово учение всеми фибрами своей души, первым положением русской национальной исторической идеологии о своей государственной власти является неременным понятие о помазанничестве на царство и никто иной не будет прочно принят народом за Главу своего государственного представительства как Помазанник Божий. Помазанничество Божье, по истории религии, ведет за собой и Божье избранничество Помазанника. В этом отношении основные законы Императора Павла, как акты личные, а не народного творчества, о престолонаследии, в корне разошлись с духом основного положения идеологии народа. Правда, что Павел руководствовался хорошими побуждениями, и хотел устранить влияние на сей важный акт человеческих страданий. Но тем не менее, побуждения все те же вытекали из человеческих принципов, а не духа Божеского положения, и потому нарушали духовные права народа как выявителя

Божеской воли на земле. «Я смотрю не так, — говорит Господь пророку Самуилу при избрании Давида — как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце». Законы Императора Павла установили именно престолонаследие по лицу, по человечески, а не по Божьи, по сердцу, выявителем чего может быть только или церковь, или массовая воля народа (и чаще — объединение их), которой в таких случаях, по выражению летописца, «он (Бог) вложит в сердца всех людей едину мысль и утверждение».

Боже упаси Вас подумать, что этими словами я устанавливаю наличие в идеологии русского исторического самодержавия выборные начала, для царя. Ради Бога, постарайтесь уяснить себе сущность, и дух этого краеугольного камня русского национально-религиозного начала, напрячь Ваше духовное мировоззрение, отрекшись совершенно от влияния земных европейских формочек. Выборное начало носит в себе все признаки человеческого, гражданского характера, почему и выявляется, главным образом, в том, что выдвигаются те или иные, по личным человеческим вопросам, кандидаты. Их баллотируют по политическим настроениям, и, получивший большинство голосов, признается как избранный народом. В нашем «единении мысли и утверждении в сердцах», основой всего является человеческое, не политическое начало, уже потому, что единение должно последовать полное и не в умах людей, не по политическим расчетам, а в сердцах — в источнике духовных, Божеских импульсов человеческого существа. Это явление высшего мистического порядка проявляется при первоначальном избрании, как истинное чудо, в исключительной обстановке и в исключительные времена, а не сухие выборы обыденных условий разума, по законам, установленным самим человеком. Наше «обирание» Царя есть следствие религии, а гражданское «избрание», «выборы» — есть следствие политических условий и человеческих законов. Поэтому при «обирании» начинают не с выставления кандидатов, а с определения принципов, морально-религиозных и национальных свойств, которым должен удовлетворять тот, на кого могло бы пасть избранничество и Помазанничество Божье.

И вот, это-то идеологическое религиозное мировоззрение русского народа, основные законы Императора Павла, нарушили в корне, что и легло в основу последующей истории крушения прямой династии Романовых. Поэтому и теперь я не могу никогда согласиться с какой-либо теорией наших современных монархических организаций, выдвигающих, или хотя бы мечтающих, о том или ином кандидате, ибо вижу в этом основное крушение принципов исторической национальной идеологии и основное посягательство на религиозные права народа. Раньше, чем думать об избрании Царя, надо проникнуться всем существом мистическим актом «обирания» и подходить к делу восстановления

монархии в России с чистейшей совестью в смысле полного отказа от узурпаторства прав народа в этом деле. Иначе мы не добьемся видеть Россию снова Великой, Самодержавной, Христовой державой, так как и Бог не попустит изменения и единственный проявитель его воли на земле — народ, не примет нас.

Я получаю сейчас брошюры, даже целые книжки дорогого издания, с подробным разбором основных законов и определением юридических прав тех или других из Членов дома Романовых на прародительский престол. Если бы эти монархисты стояли на правильной и прочной почве национальной идеологии, то они не выказывали бы себя такими слепцами. Ведь с того момента, как Император Николай II отрекся от престола и своим актом изменил самодержавные основные законы Императора Павла, на конституционные положения, а мы все, во главе со всей плеядой Великих Князей, приняли его отречение и санкционировали отпад от самодержавных принципов, основные законы Императора Павла потеряли всякую свою силу на веки вечные и члены дома Романовых утратили всякие права на престолонаследие по принципам основных законов. Если бы современные монархисты глубоко и горячо исповедывали религию русского национального монархизма, то молились бы они теперь, со всем пылом и страстностью, не о восстановлении царя, а о возрождении к монархизму народа, ибо русский, национальный, исторический, самодержавный монархизм тем и отличается от европейского монархизма, что он определяет собой не политическую, а, если можно так выразиться, религиозную форму правления, не переходящую, однако, в то, что принято понимать под теософическим и к какой имеет стремление Западная Церковь, во главе со своими папами.

Затем еще одно из существеннейших понятий: монархизм Российского Государства определяется не тем, что во главе формы правления стоит монарх, в лице ли Императора, Царя или Князя — это безразлично, а тем, что весь народ исповедует для своего государственного строительства и управления собой принципы и положения, вытекающие из учения Христа, из коих первым краеугольным основанием является понятие о покое государственности на идее Помазанничества Самодержца и Самодержавии воли народа. Как тот, так и другой их этих углов основного камня исходят, по идеологии народа, от Божественных начал, а потому к чистоте и целостности их выявления народ относится как к святыне и всякое посягательство на то или другое умаление будет прежде всего кощунственным в отношении народной души.

Для европейцев это основное положение совершенно непонятно и неприемлемо: давно отойдя от чистоты учения Христа, в социальном приложении европейцы почти органически, утратили способность понимать нас с нашими мистическими влияниями,

проявляющимися в нашем государственном, общественном и бытовом мировоззрении. Видя мощь творческого духа русского народа и не находя в себе самих объяснений для оправдания такого явления с точки зрения открытого им лишь человеческого понимания, европейцы, невольно, вне зависимости от того или другого состояния русской государственности, прежде всего, инстинктивно боятся русского народа, боятся до самоунижения, подлости и безумия. И до тех пор, пока этот инстинктивный страх будет существовать и появляться, как и сейчас, мне будет ясным, что в русском народе не умерли начала Христова учения и нельзя терять надежды увидеть его снова у ног Христа и со Христом в его историческом, государственном строительстве. «И сказал ему диавол: «Тебе дам власть над всеми моими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее».

«Как вы можете верить, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите».

Вот и еще положение учения Христа, которое определяет сущность и дух второго из оснований национально-религиозной, самодержавной идеологии русского народа. Если наша идеология признает власть только от Бога, то она не допускает, именно по Божественности власти, чтобы власть стремилась или принимала земную славу, славу от людей, и этим самым как бы низводила, унижала покоящуюся на ней славу от Единого Бога и выраженную исключительно мистическим актом Помазанничества. В этом втором основании идеологии русской государственности кроется и весьма глубокий социальный смысл: слава на земле для всех, приемлющих понимание власти от Бога, не может быть приписываема одному лицу — Главе Государства, и слава земная не должна пленять Помазанника, так как он не должен забывать, что исшел от избранничества Бога, выявленного единомыслием в сердцах народа. Поэтому Помазанник и не может выделить себя на земном своем поприще в земной славе, от славы всего народа.

Истинно исповедывал в начале своего царствования это основание Великий Петр Первый. Как полны, величественны и национальны по народной монархической идеологии его слова, сказанные в день Полтавской битвы: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в благоденствии и славе». Тогда как сознательный Помазанник Божий, он не стремился к личной славе, она не нужна была ему в отдельности; он желал славы только для всей России, для всего народа. Себе же только он признавал славу от Бога, поему и была жизнь ему недорогога.

Но позже натура и обстоятельства уклонили Царя Петра от чистоты исповедания принципов идеологии русского народа и положений Христова учения. Уже в 1711 г., в создании Сената, это уклонение сказалось рельефно, резко. Сенат, будучи уродливым

подражанием западническим парламентским формам правления, в то же время являлся односторонним посягателем на религиозно-самодержавные права народа, исключив совершенно его волю, как выявителя Божеской воли из управления государством. Последующие шаги царя вели, главным образом, к ломке старых форм и порядков (быть может, тогда уже несовершенных с точки зрения идеологии), но так, до конца своей жизни, он продолжал отходить, шаг за шагом, от путей, предопределенных русскому народу Богом, а учреждением в 1721 г. Синода окончательно завершил свой исторический отход от национально-религиозных путей России в среде мировой жизни народов. С этого акта русский народ деспотической властью земного царя, отрывался от Христа и ставился на пути к Антихристу. Наконец, и в личном своем творчестве, Петр принял титул Императора, принял славу от людей, славу земных царств, славу от дьявола. Народной идеологии Помазанничества от Бога было нанесено этим актом страшное оскорбление и святотатство, послужившими следующими стихийными силами к развитию исторической катастрофы династии Романовых.

Повторяю, дорогой друг, что пишу Вам, по возможности, короче, бросая лишь идеи, не развивая их совершенно обсуждениями и всесторонним освещением. Но возьмите хорошее руководство по истории, Платонова или Ключевского, проштудируйте их положения и трактования в применении к моим идеям и, я думаю, они удовлетворят Вас. Мне же в этом втором основании нашей идеологии хочется остановиться на двух высказанных мыслях, которые требуют некоторого пояснения от меня самого.

Первая: можно думать, что я исключаю совершенно родовую преемственность Помазанников на престол России, в случаях прекращения или прерывания царствования династии?

Нет, я ее не исключаю, но не выдвигаю, не желая узурпировать воли народной в установлении в будущем принципов «обирания» царя и не имея к тому прямых поводов и указаний в учении Христа. Если же обратиться к истории нашей религии вообще, а в частности — к истории ее приложения в государственной жизни русского народа, то принцип родовой преемственности власти устанавливается, безусловно, положительно, почему, думаю, Земский Собор 1613 г., самый глубокий и всенародный из всех бывших Соборов, в числе принципов, установивших, кто может быть царем на Руси, выдвинул обязательным принципом и родовую преемственность, однако, не связывая его ни с каким юридическим старшинством членов рода. В данном случае, слава Помазанничества постигает избранника по Божьей воле, выявляемой во всенародной воле, а потому мы и не должны ныне нарушать идеологии национально-религиозного монархического направления русского народа предвзятым и необоснованным выдвижением кандидатов

по своему вкусу, и, тем более, что народные массы до сих пор далеко не убеждены в гибели Императора Николая II, Наследника Цесаревича Алексея и Великого Князя Михаила Александровича.

Второе: Вы можете думать, что, говоря об исключении Петром воли народной из управления государством, и этим я как бы устанавливаю, что монархизм наш должен включать в себе какие-то принципы конституционных или парламентских систем и форм правления, подобно существующим на западе?

Боже избави Вас от такого предположения. Я менее всего приемлю и перевариваю, по своему мировоззрению, принципы конституционно-демократических учений и считаю, что конституционал-демократизм в целом и в каждом из своих членов, являются наиболее яркими выразителями тех житейских элементов, про которые народное слово «выражается метко»: «Ни Богу свечка, ни черту кочерга». По моему разумению, если за истинное начало всего во Вселенной признавать Бога, то и наша социальная жизнь должна строиться на законах, исходящих из религии, а тогда сердце и ум приведут неизбежно к самодержавной монархической форме в идеологическом трактовании нашего народа. Если же отрицать Бога как начало всего, то ни к чему иному нельзя будет применить людское сожительство, как к социалистическому коммунистическому строю, устанавливаемому путем насилия и деспотии сильнейших над слабейшими. Всякие же серединки являются уклонками и крайне неустойчивыми компромиссными положениями человеческих объединений, которые Достоевский метко охарактеризовал выражением: «единение во имя спасения животишек».

Самодержавный монархический строй правления по духу национально-религиозной идеологии русского народа определяется не тем, что во главе человеческого сообщества становится неограниченный самодержец в политическом отношении, а все остальные члены государства являются его безличными и безвольными подданными, а тем, что весь народ, по своему существу и духу, является сам Самодержцем своего управления и, естественно, выдвигает во главу своего Правления одного из своих самодержавных членов, избираемых Богом и Помазанным на царство. Если было бы иначе, то монархический строй просто обращался бы в другую деспотию и ничего общего с учением Христа не имел. Принципы русского национально-религиозного самодержавия чрезвычайно идеальны и чрезвычайно просты с точки зрения положения учения Христа и чрезвычайно трудно усваиваемы и проводятся в жизнь людьми при уклонении и искажении основных положений учения Христа. При воцарении Михаила Федоровича Романова идеология такого самодержавия продержалась в полной своей идеальной чистоте в течение первых 10 лет его правления и дала совершенно исключительные

результаты в быстром и мощном восстановлении государства, разрушенного почти совершенно Смутным временем тех же принципов, что и нынешний большевизм. Царь Алексей Михайлович в первую половину своего царствования тоже понимал ее в полной мере и лишь церковный раскол, переведенный на светскую почву, положил начало уклонения нашего монархического правления от идеологического понимания национально-религиозной сущности и формы государственного строя.

«Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух».

Сотворенное на земле от людей будет земное, человеческое, приходящее в своем существе и относительной мере, а сотворенное на земле от Бога, во имя Бога, будет Благостным, истинным, духовно-содержательным и вечным.

И вот, идеология национально-религиозного самодержавия русского народа, исходящая из учений Божеских законов, указывает нам и путь к Рождению «от духа», к творчеству своего земного государственного бытия благодатным, истинным и духовным содержанием.

В чем же этот путь?

«Я — в Отце и Отец во мне. Видевшие меня видели Отца. Я в Отце моем и Вы во мне и я в Вас... Суд мой праведен, ибо не ищю моей воли, но воли пославшего меня Отца».

Что это определяет в нашем земном государственном приложении? Какие начала кладет это учение в идеологически понятные социальные человеческие сообщества вообще и в нашем самодержавном объединении в частности?

Возьмем первичный вид человеческого сообщества, семья: муж и жена. Он в ней и она в нем: только тогда и возможна гармония супружества, охранение человечности, культурности, духовности, семейного очага и благодатное творчество семейного бытия. Достигается это равенство, как и в равенстве Отца и Сына, не путем измышленных человеком социальных законов о равноправии, а путем единственного по величию и всеобъемлемости Божескому закону — закону любви... Жена подчиняется и сливается в одно с мужем по любви. Муж видит в жене равноправное существо и не отделяет себя от нее по той же любви. Любовь — не долга, а любовь дара, дара Божия и потому бесконечно сильная, справедливая, гордая, кроткая, смиренная. Муж творит, судит, зная и любя волю жены; жена творит и исполняет, зная и любя волю мужа. Муж руководит семьей через творение жены, любя ее волю; жена творит семью и очаг, любя волю своего мужа.

Любовь, любовь дара, а не долга — вот двигатель, работа и покой всему в самодержавном очаге семьи, в самодержавном строе государства народа, в самодержавном обществе людей всего мира. Самодержец творит волю не свою, а волю любимого им по дару

народа, так как для него эта воля выявляет Божественную волю, которой он был избран на Помазанничество. Самодержавный народ вторит волю не свою, а своего любимого по дару Помазанника, так как воля его есть отражение воли Божеской, воли всего народа, «обиравшей» его на царство не по политическим измышлениям и вкусам, а по сердцу, по вере в Божественное начало своей власти.

Вот поэтому, в национально-религиозной идеологии русского народа о своем самодержавии, Помазанник Божий правит государством, а самодержавный народ управляет им.

Править — это есть понятие о действиях морально-духовного свойства, а управлять — понятие о действиях материально-исполнительного характера. Правит Царь, управляет Земский Собор.

Вот это положение и составляет коренное отличие внутреннего содержания Земских Соборов Святой Руси от идеи парламентов, учредилок и прочих представительных органов конституционного мало-христианского Запада. Поэтому и состав Земских Соборов в корне отличен от состава представительных органов Запада. Первый — пропорционально-сословный, а потому и всенародный. Вторые — политические, а потому и партийные. Только Земский Собор и имеет моральное право именоваться органом действительно народного представительства, а ни в коем случае не партийной учредилки, палаты, думы и тому подобных западноевропейских человеческих измышлений, существующих для фальсификации народных волеизъявлений и обмана масс.

Когда в народных массах ярко вспыхивает и разгорается пламя Христовых законов и поучений, и существо человека стремится к нему всеми фибрами своей облагораживающейся души, то самодержавная идеология не встречает никаких затруднений, трений и препятствий в своем государственном применении. Творчество государства в эти периоды отличается поразительной продуктивностью, культурностью и благодатностью. Одновременно с улучшением общенародного благосостояния масс облагораживаются, смягчаются и совершенствуются и ее моральные и духовные силы.

Поэтому-то социалистические противники самодержавного монархизма так и стремятся всегда, прежде всего, подорвать, опоганить, умалить в народных массах прочность и чистоту Христовой веры. И нам, исповедующим начала национально-религиозного самодержавия русского народа, нужно, прежде всего, и больше всего, отложив всякое иное попечение и свои личные похоти, посвятить свои силы на служение Христу, на служение не по форме, как мы это делали в последние столетия царствования дома Романовых, а с полным самоотвержением, с величайшим горением и истинным

исповеданием законов Его учения, с полной готовностью умереть за Его имя, как служили ему Апостолы.

Антихрист силен, не менее силен, чем Христос. Слава его — слава земная, пленительна, ощутительна для слабого человечества, тогда как слава Единого Бога — лишь в самом человеке, в его верности, духовной и моральной, в его совести. И хотя врата ада никогда не одолеют Церкви Христа, но лишь для тех, кто будет верен по вере и чтит Христа не на словах, а на деле. Поэтому и для русского народа, в теперешнем его и нашем состоянии, врата ада опасны, и как некогда для Израиля, так ныне и для России могут стать пророческими слова Христа, если мы вовремя не раскаемся и не вернемся к истинной и творческой любви Христовой: «Се, оставляется вам дом ваш пуст... Потому, сказываю вам, что отнимется от Вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его».

Вот чем определяется лицо и дух идеологии русского народа о национально-религиозном самодержавном строе. Это тоже не столько политическая, сколько духовная форма правления, всецело вытекающая из религии, а потому не о царе нам нужно теперь мечтать, а о просветлении самих себя и русского народа в заветах Христа, дабы сохранить за русским народом Царство Божие. Это тезис идеологии самодержавности русского народа, несмотря на всю простоту его, если мы только являемся действительно христианами по духу, наименее усваивается и терпится современными монархическими организациями, а потому, по моему убеждению, большая часть их является не русскими, не православно-христианскими и не самодержавно-монархическими, а следовательно, и не последователями исторических национальных задач русского народа. Насколько они чужды духа национальной идеологии, указывает хотя бы постоянное применение ими в своих обращениях «к истинным русским людям», пошлейшей из поговорок жандармско-полицейского монархизма: «За Богом — правда, а за Царем служба не пропадут». Мечтать о воскресении России с такой приманкой, которую Антихрист расширил до: «грабь, все твое» — совершенно бесцельно. Никого на заманишь и никого не обманешь. Русский же народ может быть только или самодержавным народом Христа, или народом самодержавного царя Антихриста.

Соотношение Помазанника-Самодержца с самодержавным народом русским определяется и словами Христа своим ученикам: «Кто из вас хочет быть большим, тот будь другим слугой».

Это третье основное положение русской национально-религиозной идеологии, вытекающее из учения Христа. Каждый из нас, приняв веру Христа не только по форме, но и всем сердцем, всем рвением, всей душой, верующей и жаждущей великого и святого

предопределения России, не может не стремиться служить другому, чем только может, имея к тому импульс в любви к своему брату по вере, по родине, по идеям мирового значения. Тем более, Глава Государства, Помазанник, правит для блага народа, а не для своей личности, не для себя. Он являет высший пример служения другим и потому должен быть прост, скромн и легкодоступен. Эти качества Помазанника были исторически особенно ценимы народом, так как через них, для простого человека, легче всего и нагляднее подтверждалась идеология, быть может, и принимавшаяся им только инстинктивно, но, безусловно, глубоко и душевно. И в своем религиозном мировоззрении русский народ ценит обрядовую сторону Восточной Православной Церкви за простоту его общения с Богом через доступность служений Церкви, но при безусловном исповедании глубокого мистицизма обрядов, так и в вопросах своего государственного строительства ему необходима реальная простота общения с Помазанником, царем-батюшкой, при наличии религиозного элемента в самом представлении о лице Помазанника.

Начиная с Екатерины I, к этому основному положению нашей идеологии, начали относиться все большие и большие ограничения и Помазанник Божий все дальше, по тем или иным причинам, отдаляется от простоты общения с народом, восходя по ступеням политического монархизма к образу личного Самодержца, то есть претворяясь в деспота и утрачивая духовное обязательство служения людям вопреки примеру, данному самим Христом ученикам и впитанному в себя идеологией народа. Это послужило третьим основанием исторически назревшей катастрофы над Романовской династией. Николай II сердцем учитывал этот греховный и антинациональный уклон Помазанника от народа и неоднократно, в течение своего царствования, пытался приблизиться к массе в духе национальной идеологии. Но было уже поздно: боярство, с одной стороны, европеизаторы-интеллигенты, с другой, и охранно-жандармские сети с третьей, при отсутствии у Николая II достаточно сильной гражданской воли, не дали ему выполнить то, что подсказывало ему сердце искренне и верно исповеданного Помазанничества и катастрофа дома Романовых разразилась с необычайной жестокостью народа, потерявшего идеологические пути ко Христу и направленного по путям искаженного его учения к руслу ложной земной славы Антихриста.

Могут ли теперь те из членов дома Романовых, которые участвовали в отторжении Помазанника от народа, сами по себе подойти просто к народу, столь доступного ему по духовному и реальному общению так, как это вытекает из идеологии народа? Могут ли они быть искренними, чистыми и честными слугами других, когда готовы восстановить аксессуарные положения монархического строя, опираясь не на силу Христовой любви к народу, а на штыки и материальное закабаление различных иностранных «друзей»

и интервентов? Ведь и сейчас еще, здесь, на Дальнем Востоке, все это монархическое объединение лелеет мечты о своем выступлении в связи со всякими фантастическими планами и предположениями о предстоящих выступлениях японцев, Чжан Цзолина и прочих, думаю, что и на Западе оптимистические вожеления, по крайней мере большинства монархических элементов, покоятся на тех же антинациональных принципах, или в виде расчетов на иностранные штыки, или на иностранную финансовую поддержку, что, по существу, в народных и государственных интересах, одно и то же. Здесь, мне кажется, что всеми, именующими себя монархистами, в их стремлении к деятельности, к движению в Россию, больше руководит ненависть к советской власти не по духу и содержанию ее, а потому, что «она причинила нам всем столько материального ущерба и личных оскорблений и унижений. Искренние же стремления восстановить самодержавие народа, то есть вернуть его на пути народа Христа, послужить ему слугами и возлюбить его до подчинения его воскресенной Христовой воле своей воли, своей личности, своей жизни — как-то не видится ни в чем, не чувствуется сердцем. Но пока мы не найдем в себе именно такой чистоты, честной и бескорыстной любви для служения своему народу, мы не сможем слиться с ним. А без такого слияния нельзя создать той монолитной, духовной силы, общие усилия которой — свергнут Антихриста и дадут нам возможность по силе веры вернуться к ногам Христа, как пал к Его ногам исцеленный им, до конца уверовавший в него, больной бесноватый.

Вот четвертое основание, и самое существенное, исходящее из положения учения Христа в исторической, национально-религиозной идеологии русского народа. Вся чистота, вся сила, вся крепость идеологии в приложении ее к реальному гражданскому строительству русской государственности, только и может осуществиться всеобъемлющим чувством любви, объединяющим всех русских людей в одну семью — семью нашего Небесного Царя и Его Сына Иисуса Христа. Никакими социалистическими, демократическими или иными земными законами и измышлениями человеческого разума, а порой и безрассудка, нельзя достигнуть более или менее прочного и истинного проведения в жизнь идеологических положений русского, национально-религиозного, самодержавного государственного строительства, полного духовных и мистических элементов. Только одна новая заповедь о любви, данная Христом, является единственным верным путем и прочным фундаментом для строительства и существования Величественного, Святого и Самодержавного здания Российского Государства. Любовь, которую предлагает Христос, есть дар, не долг; каждый человек, при добром желании и стремлении, может достигнуть этого дара, если в сердце своем положит основанием поступать с другими так, как хотелось бы, чтобы поступали с ним и готовность всегда послужить, помочь

ближнему, не ожидая себе за это прибыли, славы земной. И если каждый будет исповедывать те же начала и идти теми же путями, то продуктивность, сотрудничество, духовные и физические силы государственного объединения будут развиваться с исключительной легкостью, простотой, приводя к прогрессивному и исключительно культурному возрождению.

Не подлежит сомнению, что совершенная любовь Христа есть идеал, достижение которого для нас, грешных, трудно. Но пути к ней не закрыты и постоянно наше деловое стремление к этим путям вполне возможно, легко и отраднo. А уже и такое приближение к идеалу дает свои благие результаты в нашем искреннем стремлении возродить снова Россию Христа и вернуть народ русский на пути истинного, религиозного предназначения и служения. Вспомните только, какое маленькое приближение к идеалу Христовой любви установил для нас сам Христос, учитывая наши человеческие слабости, но стремясь облегчить наш путь к принятию Его и не терять надежды на возможность достижения Его: «кто примет одного из этих малых детей во Имя мое, тот меня принимает». Неужели людям трудно достичь в себе дара даже такой капли той великой и бесконечной по милости любви Христа, которую он определяет в словах: «Нет больше любви, да кто душу свою положит за друзей своих... Любите врагов ваших, благословите проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас, молитесь за обиженных на вас и гонящих вас..., ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда. Не то же ли делают и мытари».

Это полнота Христовой любви. Конечно, идеальность ее трудно достигаема, но, повторяю, пути к ней уже не так трудны. Нам трудно, например, любить врагов наших, трудно благотворить ненавидящих нас, трудно молиться за гонящих нас. Но это не совсем так. Откажитесь хотя бы от личной мести, от личной расправы, как мы это делали до сих пор, и уже некоторая капля любви, любви, хотя бы и отвлеченной, будет вами проявляться ко всем этим людям. Разве это так трудно для каждого из нас лично? Вы скажете: это утопическая любовь, утопичные мечты, не применимые к реальной, практической земной жизни. А я вам говорю: нет. Ничего утопического здесь нет и личная месть, личная расправа, при национальной борьбе за идеологические начала, в реальном земном положении должна быть заменена народным судом, народной совестью, приближающей суд на земле к суду Божьему. Так и было в нашем историческом прошлом. И посмотрите, как не утопичен был такой суд, как строг и вместе с тем справедлив он в своем приговоре: он осудил даже свержение с престола царя Шуйского, признавая это свержение «общим земским грехом», хотя Шуйский был поставлен на царство горстью приближенных,

воспользовавшихся Смутой, и не отвечал тем принципам идеологии о Помазаннике, которые исповедывались самим Судебно-Земским Собором 1613 г.

Нет, возрождение русского народа и восстановление России Христа, с утверждением национально-религиозного самодержавного строя государства на Христовых заповедях любви — не утопия, а единственная по существу и единственная по силе возможность. Вы, как бывший простой строевой офицер-боец, правда, были всегда готовы в минувшей военной борьбе положить свою жизнь. Но как?.. По долгу честного, искреннего солдата. В этой готовности много доблести и чести, достойных искреннего уважения и поклонения. Но все же это не то, о чем говорит Христос и к чему он нас призывает в своей «Новой Заповеди». А скажите мне, много ли из тех, кто ныне стоит во главе разных монархических организаций, было в Вашем положении во время военной борьбы и было готово ежеминутно положить жизнь, хотя бы и по тем побуждениям, что и Вы?.. Так могут ли они быть готовыми теперь, в действительности (а не в прокламациях), отдать душу свою за друзей своих по любви Христовой? А без этой истинной готовности тщетны их попытки идти на борьбу с Антихристом и не вернуть им России к России Христа. Для такой победы нужна сила духа, даже больше, той силы, которая управляла Вами в реальной готовности отдать свою жизнь по долгу.

Что антихристово царство падет, я в этом ни минуты не сомневаюсь. Что оно, может быть, уже падает и наши монархические организации совершат свое торжественное шествие к Москве и достигнут кремлевского трона — я допускаю. Но это не то. Это не воссоздаст истинной России Христа с ее религиозной идеологией и ее предопределением от Бога. Не вижу и не чувствую я всем моим существом, сердцем, душой и пониманием в массе ныне шумящих монархических организаций, не только идеалов любви по заветам Христа, но даже простой человеческой любви по долгу друг к другу, как к братьям по несчастью и судьбе.

Вражды же много, внутренней, да и внешней. И страшно, страшно в преддверии новых испытаний и страданий русского народа.

Теперь, в заключение, мне остается свести отдельные мысли, здесь изложенные, в одну цельную идею моего понимания исторической национально-религиозной идеологии русского народа, в связи с его духовным мировоззрением и предопределением по Божьему соизволению, а затем закончить мыслями о тех путях, которые могли бы, по моему крайнему разумению, помочь нам прийти к желанной нами всеми конечной цели — восстановления истинной исторической национальной Святой Руси — России Христа...

Я уже говорил в начале письма, что зарождение существования на мировой исторической арене Российского Государства обязано воле Божьей, которой, одновременно, предопределены смысл, значение и цель нашему государственному и национальному образованию, в связи с проведением в мир начал учения Христа в духе Восточной Православной Церкви.

Земное учение Христа покоится на 3 началах, установленных и преподанных нам самим Христом: вера в Троидную Ипостась Бога; вера в Воскресение Христа из мертвых и вера в истину Его вторичного пришествия, связанного с началом жизни будущего века.

Понятие о Троидной Ипостаси Бога определяет сущность начала всякого благодатного и истинного бытия в мире. Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой: Творчество, Любовь и Дух.

Не может быть благодатным и истинным творчеством без любви и духа; не может любовь стать благодатной и истинной без творчества духовного и не может выявляться и благодатный и истинный дух без творчества через любовь. Три начала, сливающиеся в благодатное и истинное бытие в одно нераздельное целое начало.

Такое точно начало тоже было положено Богом через принятие учения Христа русскому народу в основу его национально-религиозной идеологии о своем государственном строительстве и в основы сущности и духа его самодержавного, монархического правления. Вера, Помазанник Божий и Самодержавный народ: Творчество, Любовь и Дух. Великая и Святая, Благодатная и истинная Россия Христа требует теснейшего единения и теснейше зависит друг от друга между Верой, Помазанником Божиим и Самодержавным Народом. Умалите в применении нашей идеологии одно из этих начал за счет другого или откажитесь от какого-либо из них вовсе: государственное единение России теряет сейчас же благодать и истину бытия, обрекшись на разложение моральное и физическое, приводящие к полной гибели бытия. Не может Помазанник Божий сохранить в глазах и сердцах народа чистоты принципов Христовой веры, если уклонится от сотрудничества с Самодержавной волей народа, так как этим самым утратит для народа духовность своего Помазанничества; и не может самоуправляться русский народ и охранить в себе чистоту тех же принципов Христовой веры, отвергнув Помазанника Божия, так как утрачивает любовь во Христе друг к другу и, следовательно, к своей вере. Как в том, так и в другом случае, основы идеологии подрываются в корне и Россия, переставая быть Россией Христа, становится на скользкий путь, ведущий к вратам ада.

Таким образом, первым, основным моим пониманием национально-религиозной, исторической идеологии русского народа является неперемнное наличие в строе его государственного управления и правления 3 самостоятельных и равносильных начал

власти: Веры, Царя и Народа, но находится в теснейшем внутреннем духовно-идеологическом слиянии и сотрудничестве. Сущность, дух и значение второго и третьего из этих начал власти мной были изложены уже выше, исходя из основ учения Христа и Божественности происхождения власти. Сущность же, дух и значение Веры, как первого начала власти — творчества — определены ясно и точно самим Христом в его словах: «Я пришел творить не свою волю, а волю пославшего меня Отца». Его же воля заключалась в подтверждении и соблюдении на земле людьми «законов и пророков». Следовательно, и роль Веры, как начала власти, должна заключаться в творении на русской земле воли Бога, то есть в направлении творчества государственного сообщества русских людей по руслу законов Божьих, заповедей Христа и наставлениях Пророков в духе и любви Нового Завета.

Основы веры Христовой определяют и сами принципы благодатной и истинной формы государственного правления в идеологии русского народа: единство власти во главе церкви, единство власти во главе правления и коллегиальность власти во главе управления: Патриарх, Царь и Земский Собор — три начала русского, национально-религиозного, самодержавного монархизма. Эти три начала государственной формы и сущности правления проходят через всю историю политического бытия русского народа, вплоть до первой половины царствования Алексея Михайловича включительно. Временами, под влиянием различных династических и «земских» грехов, благодатность и истинность этих трех начал уклонялась по своему существу и духу от чистоты основной идеи, установленной верно, и тогда назревали на Руси политические беды. Но иногда чистота их выражения чрезвычайно приближалась к идеалу, что вызывало исключительно мощное и прогрессивное творчество Государства на почве развития своего благополучия и мирового значения.

Не могу вдаваться здесь в подробности практического осуществления исповедуемого мной понятия национально-религиозной идеологии народа, к которому принадлежу я сам. Подчеркну лишь еще раз, что Помазанник Божий является Самодержавным Правителем, сословный Земский Собор — представительным при нем органом Самодержавного Народа и по функциям — органом управляющим, то есть исполнительным, а Патриарх — строгим, но справедливым Самодержавным творцом, претворяющим и ведущим любовью и духом Христовой веры волю Помазанника Божьего и Самодержавного народа в путях и духе законов Нового Завета Христа.

Не думайте, что реальное осуществление самодержавного строя по моему пониманию поведет к становлению на земле для русского народа рая и благоденствия, подобного идиллической жизни в аркадийских садах. О нет... Путь государственной жизни народа

был чреват терниями и страданиями, но были времена и действительной благодати бытия. И жизнь Помазанника Божьего не может не быть полной самоотверженного страдания. Заговорив о настоящей теме моего письма, я вовсе не имел ввиду выставлять рецепты для приятной земной жизни, как это мнят обыденно различные политические партии, рекламируя и предлагая свои программы обывательскому уму и сердцу. Наоборот, я более чем уверен, что именно наиболее чистое приложение идеологии народа, как его гражданской жизни, неизбежно поведет к необходимости переживать и наиболее земные человеческие страдания, лишения и угнетения, как для органов власти государства, так и для всего самодержавного русского народа. Иначе и не могло бы быть, если только ему суждено было действовать народом Христа, а всему государству в целом — Россией Христа. Иначе он не имел бы и величественного и славнейшего предназначения от Бога: повести за собой, в конечном пределе служения, весь мир — к миру Христа для вечной жизни. Повторяю еще раз, что ведь в нашем земном существовании мы в состоянии лишь приблизиться к путям идеалистической братской любви Христа и путем упорнейшего труда над собой и страдания в борьбе за этот идеал — постепенно совершенствоваться, но окончательное совершенство достигнется нами только к жизни будущего века. Времена ее никому не известны, но пути к ней известны: «Я есмь путь» — указал ученикам Христос, и для нас Россия Христа. Народ Христа — единственный в мире путь к этой будущей жизни, в которой уже не будет «болезней и печалей», ибо все люди станут братьями.

Тяжелой, безотрадной и беспросветной была бы жизнь русского народа без данного ему Богом высокого предопределения и вне его исторической, национально-религиозной идеологии и вечной борьбы за нее в государственном бытии. Тяжелой, беспросветной, безотрадной, дикой и деспотичной представляется многим людям и жизнь русского народа по его идеологии, в настоящем ее трактовании. Не только все социалистические партии, но и многие монархические организации, в погоне и стремлении к славе от людей, ведут ожесточенную и злобную борьбу против национально-религиозных основ нашей исторической государственной формы правления. Различными положениями и законами социального взаимоотношения между людьми они пытаются заменить единственно благодатный и истинный Божеский закон о любви, и пытаются построить на земле братство не путем любви и духа, а односторонними, однобокими, узкими и несправедливыми измышлениями слабого человеческого разума. Упорство и настойчивость этой исторической борьбы, ведущей начало от познания людьми добра и зла, понятно: это борьба начал Антихриста с началами Христа. И в этой борьбе русскому народу, с образованием его в X веке, была предназначена великая, Святая

и славная задача — быть воинами Христа, блюстителем и проводником в мире начал учения Христа.

Да будет милость Божья и да вернет он снова Россию к России Христа! Россия, Россия, верующая истинно в Христа, Россия Великая, Россия Державная, Россия Святая живет, борется, страдает, падает, воскресает и возвеличивается, стремясь не к славе от людей, а к славе от Единого Бога. Иначе она не могла бы быть православной. В этом движимом ее духе кроются причины непонимания России другими народами и теми из ее собственных сынов, для которых глубина, искренность, страстность и всеобъемлемость Православия утратили свое значение, перестали быть их плотью, кровью и духом. Подобно Антихристу перед Христом, издеваясь над идеологией народа, они, в действительности, ее не понимают, а потому только и могут бояться ее.

Служение русского народа, в его мировом предопределении, уподобляется служению в мире Христа. Это такое же неукоснительное славное служение веры, наполненное страданиями, унижениями, отвержениями и крестными страстями, каким является служение Христа, по Его Евангелию. За весь период исторического бытия Российского Государства Никто, ни один народ, ни какая другая вера, не хотят видеть в России — России Христа. Не было, кажется, в Европе и Азии народа, который не пытался бы уничтожить Россию, стереть ее с лица земли, поколебать в ней Христианскую веру, умалить значение ее идеологических начал. От диких татарских племен до культурных европейцев, от древнего Израиля до новоиспеченной живой церкви, все народы мира, окружавшие Россию, все иные религиозные исповедания, не исключая и неправославных христианских, с одинаковым ожесточением пытались попать, унижить Россию Христа или путем порабощения ее силой, или путем необъяснимой, садической нетерпимости к ее национально-религиозным началам государственного строительства.

Но тщетно...

Христос Воскресе!...

Наирадостнейший клик из всех и всяких других приветствий, которыми обмениваются православные русские люди в Великий день Святого Христова Воскресенья. Это самый величественный из праздников для нас, православных христиан. Мы глубоко чтим и свято исповедуем все двенадцатые праздники, мы радостно, весело встречаем день праздника Рождества Иисуса Христа. Но ни один из праздников не несет нам столько света, столько духовной радости, горячей надежды и бесконечных упований, как день Воскресения Христа.

Христос Воскресе — это утверждение Божественности Христа, учение которого мы приняли, и которое являлось, в течение почти 2000 лет, основой всего нашего духовного миропонимания и бытия.

Христос Воскресе — это вечный луч надежды христиан в достижении обещанной вечной жизни.

Христос Воскресе — это символ победы добра над злом, любви над смертью.

Христос Воскресе — это радостное знамение возможного возрождения к добру и жизни всякого начала, творения и действия в благодатных и истинных путях Господних.

Христос Воскресе — это солнце нашей духовно-моральной Вселенной.

Вот почему Православная вера, в отличие от прочих христианских учений, так исключительно светло и свято чтит память этого величайшего дня всемирной жизни и истории, как истины, без которой христианство обратилось бы в самое ужасное язычество.

Так и в государственной жизни русского народа, исходящей в своей национально-религиозной идеологии из основ учения Христа, непоколебимая и радостная вера в Воскресение Христа, несет всем твердым и крепким в Христовом законе русским людям вечное утешение во всех страданиях и лишениях, сопутствующих борьбе Святой Руси с врагами Христа и неувядающую, светлую надежду и веру в достижение окончательной победы, в своем великом историческом предзнаменовании. Вдумайтесь в величие и святость исторической работы народа, к которому, по благодати Господней, принадлежите и Вы: проникнитесь мыслью, что и Вы, в споспешествовании своему народу в его святой всемирной работе, можете внести и свою каплю меда. Чем тогда представлятся все наши лично переживаемые горести и беды?.. Ничтожеством, по сравнению с той каплей блага, которую может внести каждый из нас в общее творение народа.

Не раз в своем историческом прошлом русский народ грешил, падал и уклонялся от Христа в бездну, к вратам ада. Но всякий раз, опомнившись, прозревал в своем духе, пройдя весь путь крестного страдания и очистившись, сознавая в себе ниспосланного Христом, верующего в него, духа истины и воскресения к новой светлой жизни во Христе, к творению России Христа. Ничто до сих пор не смогло затемнить в нем духа истинного начала своего национального предопределения, как, верю, не заглушен он в нем окончательно и сейчас. И ничто не может заглушить Его и в будущем. «Дух истины пребудет с вами до скончания веков», — сказал Христос своим ученикам, отходя от них, до времени, к своему Отцу. Это третье из основных положений Христова учения, впитавшееся в плоть и кровь русского народа не только через веру православную

и религиозную идеологию, но принятую природой народа даже еще раньше принятия Христианства и государственной идеологии еще в период его языческого состояния. «Ляжем костями за Русь, мертвые сраму не имут» — говорит Святослав своим дружинникам, стремясь укрепить в них дух истинной любви, любви к братьям до готовности отдать за них душу.

Наличие духа истины в моральной природе русского человека, развитого в нем Творцом всего на земле, нашло народ в вполне подготовленным для принятия и утверждения последующих двух основных начал того единственного истинного учения о путях к началу всякого начала, из которого вытекает затем, естественным и логическим порядком, окончательно усовершенствованная историческая национально-религиозная идеология его государственного строительства. Из истории России не видно, чтобы чистые принципы этой идеологии выковывались ими, либо единичными, земными учителями, единичными представителями государственного главенства. Наоборот, попытки в этом отношении со стороны отдельных Царей и Князей (за исключением попытки гениальнейшего Иоанна Грозного), понижали чистоту принципов, удаляя их от начал учения Христа. Идеология выковывалась самим народом, его мистическим институтом, руководимым духовной истиной. По причине малой любви, она не отличалась устойчивостью и продолжительностью периодов царствования чистых начал в государственном бытии, но зато, после каждого падения и саморазрушения, она воскрешалась самим народом же с большей силой, яркостью, чистотой и святостью, как только обстоятельства давали народу возможность несколько вновь осознать себя и возобновить самостоятельное творчество своей государственности в духе истины Христовой веры... Вот почему, в силу исторического наследия духа истины за народом самодержавие Русского Государства определяется не самодержавием Главы власти, а самодержавием всего самого русского народа. И ныне, до возбуждения вопроса о восстановлении царя, монархические организации, при серьезности, честности и национальности своих помыслов, и понимании, должны были бы, после забот о вере, подумать и отдаться всеми помыслами и сердцем, работе по возвращению народу путей и способности проявить в полной и свободной мере его исторических самодержавных прав в управлении возрождаемой государственностью. А к самодержавному правителю народ подойдет уже сам через историческое «Божье соизволение» и в горении и пламенной вере, готовности снова пасть очищенным к ногам России Христа. Кончая набросок идеи и мыслей, захватывающих ныне все мое существо и доводящих до томительной боли ожидания и терпения, ввиду поступающих ко мне запросов от разных, пока немногочисленных лиц: «Что же делать? Какими путями идти?» —

я считаю возможным и необходимым высказаться ныне и в этом отношении, как подсказывают мне сердце, совесть, разум, любовь к своему народу и страстное желание увидеть Россию хотя бы у начала путей к России Христа. Пусть многое в моих мыслях покажется Вам поначалу слишком бредовым, отвлеченным, нереальным и непрактичным. Верую, верую всем, что есть хорошее и доброе в Вашем сердце, что это только кажется, я лично страстно и убежденно верю в благодатность и истинность для русского народа именно моего толкования национальной идеологии и я пойду к России только по началам Христовой веры, как бы не казались другим мои шаги слишком долгими, слабыми в отношении реальности и сомнительными с точки зрения практического их осуществления в ряду понятий и работы других политических деятелей. Совершенно искренне, не задумываясь над тем, как, когда и чем свергнуть большевицкую власть, я верю, что свержение антихристовых начал не под силу человеческому разуму и его начинаниям, если на то не будет Божьей воли и Божьего благословения. Я с возмущением отношусь ко всем походам на Россию с единственной идеей ненависти и мечтами силой физической завоевать положение в среде зарубежного русского народа. С негодованием встречаю всякие предположения и планы заграничной эмигранщины о водружении на трон того или иного из кандидатов.

Все, о чем я сейчас молю Бога, всей жадной, но грешной душой, всем сердцем и помышлением, это: «Боже, дай развить в себе силу и чистоту Твоей любви, пошли эту милость и благодать, ибо только эта любовь может привести к тому исключительному служению другим, которое вдохновляет, воодушевляет и сплачивает людскую массу на такое же служение друг другу и тем — несчастным нашим зарубежным братьям, — которое только и в состоянии пробудить в народе стремление и жажду вернуться к Тебе, к Тебе Единственному, истинному пути воскресения Великого, Святого, Твоего русского народа».

«Царство Небесное внутри вас есть», — сказал Христос. Да, я осознаю его в себе; я верю, что оно во мне, как верю и в то, что во мне самом живет Христос и Антихристос. И вся жизнь наша, во всех проявлениях своих, выявляет постоянную борьбу в нас этих двух начал, и только путем постоянного укрепления себя в духе истины и любви мы достигнем возможности одолевать начало антихристово и приближаться в себе самом к вечной жизни в Царстве Небесном. Эта работа над самим собой необходима для последующей работы в служении своему народу, с задачей вернуть его к Народу Христа и вернуть ему его историческое самодержавное право самоуправляться.

Об этом самоусовершенствовании я уже говорил Вам и писал в брошюре «Что делать». Из получаемых теперь писем вижу, что, по благодати Господней, во многом начал

пробуждаться тот Дух истины, которого раньше мы в себе не осознавали. Пойдем же дальше по этому благому и многообещающему Христову пути. Сделаем, с горячей молитвой милости Господней, второй шаг... Кто почувствовал в себе способность или желание, или готовность к самоусовершенствованию в Духе учения Христа, кто способен совершенно отказаться от «славы от людей», славы диавола, кто стремится к России не ради себя, не ради своих расчетов, благ и богатств, а ради народа, ради его славы и богатства, ради чистого, искреннего и национального служения ему до конца, кто всем сердцем всем разумением и всей крепостью разделяет дух, существо и пути исторической, национально-религиозной идеологии русского народа о своей государственности — тот откликнись, отзовись: будем братьями Братства Святого Воскресения, в которое мы все так верим и которого так пламенно жаждем для братьев русского народа, чтобы послужить ему и помочь вернуть Россию на пути России Христа.

В чем же выразится служение братьев своему народу сейчас, при отсутствии средств, при отсутствии возможности быть среди народа, при отсутствии нашего территориального объединения в условиях современной эмиграции?

«Не берите с собой в дорогу ничего», — говорил Христос, посылая на служение своих учеников, и действительно, служение в духе и любви людей по учению Христа не нуждается в средствах, не так необходимо и непосредственное общение. Сила его в искренности, чистосердечии, вере, истинности и любви в слове и деле.

Очистившись предварительно исповедью и причастием к служению Христу, укрепляясь через них в любви и чистосердечии к народу, пусть каждый из братьев распространит это письмо среди тех своих друзей и близких, которые по духу тоже способны быть братьями Святого Воскресения. Распространяясь дальше, от одного к другому, уже и не только между верными, будет российское Братство, начнет проникать Слово Истины и за рубеж, к народу, армии, власти. Пусть каждый из братьев сам от себя, в духе настоящих мыслей и идей, по силе слова, красноречия, а главное, по силе убеждения, страстного желания и чистосердечия, дополняет, развивает основные положения, руководствуясь и исходя всегда только от начал учения Христа. И если будет благословение и воля Божья над нашим служением, слово принесет свои плоды и достигнет Духа истины русского народа. Да не смущают никого такие мысли, что он не сможет говорить сам от себя. Это заблуждение. С горячей верой и желанием служить своему народу, речь польется сама, ибо «устаи Вашими будет говорить Дух Святой». Да не смущает ничье сердце и тот соблазн, что он может не видеть результатов своего служения. Это грех. Служение наше если будет истинным — будет как слово Божье и славы, которой нам надо искать — славы Единого Бога.

Если будет Божья воля, при первой возможности, перенесем служение в среду народа и здесь, помимо укрепления учения Христа, должно начаться служение народу в целях восстановления его самодержавных прав. Для этого нет надобности порочить советы, если только сам народ не откажется от них. Но состав советов должен перестроиться в пропорционально сословный, а сами советы должны сгруппироваться вокруг служителей церкви или светских людей, сильных в вере. Всеми мерами самодержавное творчество в преобразованных и очищенных от политиканов, советах, должно быть ограждено братьями и творчество народа направляется тогда само по твердому и верному руслу объединенного сотрудничества веры и народа, одному, без светского вмешательства церкви в практическое самоуправление народа.

На этом кончаю это письмо. Помните, что пора серьезно задуматься над идеями, изложенными в нем, и отдать себе ясный отчет: «что же, христианин ли я русский или нет?» Если нет, то нет меня и в России, ибо Россия не может быть ничем иным, как Россией Христа. Если же да, то не ставьте Ваши свечи под стол, а ставьте на стол, дабы светили они всем. Помните и другие слова Его: «Кто постыдится меня, того постыжусь и я». Как крепок этот стыд в нас и как исковеркал он Россию Христа! Если ныне не чувствовать, что только сила духовного оружия может исторгнуть русский народ из предверия к вратам ада, то значит, не нам причислять себя и к сынам России, распятой за свои грехи, как была распята Царская Семья за грехи Романовых. Мы же тогда представим собой лишь ту накипь, тех бесенят, которые, по слову Христа, вошли в свиней и бросились с крутизны в море, где и погибли. Очистившийся же от нас больной все же вернется к ногам Христа.

Пусть это чудо Христово, великого для России знамения, будет всегда в нашей памяти, и, приступая к служению народу, понесем на наших хоругвях и в наших сердцах великие слова Литургии: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем».

Да просветит Господь Ваше сердце и озарит благодатью и истиной к служению народу и России в истинных путях Православной Христовой веры. Я же всем сердцем приветствую Вас еще раз светлым и радостным Пасхальным приветствием:

Воистину Христос Воскресе.

Манифест Народной Социалистической партии России (НСПР)

"Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России.

Народная социалистическая партия была создана в подполье в сибирских концлагерях.

Краткое название Народной социалистической партии - "ВИКИНГ" (Витязь).

Народная социалистическая партия берет на себя ответственность за судьбы России. Она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства.

В своей деятельности Народная социалистическая партия будет руководствоваться следующей программой:

- 1) Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.
- 2) Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок). Размер участка около 10 гкт. в средней полосе России.
- 3) Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком, с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.
- 4) Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.
- 5) Установление на всех видах производств 2-х месячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4-х месяцев.

- 6) Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач для постройки жилищ.
- 7) Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.
- 8) Амнистия всех комсомольцев.
- 9) Амнистия рядовых членов партии, не запятнавшим себя издевательством над народом.
- 10) Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.
- 11) Амнистия Героев Советского Союза.
- 12) Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами.

Свободный труд, частная собственность в пределах, установленных законом, государственный капитализм, дополненный и исправленный частной инициативой, и

гражданская доблесть являясь основой построения нового государственного порядка в России.

Настоящая программа будет осуществлена после окончания войны и после прихода Народной социалистической партии к власти.

В первую очередь все льготы получают граждане, с оружием в руках не щадя жизни участвовавшие в построении и укреплении нового строя.

Всякому паразитизму и воровству объявляется смертельная борьба.

Наша партия - партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги - витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство.

Наша страна разрушена и разорена под властью большевиков. Бессмысленная и позорная война, вызванная большевиками, превратила в развалины многие тысячи городов и заводов нашей страны.

Но партия "ВИКИНГ" верит в могущество и гражданскую доблесть русского народа и дает клятву возродить русское государство из большевистских развалин.

С образом Георгия Победоносца сражалась и побеждала русская армия в старину, так будет и впредь, а потому наше национальное знамя - белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с георгиевским крестом в верхнем левом углу знамени.

Каждый гражданин, разделяющий программу нашей партии, должен вести запись граждан, желающих в нее вступить.

По всем областным и районным центрам необходимо организовать комитеты партии "ВИКИНГ".

Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право.

Руководитель Народной социалистической партии
ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (КПВ)".

Листовка бригады РОНА к партизанам

Штабам бандитских бригад и отрядов

Вы, сталинские опричники, никак не можете успокоиться от пребывания Русской Освободительной Народной Армии в Лепельском округе. Нам известно, почему, да и вы тоже об этом знаете. Мы народ не гордый и говорим прямо, что нам дает право делать выводы относительно ваших листовок.

Мы будем говорить фактами, против которых не попрешь. Вот вам первый факт. Когда еще Бригады РОНА здесь не было, то вы, брехуны, говорили населению, что Бригада

Каминского, мол, перейдет в партизаны и т. д. Более того, вы посылали несколько предложений Командиру Бригады за подписями представителей сталинского правительства с целью переименовать славную бригаду РОНА во 2-ю антифашистскую и предлагали перейти на вашу сторону, обещая ему за это ордена и похвалы вашего кровавого правительства. Помимо того, вы не раз обращались со специальными листовками к офицерам Бригады сделать то же самое, обещая им за это сохранения звания и зарплаты.

Это могут предлагать только бандиты, не имеющие понятия об идейности борьбы и ни гроша в кармане.

И что из этого получилось. В ответ на эти предложения Бригада пошла в большой поход против вас. Вы пытались этим воспользоваться, и ударами на Лепель и Чашники думали сокрушить мощь Бригады.

Но, как выяснилось, вы – хорошие бандиты, но не стратеги и вояки. Вы вместе с вашими большими силами вынуждены были бежать, как зайцы. Сколько погибло при этом невинных людей, которых вы держите под страхом приближения фронта, под строгим глазом НКВД, но которые сейчас готовы бросить вас и это скоро сделают, как только узнают правду о нас и о наших идеях. Так вот, горе-вояки, вы пытались Командира Бригады и всю Бригаду перетянуть к себе – это ведь факт. Ваши гнусные предложения находятся как документы в штабе Бригады. Против этого факта не попрешь. Тогда Каминский и мы не были сворой бандитов, тогда Каминский ведь не был «Гушинским вором». Но после того как Бригада начала вас бить и изгонять из пределов округа, то наш Комбриг и мы стали «народными палачами» и всем чем угодно.

Кто же теперь из нас в истерике, кто из нас в бессильной злобе – мы или вы, – представляем после этого судить только вам. Нам же важно отметить здесь, что ваша оценка льстит нам, ибо она ярко выражает наши удары по вас, бандитам.

А теперь посмотрим: кто же все-таки бандиты?

Вы приводите пример с Поддуревым. Хороший пример, только не в вашу пользу – обратимся снова к фактам. Поддурев, Гладков и Масленников повешены по приговору Военно-полевого суда Локотского округа, утвержденному Комбригом Каминским, как агенты и бывшие сотрудники НКВД.

Эти люди могут творить бесчинство, убийства со свойственной вам жестокостью. Но как только Комаричский район был включен в состав Локотского округа, песенка этих ваших братьев была спета. Кстати сказать, при отступлении большевиков Гладков взорвал Лопандинский завод. Факты! – против этих фактов никуда не попрешь.

Вот вам другой факт, характеризующий лик «народных мстителей». В деревне Осетице

Бегомельского района вами была издевательски избита шомполами пожилая женщина Новицкая, которая, кроме своей печки, ничего не знала и не видела. Этот факт подтвержден медицинским освидетельствованием, и о нем очень «мило» отзываются мирные жители не только у вас, но и здесь. Акт помещен в печати, где вы можете узнать подробности. Подтвердить его может выродок рода человеческого, махровый бандит, находящийся у вас в большом почете, командир 6 бандитского отряда бригады Железняк, производивший экзекуцию собственноручно.

Мы можем привести много таких фактов, но считаем лишним, ибо кому из людей бывшего СССР не известны утонченные методы пыток НКВД.

Из вышеприведенных фактов можно судить, кто же является бандитами и зверями, вы, грабящие население, избивающие его, или же мы – спасающие население от ваших грабежей и насилий. Мы не вдаемся в дискуссию, а представляем судить об этом мирному населению.

А теперь несколько слов об идее.

Кстати сказать, наши идеи вы упорно замалчиваете, даже не пытаетесь их дискутировать, отделяетесь только фразой «У бандитов, выроdkов идеи нет и не может быть». А так как вышеприведенные факты ярко говорят, кто бандиты и выродки, то и понятно, что ваши «идеи» – грабеж, издевательство, насилие и т. д.

С такими «идеями» далеко не уедешь и не победишь. И на самом деле, что вы можете противопоставить нашим лозунгам борьбы.

– Земля должна быть бесплатно передана в частное пользование крестьянину.

– Рабочий из крепостного пролетария должен стать свободным тружеником, участником создаваемых им прибылей.

– Интеллигенция в своем творчестве должна быть свободна.

Впрочем, прочтите наш Манифест, и вы увидите, что день рождения Манифеста есть день начала гибели Сталина и его всех приспешников.

Смерть кровавому большевизму, обречшему народы России на голод, нищету и ввергнувшему их в эту кровавую бойню. Да живут и здравствуют патриоты России, кующие счастливое будущее нашей Родине без большевиков и капиталистов! СМЕРТЬ БАНДИТАМ!

Бойцы и командиры Бригады РОНА.

(РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 47, л. 336.)

